

Р-82

КОСМИЧЕСКИЕ ДЕМОНЫ

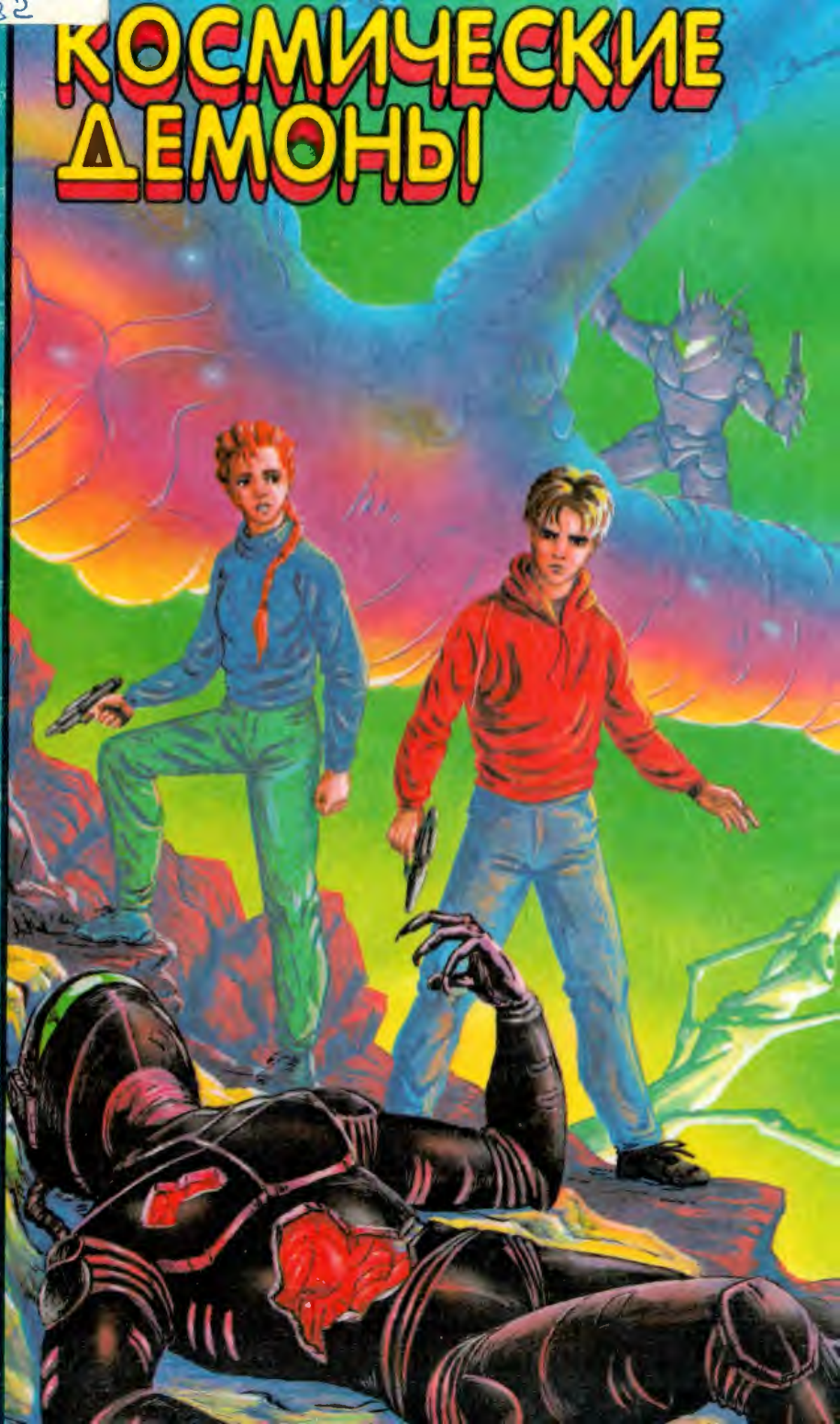

МОК
ИДЕС

ДЖИЛИАН РУБИНСТАЙН

РМАДА

ЗАМОК ЧУДЕС

**Фантастические и сказочные
повести для детей**

ЗАМОК ЧУДЕС

Джилиан Рубинстайн

КОСМИЧЕСКИЕ ДЕМОНЫ

Фантастическая повесть

Перевод с английского
И. Токмаковой

Художники
А.Еремин, С.Меркулов

Москва АРМАДА
1995

ББК 84.8
Р 82

SPACE DEMONS
by Gillian Rubinstein

Вы что-нибудь слышали о космических демонах? Откуда они возникают, насколько они опасны и надо ли побывать в космосе, чтобы их увидеть?

Что происходит с душой человека и с ним самим, когда он поддается гневу или ненависти? Каким могуществом наделяет человека добро и истинная дружба?

Оказывается, злые космические силы могут подстергать каждого из нас дома, возле любимой компьютерной игры. Повесть Джиллиан Рубинштейн рассказывает как раз о такой истории, которая приключилась с несколькими австралийскими подростками, и о том, как они выдержали испытание на верность друзьям, отзывчивость и доброту.

Р 4703050100-15 Без объявл.
903(03)-95

ISBN 5-87994-119-1

- © Gillian Rubinstein, 1986
First published by Omnibus Books,
Adelaide 1986
- © Перевод, Токмакова И. П., 1995
- © Художественное оформление, АР-
МАДА, 1995
- © Иллюстрации, Еремин А. М., Мерку-
лов С. В., 1995

ГЛАВА 1

— Ну, давай теперь ты, Эндрю! — обернувшись от компьютера, предложил Бен, ему надоело играть одному.

— Да ну его! — ответил Эндрю Хейфорд. — Не хочу. — Он валялся на кровати, лениво перелистывая журнал. — Я уже сто раз играл. Надоело.

Швырнув журнал на пол, он встал с кровати и подошел к окну.

— Все обрыдло, — сказал он, угрюмо глядя на улицу, где дождик лупил по деревьям и по асфальту. — Хоть бы дождь перестал! Эта зима, видно, никогда не кончится.

— Да ладно... Скажи лучше, теперь-то что будем делать? — спросил Бен.

Худенький светловолосый Бен Челлиз был ниже ростом и моложе Эндрю на несколько недель. Они дружили с раннего детства.

— Да ничего! Ни-че-го!

Надо сказать, в их дружбе не было настоящего равенства. Бен всегда восхищался Эндрю и во всем с ним соглашался, а Эндрю относился к Бену немного свысока. Вот и сейчас.

— Шел бы ты домой,— сказал Эндрю.— Играй, в конце концов, в свои собственные игры.

— Да, поиграешь,— посетовал Бен.— Даррен вечно торчит у компьютера. Не подойдешь.

Даррену Челлизу было уже пятнадцать. Он учился в предпоследнем классе и командовал младшим братом как хотел.

Бен вздохнул и отошел от компьютера.

— Ладно. Мне на самом деле пора. Темнеет.

— Ага. А то еще нападут на тебя по дороге.

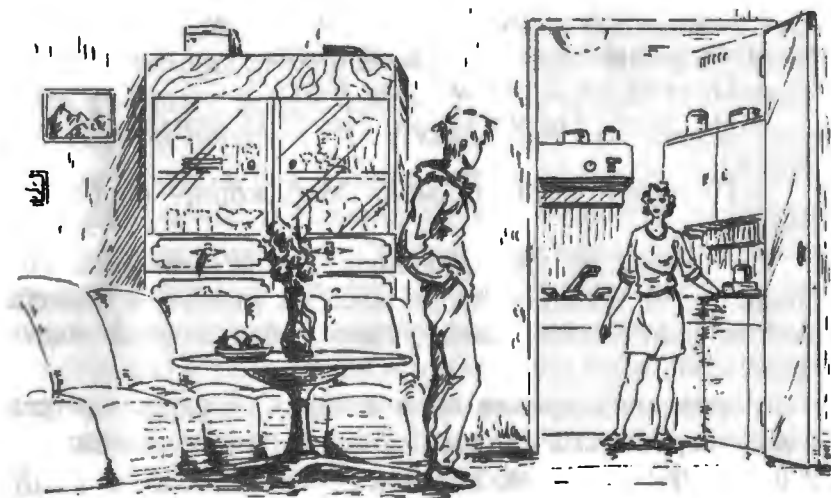
В его тоне прозвучала легкая презрительная нотка, и это немного раздражило Бена. Он взглянул на Эндрю и, пожалуй, впервые подумал: а почему, собственно, они дружат?

— Ладно, до завтра,— сказал он, никак не реагируя на насмешку.— Увидимся в школе.

— В школе! — повторил Эндрю с отвращением.

Они вдвоем спустились вниз по деревянной лестнице. У входной двери Эндрю улыбнулся Бену, по-дружески скосив глаза к переносице, и дружески похлопал его по плечу.

Бен улыбнулся в ответ. Он никогда не мог долго злиться на Эндрю. И никто не мог. Эндрю был на редкость красивым мальчиком. Его манера держать себя очаровывала буквально всех, причем без всяких усилий с его стороны. Он был единственным ребенком в семье, и ему никогда не приходилось испытывать какие-либо трудности или ощущать недостаток хоть в чем-нибудь. И вообще, он полагал, что мир существует в основном для него. Но в последнее время все пошло как-то наперекосяк: школа ему осточертела, но в колледж поступать было еще рано. Он уже не ребенок, но пока еще и не юноша. Одно он уже

перерос, до другого не дорос. Книги, игры, телепрограммы, которые полгода назад казались такими увлекательными, теперь представлялись скучными и бессмысленными. Он уже перечитал все книги, переиграл во все игры, видел все телепередачи... Все, все уже переделал, а ему было только двенадцать!

Он запер дверь за Беном и направился через весь дом в ту комнату, где семья обычно собиралась вместе. Мама была на кухне, смежной с этой комнатой.

— Обед готов! — крикнула она. — Бен ушел?

— Да, только что.

— Мог уйти и пораньше.

Марджори Хейфорд выглянула в окно.

— Уже совсем стемнело, он не доберется засветло.

— Мам, да не украдут его по дороге к Форсит-авеню.

— Случается, — сказала она, поднимая крышку кастрюли, которую только что вытащила из духовки. Она потыкала жаркое вилкой. — Готово.

— Случается,— продолжал Эндрю,— но не так часто и не с такими парнями, как Бен.

— Почему не с такими, как Бен?

— Не знаю. Он не такой. Ну, дашь поесть, Марджори?

— Не смей называть меня Марджори,— рассердилась она.

Но втайне ей это нравилось, и она, улыбаясь, положила ему большой кусок мяса на тарелку и полила соусом. Он такой милый, такой обаятельный мальчик.

Марджори ощутила легкий страх. А вдруг как раз таких воруют киднэпперы? Эндрю словно почувствовал ее опасение и попытался успокоить:

— Обо мне не беспокойся, я-то сумею постоять за себя.— Он решил перевести разговор на другое и спросил: — Папа скоро приедет?

Последнюю неделю доктор Роберт Хейфорд был на медицинской конференции в Осаке. Эндрю не особенно скучал, он редко видел отца. Что до него, отец мог бы и вообще переселиться в Японию. Доктор Хейфорд работал в большой университетской больнице в центре города, был предан своей работе, да и не прочь продвинуться по службе.

— Должен скоро быть. Он хотел взять такси от аэропорта,— ответила Марджори.

— Надеюсь, он не забудет про подарок,— сказал Эндрю.

Отец не забыл. Первое, что он сделал, едва успев войти,— открыл свой кейс и достал оттуда небольшой пакет.

— Вот, Эндрю,— сказал он, протягивая пакет сыну.— Теряки, фудзияма, сайонара, банзай! Это — последнее слово дьявольской японской техники. На некоторое время успокоишься.

— О, чудесно! — воскликнул Эндрю. — Спасибо, пап.

Он нетерпеливо разорвал упаковку. Внутри оказалась кассета с новой компьютерной игрой. На коробке был изображен инопланетянин в сверкающем комбинезоне, а бок о бок с ним находилась довольно мрачная личность, одетая во все черное, с черными торчащими волосами. От края картинки к инопланетянину двигалась другая черная фигура, похожая на первую, но только с волосами, стриженными на манер панка. У всех троих в руках было по цилиндрическому пистолету, откуда вырывалось оранжевое пламя. Поперек картинки алыми и черными буквами было написано: «Космические демоны». А сбоку и внизу бежали строчки затейливых японских иероглифов, непонятных ни Эндрю, ни его родителям.

— Вот это да! — воскликнул Эндрю с восторгом. — Ни у кого такой нет. Бен просто обалдеет.

Он с нежностью посмотрел на кассету. Это было больше чем просто заграничный подарок. Это был символ, подтверждающий его положение в жизни, призванный вызвать восторг и зависть его приятелей.

— Я сейчас же пойду попробую, — сказал он.

— А уроки ты сделал? — спросила мать.

— Утром сделаю, — пообещал Эндрю.

— Разве тебе не положено сделать уроки прежде, чем ты уткнешься в компьютер? — сказал отец.

— Я только попробую эту новую игру, пап. Нам задали совсем немного, я утром управлюсь, честное слово.

Эндрю обратил к нему свое улыбающееся лицо — глаза широко распахнуты, на губах легкая улыбка.

«Нарочно он так? — подумала Марджори. — Или это происходит бессознательно?»

Так или иначе, Роберт умел противиться его обаянию не больше, чем Марджори.

— Ладно,— сказал он.— По мне, все равно, только бы уроки были сделаны. И не засиживайся слишком долго.

Благодушное настроение сменилось недовольством, как только Роберт услышал щелчок зажигалки и почувствовал долетевший с кухни запах, свидетельствовавший о том, что Марджори закурила сигарету.

— Сколько ты уже выкурила сегодня? — спросил он. Голос его звучал холодно.

— Я не считала,— отрезала она.— Пять. Или десять.

— Пять или десять! — взорвался он.— Но это чертовски много! Ради Бога, Марджори, ведь уже год, как ты бросила. Зачем ты закурила снова?

— Мне это просто нравится,— сказала она.— Ты же делаешь, что тебе нравится. В конце концов, десять сигарет не так уж много. У меня хватит на это средств.

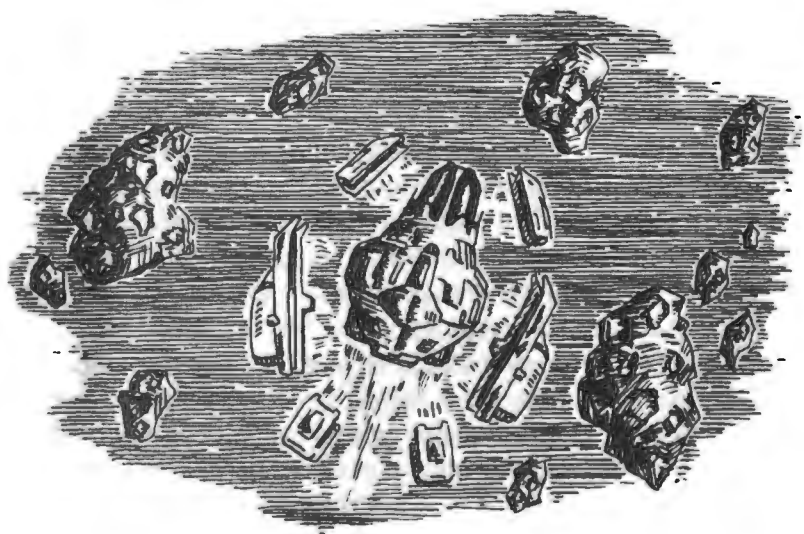
— Дело не в деньгах,— возразил Роберт.— Речь идет о твоём здоровье.

— Я совершенно здорова. Даже не кашляю.

— Но ты ведь жена врача,— сказал он сердито.

Эндрю понял, что ему самое время уходить. Родители говорили громче, чем стоило бы, и он решил не дожидаться момента, когда те перейдут на крик. Мальчик с унынием отметил про себя, что неделя, когда отец отсутствовал, была такой спокойной, не было никаких споров, и мама казалась вполне счастливой. Как только отец вошел в дом, возросла и напряженность. Поднимаясь по лестнице, Эндрю еще думал об этом, но, оказавшись в своей комнате, решил больше не вспоминать. Отогнав неприятные мысли, он стал разглядывать коробку, обещавшую нечто увлекательное. Эндрю открыл ее и вынул кассету.

— Попробуй оказаться неинтересной,— пригрозил он.

Однако его ждало разочарование. Кроме непонятных иероглифов, начертанных на коробке, какой-либо инструкции к игре не прилагалось, и Эндрю не мог как следует разобраться, в чем же состоит суть.

Все выглядело красиво. Экран светился глубоким синим цветом, и прекрасная, сверкающая космическая ракета устремлялась к далеким звездам. Когда джойстик направлял ее вправо, от ракеты отделялись бустеры,¹ тотчас распадаясь, и тогда маленький, в форме шишки, модуль уплывал с экрана. Процесс повторялся, и, что бы Эндрю ни предпринимал, ничего другого не происходило.

Он услышал, как внизу хлопнула дверь и на лестнице послышались тяжелые шаги. В дверном проеме показался отец.

¹ Бустер — вспомогательное устройство для увеличения силы тяги или скорости машин и механизмов; например, первая ступень многоступенчатой ракеты.

— Ну как? — спросил он.

Эндрю повернулся к нему, сразу же заметив и вместе с тем не желая замечать, что выражение его лица было холодным и злым.

— Не пойму что-то. Кажется, ерунда. Но думаю, что на самом деле нет. Надо еще покрутить.

— Профессор Ито сказал, что это пробный вариант игры, которую он разрабатывает для забавы. Разве я тебе раньше не рассказывал? Он просто гений. Профессор сказал, что сообразить, в чем тут суть, трудновато, но он полагает, что тебе будет интересно попробовать. Я там тебя подавал как специалиста.

— Хочешь попробовать сам? — предложил Эндрю. — Давай поглядим, что у тебя получится.

— Нет, сейчас некогда, — сказал Роберт. — Мне надо сделать пару звонков, а после я лягу спать. Была очень утомительная неделя. Да и перелет тяжелый. Я займусь после, ладно?

Он произнес это с улыбкой, но все же отказ оставался отказом.

Эндрю не возражал. Он и не ждал ничего другого.

— О'кей, — сказал он, возвращаясь к игре.

Он попробовал рассуждать логически.

«Надо что-то сделать, чтобы увеличить масштаб. Или чтобы поменялся экран, — думал он. — И поскольку единственное, что у меня получается, — это отделение бустеров, надо еще покрутить что-то в этом направлении».

Эндрю попытался отстреливать бустеры в нескольких различных пунктах экрана, пока ракета пересекала его по диагонали. Но степень точности получалась недостаточной. Поглощенный решением этой задачи, он снял с руки электронные часы и положил их перед собой на панель компьютера, выставив на дисплее мигающие секунды. Эндрю снова принялся за иг-

ру, отделяя бустеры через секунду, через две, через три. Он добрался до шести секунд, и тут усилия его были вознаграждены. Когда все бустеры отпали, раздался пронзительный звук, экран сменил синий цвет на фиолетовый и астероиды розовато-лилового, глубокого алого и аметистового цвета обрушились на серебристый космический модуль.

Тут был один выход — удирать; модуль был послушен джойстику, но возможности уничтожить астероиды у него, по-видимому, не было. Однако после нескольких попыток Эндрю обнаружил, что бомбардировка астероидами происходит согласно определенному плану и соответствует равным промежуткам времени, и он сумел удерживать ракету от разрушения, достигая более и более высоких уровней. Играть было интересно, и ему очень нравился момент, когда фиолетовый экран вспыхивал и серебристый модуль противостоял всем оттенкам розового.

Но Эндрю чувствовал: в игре должно содержаться что-то еще. Пока в ней не обнаруживалось ничего принципиально нового, чего не было бы в других играх. И где же обещанные «космические демоны»?

Теперь он достигал уровня в 8000 и больше. Внизу зазвонил телефон.

«Ну вот,— подумал он.— Не успел папа вернуться из-за океана, как они уже пристают. Ни за что не стану врачом, когда вырасту».

Он услышал, как внизу выключили телевизор и мама крикнула:

— Эндрю, спать!

— Ладно,— крикнул он в ответ, но себе сказал:— Попробую десять тысяч до того как лечь.

Но он не добрался до 10 000. Глядя краем глаза на цифры, в то время как он помогал ракете уворачиваться от астероидов, он отметил цифру 9876. В это время экран три раза вспыхнул.

«Точно он мне подмигивает»,— подумал Эндрю.

По спине пробежал холодок от соприкосновения с таинственным интеллектом, скрытым в игре. Экран сменил цвет с фиолетового на розовый. Астероиды стали взрываться, и их куски превращались в маленькие темные черноволосые фигурки с черным оружием в руках. Они рассыпались по экрану, словно неизвестные, устрашающие насекомые. Эндрю не успел сманеврировать, темные фигурки взорвали ракету, и она разлетелась на красные и оранжевые куски, а экран засветился своим первоначальным интенсивно-синим цветом.

Все это произошло мгновенно. Эндрю даже не был уверен, видел ли он действительно эти фигурки. Он сидел, с изумлением уставившись на экран. И все же у него было такое ощущение, что это только начало игры. Теперь, когда он увидал «космических демонов», им овладело нетерпение. Он должен был увидеть их снова! Он вновь выставил на часах секунды и уселся перед компьютером.

ГЛАВА 2

На следующий день после того, как отец Эндрю Хейфорда привез ему «Космических демонов» из Японии, Элейн Тейлор упражнялась, делая «колесо» на полу в своей комнате. Ну, не совсем в своей, потому что это был не ее дом, в нем они с отцом жили временно. Даже одежда, которая кучей лежала на полу, была не ее, а подержанной, купленной по случаю или скинутой ей приятелями. Кроме кровати, другой мебели в комнате не было.

«Приобретать что-нибудь новое — против папиных принципов», — думала с горечью Элейн.

Единственная «вещь», которая принадлежала именно ей и которой она могла гордиться, было ее собственное тело. Она села и завела правую ногу за шею. Ух! Что-то сегодня утром ей так тяжело гнуться! Со всеми этими хлопотами по переезду на новое место она лентяйничала пару дней, и вот теперь ее мышцы подчинялись неохотно.

— Элейн! — крикнул отец с другого конца дома. — Выпьешь чайку перед уходом?

Она разогнулась и прокричала в ответ:

— Да! Сейчас приду!

Встав с пола, она натянула джинсы, свитер, надела кроссовки, выпростала волосы из-под повязки, которая не давала им падать на лицо во время гимнастики, и заплела их в косу, спадавшую почти до самого пояса.

— Я решила постричься, — сказала она, входя в кухню.

— Зачем? — спросил отец. — У тебя красивые волосы.

У него были такие же волосы: темно-рыжие, густые, волнистые и тоже длинные — до плеч. И светлая, песочного цвета, борода.

— Они мешают мне заниматься.

Дэвид Тейлор пожал плечами.

— Остриги, если хочешь. Они снова отрастут.

«Характерно для него, — подумала Элейн. — Ему все равно. Что бы я ни делала — ему все безразлично».

Она оглядела отца критическим взглядом, пока тот готовил чай. Пакетики с чаем казались крошечными в его огромных руках. Рыжие волосы начинали расти прямо с тыльной стороны ладони и поднимались вверх по руке, вились возле красно-синей татуировки и прятались под рукавами свитера. Как правило, она принимала его безоговорочно, любила, но время от времени смотрела на него как бы издалека, какими-то чужими глазами, и тогда он ее чем-то раздражал.

«Господи, какой верзила, — подумалось ей. — Неудивительно, что мама рванула от него. Вот бы и мне!»

Отец швырнул чайные пакетики в раковину и поглядел на нее.

— Ты о чем замечталась, Элли?

— Да так! — ответила она. Ей стало совестно.

Они никогда не говорили о матери, которая два года назад скрылась. В жизни Элейн образовалась как бы глубокая вмятина, как волчья яма, которую ей обычно удавалось обходить, но иногда она соскальзывала в нее, снова и снова испытывая тот же первоначальный ужас.

Ей было бы легче, если бы Дэвид поговорил с ней об этом. Но как только она делала попытку, он плотно смыкал губы, а потом злился на нее, находя какую-нибудь придирку. Молчание наполняло ее болью и чувством вины, а его озлобление вызывало страх и обиду. Ей некому было рассказать, что она чувствовала, и потому в уме она сочиняла бесчисленные письма к матери. Большинство из них никогда не выливались на бумагу, а те, которые писались, никогда не отсылались. Да она и не знала, куда их посылать, но так все-таки сохранялась иллюзия, что мать по-прежнему досягаема и все еще ее любит.

«Милая мамочка,— сочиняла Элейн про себя.— Вот мне опять приходится поступать в новую школу. Мне бы надо купить одежду поновее. Как ты думаешь, стоит ли мне остричь косу?»

Она села к столу, взяла в руки кружку с чаем, которую ей пододвинул отец, положила три ложки сахара в чай и оглядела недостроенную кухню. На столе — початый батон, баночка с маргарином и джем. И маргарин и джем были припудрены опилками.

— Есть будешь? — спросил отец, намазывая на хлеб джем с опилками.

Элейн покачала головой.

— Как знаешь. А я примусь за работу. Еще уйму предстоит сделать. И не будем же мы тут сидеть вечно.

— Ты меня в школу проводишь? — спросила Элейн торопливо.

Он взглянул на нее с удивлением.

— Ты хочешь, чтобы я пошел?

— Ага,— сказала она. Хотя вовсе не была в этом уверена. Уж очень его внешность была заметной. Люди обычно на него таращились — он был такой огромный, с копной рыжих волос. Но отправляться одной в незнакомую школу тоже было боязно.

Но Дэвид уже решил. Он взял в руки электропилу, которая лежала на недоделанной табуретке.

— Все будет нормально. Я приду тебя встретить, ладно?

— Ладно,— ответила она.— Дашь мне что-нибудь на завтрак?

Он вынул из кармана два доллара и протянул ей.

— Счастливо, детка.

— Ладно,— сказала она еще раз.

Пила завизжала еще до того, как Элейн успела открыть дверь и выйти из дому.

«Милая мамочка,— стала она сочинять снова, хлопнув за собой наружную дверь,— твоя дочка идет в новую школу в старой одежде и без завтрака. Под дождем...» — добавила она, дотрагиваясь до мокрых кустов в запущенном саду. Она прошла через калитку, которая соскочила с петель и была просто прислонена к каменному забору.

Как только Элейн ступила на тротуар, мимо промчался велосипедист, обдав ее грязной водой из лужи. Она увидела парня в черной куртке и черных джинсах и крикнула ему вдогонку:

— Гляди, куда едешь, идиот!

Другой парень вышел из двора соседнего дома, крича:

— Подожди меня, Марс! Мама сказала, чтобы ты меня подождал!

Парень на велосипеде не обратил на него никакого внимания и скрылся за углом. Его брат театрально вздохнул и пробормотал:

— Вот постой, скажу маме.

У него было круглое, оливкового цвета лицо, полноватое и добродушное, карие глаза и темные волосы.

— Эй,— сказал он.— Вы только что переехали?

— Ага.

— Ты будешь ходить в школу Кингсгейт? Хочешь, я покажу тебе дорогу?

— Сама разберусь,— сказала Элейн с некоторой осторожностью. Она столько раз меняла школу, что научилась быть осторожной. Ни к чему было сразу проявлять дружелюбие. Того, кто первым предлагал дружбу, как правило, в школе не любили.

— Как тебя зовут? — спросил мальчишка, нисколько не обидевшись.

Элейн поняла, что от него быстро не отделаешься.

— Элейн Тейлор,— ответила она с некоторым вызовом в голосе, который можно было понять так: «А тебе что за дело?»

— Меня зовут Джон. Джон Ферроне. Мы соседи. А это был мой брат Марио. Ему велят ждать меня, а он никогда не ждет. Я учусь в седьмом. А ты?

— Тоже в седьмом,— сказала она.

На этот раз в ее словах звучало: «Отвяжись».

Джон Ферроне шагнул рядом и вел свой велосипед за руль.

— Вы что, в самом деле заплатили сто тысяч за этот дом? Мой отец говорит, что вас надули.

— Ничего мы за него не платили,— сказала Элейн,— это не наш дом. Мы просто поживем в нем немного.

— Я так и думал, что твоему отцу столько не по карману. Я видел, как вы разгужали свои пожитки.

«Любитель совать нос не в свои дела»,— подумала Элейн сердито.

— Он, что ли, будет ремонтировать дом?

Джон вроде бы и не задавал вопросы, а констатировал. Если на его вопрос не было ответа, значит, так оно и есть. Затем последовал новый вопрос:

— А что-то мамы твоей не видно? Она умерла?

«Милая мамочка,— подумала Элейн.— Ты умерла? Ты поэтому никогда не отвечаешь на мои письма?»

— Нет,— сказала она вслух,— она в Сиднее.

— Сбежала? — спросил Джон.

Элейн не ответила. Джон несколько минут сочувственно помолчал. Потом начал снова:

— Ты что, из цирка?

Элейн так удивилась, что даже обернулась и посмотрела на него.

— С чего это ты взял?

— Я видел, как ты занимаешься акробатикой. Очень здорово. И папа твой тоже похож на циркача, на тяжеловеса. И волосы у него длинные.

— Мы в самом деле какое-то время ездили с цирком,— сказала она,— в Новом Южном Уэльсе, пару лет назад.

Она тут же пожалела, что сказала об этом. Ее злил этот парень, который уже успел столько про нее выведать.

— Хотел бы я уметь так, как ты,— продолжал он.— А что ты еще умеешь? Можешь фокусы показывать? Обожаю фокусы. А жонглировать?

Элейн сжала губы, чтобы больше ничего не выболтать. На самом деле отец умел жонглировать и знал кучу разных фокусов, любил их показывать людям, но стоило сказать об этом Джону, так он начнет шлаться в их дом без конца. Она пошла быстрее.

Джон сел на велосипед и тихонько поехал рядом. Больше он ее ни о чем не спрашивал, а стал рассказывать о себе. Она услышала о его братьях. Один

был уже женат и жил с женой и маленькой дочкой в Порт-Аугуста, другой еще жил с родителями, но уже работал, а третий — Марио, ему тринадцать. Джон его, видимо, и боялся и обожал одновременно. Пока они добрались до ворот школы, Элейн узнала, что его мать работает медсестрой в больнице посменно и что его отец — строитель.

И еще она поняла, что если не избавится от Джона Ферроне, то попросту сбрендит. Но Джон вовсе не хотел, чтобы от него избавлялись.

— Пошли, — сказал он. — Вон мистер Рассел, наш учитель. Пойдем попросим, чтоб я стал твоим шефом. У нас все новенькие на первую неделю получают шефа.

«Тьфу, — подумала Элейн, — все идет наперекосяк. Что он ко мне клеится? И, между прочим, ни на одной из девчонок нет джинсов!»

Мистер Рассел оказался молодым и приветливым.

— Здравствуй, Элейн, — сказал он, — ты у меня, в седьмом. Я тебя провожу в класс и принесу тебе учебники. Спасибо, Джон, но я думаю, кто-нибудь из девочек возьмет шефство над Элейн. Пойди запаркуй свой велосипед.

«Здорово, — подумала Элейн. — Этот все понимает. Его не проведешь».

Мистер Рассел шел быстро, Элейн поспевала за ним, стараясь на ходу оглядеться. Многие из школьных зданий были новые и современные, между ними располагались лужайки и площадки для отдыха, некоторые из них были оборудованы спортивными сна-

рядами: шестами, кольцами, брусьями. Ее глаза радостно сверкнули. Мистер Рассел спрашивал про ее последнюю школу. Он сказал, что в школе все носят форму. Если у нее с этим возникнут трудности, пусть она обратится в контору, ей помогут.

«Трудности! — подумала она. — Никаких трудностей. Просто — папа. Как мне объяснить в конторе, что он за человек?»

Когда они подошли к классу в конце овальной лужайки, мистер Рассел с силой распахнул дверь, и девочка, которая находилась в классе, подскочила, как перепуганный кролик.

— Линда, — сказал он резко, — что ты тут делаешь?

Она виновато улыбнулась и кинула взгляд на то, что писала за минуту до того.

— Ни-ничего, — ответила она.

— Ты знаешь правила, Линда. До звонка в классе быть не полагается.

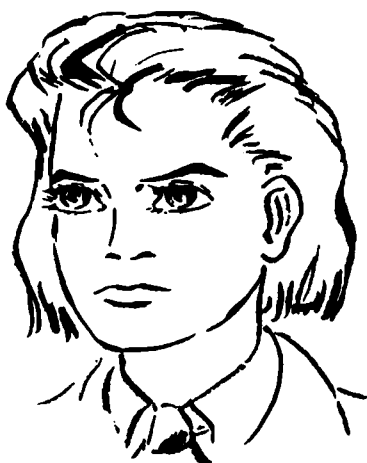
— Извините, мистер Рассел, — сказала она.

Она снова улыбнулась, на этот раз не виноватой, а сияющей улыбкой.

Обезоруженный ее улыбкой, мистер Рассел сказал:

— Ну, раз уж ты здесь, то я тебя вот о чем попрошу. Будь шефом Элейн. Сделай так, чтобы она разобралась во всем и почувствовала себя как дома. Парта перед тобой не занята? Та, где сидела Кати Клеменс? Пусть Элейн ее займет. А я пойду принесу ей учебники.

Девочки оглядели друг друга. Они не произвели друг на друга хорошего впечатления. Трудно было

оказаться более непохожими. Элейн, тоненькая и бледная, казалась неопрятной, даже слегка диковатой. Нетуго заплетенная рыжая коса уже начала расплетаться. Светлые волосы Линды были модно подстрижены, и что-то неуловимое говорило о том, что ее дома холят и лелеют. Одежда была элегантной и новой, туфельки блестели. Обе девочки были слегка испуганы, они глядели друг на друга напряженно, даже, пожалуй, враждебно.

Линда спокойно уселась за парту и снова принялась что-то писать на листке бумаги, чему-то улыбаясь про себя. Ее парта была уставлена разными принадлежностями: маленький ежик-карандашница, шкатулочка с выдвижными ящичками, в которых лежали ластик. Ее фотографии, вырезанные из коллективных классных, были прикреплены к парте скотчем, и красивым шрифтом выполнена надпись: «Линда Шульц сидит за этой партой». Элейн молча изучала все эти предметы. Линда кончила писать, сложила записку вчетверо и положила ее на парту в последнем ряду.

— Только посмей проболтаться,— сказала она Элейн.— Это записка Эндрю Хейфорду. Он мой мальчик.

«И ты держись от него подальше»,— звучало в ее тоне.

Элейн почувствовала себя униженной. Поэтому она сказала резко:

— Плевать мне. Меня эти вещи не интересуют.

— Да уж, конечно, вряд ли,— сказала Линда с презрением.— Ну, пошли? Надо показать тебе все до звонка.

ГЛАВА 3

Эндрю протянул руку к заднему сиденью «вольво», достал свою школьную сумку.

— Пока, мам,— сказал он Марджори.

— Я за тобой заеду после уроков, может начаться дождь,— сказала она.

— Идет!

Судя по ее тону, она была в хорошем настроении. Стоило попробовать:

— Дашь немножко денежек?

— А куда ты девал свои карманные?

— В воскресенье все потратил.

— У меня мелких нет. Я дам тебе пять долларов, но тебе придется их потянуть какое-то время.

— Пять долларов? Чудесно! Спасибо, мам!

С важным видом Эндрю направился к школьным воротам. С пятью долларами в кармане он чувствовал, будто вся школа принадлежит ему. Он пошел поискать Бена. Родители Бена были учителями, он

приезжал в школу рано и обычно околачивался возле входа, поджидая Эндрю, который, наоборот, как правило, опаздывал. Но в это утро и признаков Бена не оказалось, что было досадно, потому что Эндрю жаждал рассказать другу об игре, которую отец привез ему из Японии.

«Интересно, разберется ли Бен в «Космических демонах»,— подумал он.— Я ему не скажу, что удалось выяснить мне. Посмотрим, справится ли он сам».

Он в конце концов обнаружил Бена в толпе других учеников перед входом в седьмой класс. Все уставились на рыжую девчонку, которую Эндрю видел в первый раз. Она ходила на руках по траве на овальной лужайке.

— Эй, вы! Что тут происходит? — спросил Эндрю. Бен повернулся к нему и приветствовал его улыбкой, но ответил ему Джон Ферроне, который стоял рядом с Беном:

— Это новая девочка, Элейн Тейлор, она раньше была в цирке.

— И кем же она была? Дрессированной шимпанзе? — фыркнул Эндрю.

Его слегка бесило, что кто-то, кроме него, мог вдруг оказаться в центре внимания.

Линда Шульц услышала его и рассмеялась. Она подошла и стала рядом с Эндрю.

— Бахвалится, ужас! — сказала она.— Первый день в школе, и поглядите вы на нее!

Не обратив внимания на Линду, Эндрю дернул Бена за рукав. Он все еще увлеченно рассказывал про «Космических демонов», когда зазвенел звонок и ребята стали выстраиваться в линейчку, чтобы идти в класс.

Элейн вскочила на ноги. Она была чудовищно на себя зла. Она вовсе не собиралась похвалиться, всякий раз это получалось само собой. Чем больше она волновалась и чувствовала себя не в своей тарелке,

тем больше старалась привлечь к себе внимание. Линда обошлась с ней так заносчиво, так противно, когда показывала школу, что, вернувшись на овальную лужайку, ей захотелось продемонстрировать, что может она, Элейн. И вот в середине фразы, которую произнесла Линда, она вдруг сделала кувырок вперед без рук и сразу же несколько сальто назад. Другие ребята подтянулись поглядеть, и тут она уже не могла остановиться.

Мистер Рассел подошел к дверям своего класса. Он быстро оглядел дожидавшихся его девчонок и мальчишек и слегка нахмурился, поглядев на Элейн. Он вообще-то был доволен тем, как шли дела в классе: они с ребятами понимали и уважали друг друга. Он очень надеялся, что эта новая девочка ничего не испортит.

— Ты перепачкалась, Элейн, — сказал он. — Пожалуйста, Линда, проводи Элейн вымыть руки.

— Он любит, чтобы мы выглядели опрятно, — сказала Линда по дороге к туалетной комнате. На обратном пути она заметила: — Эндрю сказал, что ты похожа на шимпанзе.

— Да? Он что, умственно отсталый?

«Интересно, который из них?» — думала Элейн, возвращаясь в класс. Все ребята отыскивали страницу 88 в учебнике «Математика и жизнь», а мистер Рассел что-то писал на доске. Многие ребята воззрились на Элейн, а один из них соорудил обезьянью рожу, уперевшись языком в нижнюю губу и скосив глаза к переносице. Она заметила, что Линда сдерживает смех.

«Ага, — подумала Элейн. — Это и есть знаменитый Эндрю. Забавно».

Мистер Рассел повернулся от доски.

— Познакомьтесь с нашей новой ученицей, Элейн Тейлор. Надеюсь, ей будет хорошо в нашей школе.

Элейн почувствовала, что лицо ее розовеет. Она передернула ушами. Такое с ней случалось, если она была чем-то очень смущена. Она надеялась, что мистер Рассел этого не заметил. Но ребята уж точно заметили. Они глядели на нее с восхищением, стараясь угадать, сможет ли она такое повторить.

— Садись, Элейн,— сказал мистер Рассел. Голос его звучал сухо и холодно.

«Заметил-таки»,— подумала она. Она села на парту и сидела, не поднимая глаз, чтоб не натворить еще чего-нибудь.

Как только мистер Рассел снова отвернулся к доске, Элейн почувствовала, как что-то ударило о ее левую ногу. Она увидела на полу бумажный самолетик. Линда, сидевшая сзади нее, пыталась дотянуться до него линейкой. Забыв все свои благие намерения, Элейн нагнулась и подняла самолетик.

— Дай сюда,— прошипела Линда.

Иногда Элейн приходилось удивляться своему собственному поведению. Она знала все неписанные правила, как нужно вести себя в школе новенькой — не высовываться, всех слушаться,— но почему-то была совершенно не способна им следовать. Поэтому она не отдала самолетик Линде. Вместо этого она подняла его, развернула и прочла, что было написано в записке. После этого она издала тихий, но весьма правдоподобный звук, как будто ее вот-вот стошнит. Линда рванулась, чтобы выхватить у нее записку, и Элейн, поглядывая на мистера Рассела у доски, позволила ей это сделать. Мистер Рассел повернулся от доски как раз в тот момент, когда, завладев своим любовным письмом, Линда садилась на место.

— Принеси, пожалуйста, это сюда, Линда,— сказал он.

Метнув полный ненависти взгляд в сторону Элейн, Линда подошла к учительскому столу.

— Спасибо.— Мистер Рассел, не читая, изорвал записку на мелкие кусочки.

— Теперь можешь пойти и выбросить в корзину,— сказал он Линде.— Я ждал от тебя лучшего поведения. Ты меня разочаровываешь.

Лицо у Линды было пунцовым, когда она вернулась к своей парте. Взгляд ее говорил Элейн: «Все из-за тебя».

«Глупая гусыня,— подумала Элейн.— Надо же писать всякую ерунду мальчишкам. Интересно, кто швырнул самолетик? На спор — Эндрю Хейфорд!»

Она повернулась посмотреть на него, но он низко склонился над партой, поглощенный решением задач.

— Элейн,— сказал мистер Рассел прямо у нее над ухом, так что она подпрыгнула.— Вот тебе учебник. Начинай отсюда. Спроси, если чего не поймешь.

Эндрю усердно решал задачи, но после того как решил четыре, понял, что больше не может.

«Надо побереечь голову,— подумал он.— Еще немного математики, и череп мой лопнет, так что и не починай».

Он взял листок бумаги и написал на нем: «Давай спорить, что ты не разберешься в «Космических демонах». Он передал записку Бену. Бен поднял большой палец, что означало «согласен», и написал на обороте записки: «один доллар». Эндрю покачал головой и показал ему два пальца. Бен улыбнулся и кивнул — «хорошо». И снова занялся задачами.

«Кажется, ему всерьез нравится математика»,— подумал Эндрю.

Казалось, Бен решает с удовольствием, его-то черепу вроде бы ничего не грозило. А Эндрю для передышки то вертел головой, то писал записочки, то исподтишка лягал сидящего впереди.

— Ты уже со всем справился, Эндрю? — окликнул его учитель.

— Я решил четыре, — сказал Эндрю, одаряя его покоряющей улыбкой, скорее по привычке. На мистера Рассела его улыбки не действовали.

— Ты можешь больше. К этому времени ты должен был решить все. Давай-ка работай.

Через несколько минут Бен поднял руку.

— Я решил все, мистер Рассел.

— Молодец.

То, как учитель это сказал, вызвало у Эндрю досаду. Бен что-то уж чересчур начинал успевать в математике, а мистер Рассел как-то уж чересчур это одобрял. Эндрю не привык, чтобы кто-нибудь относился к Бену лучше, чем к нему, обычно все бывало наоборот. По каким-то еще незаметным признакам ему становилось все труднее и труднее с Беном. Тот теперь часто с ним спорил, исчезло беспрекословное послушание и следование за Эндрю, он становился что-то уж очень самостоятельным. Неожиданно стал интересоваться вещами, которые совсем не интересовали Эндрю, например, гимнастикой и брейком. А теперь обнаруживал еще и способности к математике, о которых Эндрю не подозревал. Это вызывало досаду и сбивало с толку.

Эндрю вздохнул и обратился к учебнику. «Джуди экономит 41,5% своих карманных денег каждую неделю. Она хочет купить платье, которое стоит 29,99 доллара. Ей придется экономить шесть недель и четыре дня. Сколько карманных денег получает она в неделю?»

Он прочитал условие еще раз. Оно казалось ему бессмысленным. Он картинно вздохнул и поднял глаза к потолку.

«Плевать», — сказал он самому себе.

ГЛАВА 4

Когда Элейн после уроков вышла из класса, она тут же увидела отца на противоположном конце овальной лужайки. Его рыжие волосы мерцали в тусклом свете заходящего солнца, и он изо всех сил жестикулировал, беседуя с одной из мамаш. Элейн продвигалась в его сторону с некоторой осторожностью и остановилась на почтительном расстоянии. Случалось, что он подбрасывал ее вверх, как маленькую, или сажал себе на плечи, и это было нормально, даже, может быть, и здорово, если только никто этого не видел. А при ком-то чужом было стыдно.

В данный момент Дэвид говорил о деревьях — одна из последних его одержимостей, — и даже издали было видно, как глаза у его собеседницы начинали понемногу стекленеть.

«Милая мамочка, — стала сочинять очередное письмо Элейн, — ты его не переносила или меня?»

Карие глаза Дэвида сверкали, пока он произносил:

— Знаете ли вы, сколько деревьев мы извели в этом столетии?

— Привет, па,— сказала Элейн.

Женщина воспользовалась случаем и быстро исчезла.

— Привет, Элли!

На мгновение ей показалось, что он все-таки схватит ее и подбросит вверх. Но он только обнял ее за плечи, наклонился и посмотрел ей прямо в глаза.

— Ну как?

Все его внимание и весь энтузиазм в этот момент были сосредоточены на ней. Невозможно было не откликнуться. Если бы она была помладше, она бросилась бы ему на шею.

— Ничего,— сказала она.

— Ничего или ничего хорошего?

— Да нет. Ничего. Нормально. Только мне нужна форма.

— Не стоит покупать форму,— сказал он, выпрямляясь.— Мы вряд ли тут задержимся. А в другой школе будет другая форма. Ну их совсем!

Это объяснение она уже слышала тысячу раз и раньше. Дэвид был принципиально против формы. Он видел в ней символ покорения авторитету и ограничения свободы личности. К тому же он терпеть не мог ходить по магазинам и не любил тратить деньги на новые вещи.

«В конце концов,— думала Элейн,— он не виноват. Этим обычно занимаются мамы».

— У меня будут неприятности, папа. Учитель сказал — спросить в конторе. Может, у них найдется подержанная.

Он глубоко задумался, оценивая ситуацию со всех сторон.

«О Господи Боже мой,— думала она.— Это уж не такое глобальное решение. Все, что тебе надо сделать, это сказать: «Пошли».

— Пойдем спросим,— предложила она.

— Ладно, пойдем.

В школьном дворе еще оставался кое-кто из ребят, они играли, гоняли футбольный мяч. Элейн остановилась. Она плохо помнила, где находится контора.

— Я забыла, куда идти,— сказала она.

— Спроси,— посоветовал Дэвид и почти сразу же сам закричал, обращаясь к ребятам, бегающим по площадке:

— Эй! Где контора?

Джон Ферроне уже минут десять подпрыгивал в ожидании паса, но никто не посылал мяч в его сторону. Он тут же подбежал к Элейн и ее отцу:

— Я провожу вас.

По дороге он без усталости болтал с Дэвидом; его карие глаза прямо-таки излучали искренность и дружелюбие. Пока они добрались до конторы, они успели стать лучшими друзьями.

— Заходи к нам,— говорил Дэвид.— Ты любишь работать по дереву? Я тебе помогу, если ты хочешь что-нибудь соорудить.

«Да не приваживай ты его, папа»,— думала Элейн сердито.

— Ой, спасибо, мистер Тейлор. А вы умеете показывать фокусы? Вы не могли бы меня поучить немножко, а?

— Ну кое-какие знаю,— сказал Дэвид.— И оставь ты этого «мистера Тейлора». Меня зовут Дэвид.

— Папа,— сказала Элейн с отчаянием в голосе.— Контора скоро закроется.

— Пока, Джонни,— сказал Дэвид.— Хочешь, подожди нас, мы тебя подбросим до дома.

— У меня велосипед.

— Закинь его на багажник.— Он вдруг увидел лицо Элейн.— Что-нибудь случилось, Элли?

Она не ответила. Она никогда не умела объяснить ему, что чувствует. Но, пока они заходили в контору, Элейн вся кипела от раздражения и отчаяния.

Секретарша, миссис Филдс, женщина средних лет с мягкими манерами, умеющая, как правило, находить выход из всех возникающих трудных ситуаций, разговаривала по телефону.

— Ну где я, скажите на милость, за одну минуту найду уборщика? — кипятилась она. — Это просто ужасно. Да, я знаю, что это не ваша вина, но все же... Я попробую что-нибудь предпринять. До свиданья.

Она раздраженно кинула трубку на рычаг и взглянула на Элейн и Дэвида.

— Что же мне делать, я вас спрашиваю?

— А что случилось? — спросил Дэвид.

— Парень, который убирает школу, свалился со стремянки и сломал руку. Это звонит его жена, говорит, что он месяца два не появится на работе. Но школу-то надо убирать каждый день, надо мести и мыть туалеты. Ну кого мне просить заняться этим прямо сейчас?!

— Попробуйте попросить меня, и я не скажу вам «нет». Я когда-то работал уборщиком, — предложил Дэвид. — У меня даже парочка рекомендаций есть, если они вам пригодятся.

Миссис Филдс посмотрела на него, как будто он свалился с неба.

— И вы могли бы тут же приступить к работе?

— О чем речь? — сказал Дэвид. — Только надо сперва утрясти вопрос со школьной формой. Нам надо экипировать Элейн.

Миссис Филдс поглядела на девочку оценивающе.

— Я думаю, может, и найдется, что будет ей в пору. — Она встала и пошла поглядеть в шкафу, где хранились подержанные вещи.

Дэвид подмигнул Элейн:

— Все устраивается, а?

У него все устраивалось как-то чересчур скоропалительно. Она никогда не могла понять, как это у него получалось: годами размышлять над тем, купить

ли школьную форму, и в то же время принимать мгновенные решения, когда дело касалось таких серьезных вещей, как поступление на работу или выбор друзей.

«Погоди,—хотелось ей сказать ему.—Речь ведь идет обо мне. Меня-то почему ты не спросил? Где же твоя любимая свобода личности?»

Такое знакомое чувство беспомощности нахлынуло на нее. Что-то в этой конторе с ее объявлениями и расписанием уроков на стенах, ксероксом, пишущими машинками, немывтыми чашками из-под кофе, помноженными на запах мастики и крики ребят за окном, доводило ее до отчаяния. Ее отец был такой сильный, такой упрямый, большой, больше самой жизни. Опять он вынуждал ее оказываться там, где ей вовсе не хотелось быть.

Она быстро стала сочинять в уме, воображая, как ее пальцы бегают по клавишам одной из конторских машинок:

«Дорогая мадам, от имени Вашей дочери Элейн Дженнифер Тейлор я обращаюсь к Вам со срочной просьбой, ответ оплачен: ПОМОГИТЕ!»

Миссис Филдс вернулась с юбочкой и джемпером в руках.

— Вам везет,—сказала она бодро.— Миссис Шульц забросила это сегодня утром. В очень хорошем состоянии, и тебе подойдет по размеру, Элейн.

Приложив вещи к Элейн, она одобрила:

— Отлично!

— Берем,—согласился Дэвид.— Ну вот, Элли. Теперь ты успокоилась? — И не дожидаясь, пока она ответит, он обратился к миссис Филдс:

— Покажите мне, где у вас всякие ведра-щетки, и я быстренько вам все уберу.

Когда они вышли из конторы, Джон все еще ждал снаружи.

— Мы немножко задержимся,— сказал Дэвид.— Мне надо тут сделать уборочку.

— Я подожду, Дэвид,— успокоил его Джон.— Мне особенно-то нечего делать.

— Разве тебе не надо домой? — спросила Элейн.

— Дома никого нет. Мама придет только в девять, у нее двенадцатичасовая смена.

Дэвид проследовал за миссис Филдс в комнатку уборщика.

— А ты что хочешь делать?

«Испариться,— подумала она,— исчезнуть, превратиться в кого-нибудь другого и оказаться за тысячу миль отсюда...»

Вслух она сказала:

— Не знаю.

— Пойдем на снаряды. Ты мне покажешь что-нибудь,— предложил он с надеждой.

— Давай.

Когда они пересекли двор, раздался визг тормоза и по земле заскребла резина — рядом с ним остановился велосипед.

— Привет, Марио,— сказал Джон.— Это мой брат Марио,— представил он его Элейн.

Темные невыразительные глаза скользнули по ней.

— Где ты был? — спросил он Джона. Голос его звучал нетерпеливо и зло.— Я тебя ждал на улице. Пошли, мне надо в библиотеку.

— Меня подвезут Элейн и ее папа,— возразил Джон.— Он покажет мне фокусы.

— Ха! Фокусы...— с презрением отозвался Марио.

Лицо у него было бледное и худое, грива черных волос спадала на лоб, скрывая глаза. Туловище его тоже было худым, и он держал плечи напряженно, точно в любую минуту готовясь отразить нападение.

— Пошли,— настаивал он.— Я купил билеты на игру «Маньяк-1», ты будешь моим партнером.

— Пока,— сказал Джон Элейн.— Подожди, Марс, я схожу за велосипедом.

Марио вскочил на свой велосипед.

— Увидимся в библиотеке! — не стал дожидаться он Джона.— С дороги! — притормозив в воротах, крикнул он двум третьеклассницам, которые стояли и болтали в сторонке.

Элейн пошла к параллельным брусьям.

«Можно бы и поупражняться,— подумала она.— Все-таки занятие».

Она почувствовала облегчение от того, что будет лишена общества Джона надолго. Вместе с тем она не могла его не жалеть. О, она распознавала гнет, когда с ним сталкивалась, и было совершенно ясно, что Марио в этом — большой специалист.

«Почему люди так любят угнетать других? — думала она с удивлением.— Почему не оставляют других людей в покое? Я бы ни с кем не боролась, если бы они меня просто не трогали, позволили быть самой собой. Но мне все время приходится защищаться, иначе они меня совсем задавят».

Ее поразила неприятная мысль, что дружелюбие Джона Ферроне и ее собственное стремление все время выхваляться — это их защита против давления близких. Правда, меньше всего ей хотелось бы становиться на одну доску с Джоном.

Начинался дождь. Брусья были мокрые и скользкие, и упражняться на них было невозможно. Элейн стояла возле деревянных слег, которые окружали забором тренировочную площадку, и раздумывала, чем бы заняться. Неожиданно она почувствовала себя страшно усталой. День, казалось, тянется целую вечность. На другой стороне улицы, напротив школы, в домах зажигались огни. Они выглядели тепло и радушно. Ей захотелось войти в один из них, проскользнуть в их жизнь, сделаться хоть на несколько часов

членом семьи, попить чайку, который ей приготовят, уютно и спокойно посмотреть телевизор.

— Ты что тут торчишь? У тебя что, дома нет, что ли? — прозвучал голос Линды Шульц над самым ее ухом.

Она спросила это в шутку. Но сказанное настолько совпало с тем, о чем думала Элейн, что она истолковала слова Линды превратно.

— Давай топай отсюда, — отрезала она сердито.

— Что? — переспросила Линда. — Ты чего вскидываешься? Я только хотела спросить, почему ты до сих пор здесь?

— А ты сама почему? — ответила Элейн вопросом на вопрос.

Элейн стеснялась того, что Дэвид занят уборкой. Она была уверена, что отец Линды не стал бы этого делать.

— Я была на уроке музыки. — Линда взмахнула нотной папкой. — Просто тут короче идти. У меня экзаме́н на той неделе.

При этом она состроила гримасу ужаса, но Элейн поняла, что все это — одно притворство.

Послышались свист и звяканье. Обе повернулись и увидели, как Дэвид пересекал двор с ведром в одной руке и шваброй в другой. Он крикнул:

— Я скоро, Элли, я почти уже все сделал.

Линда вскинула брови.

— Это твой папа? — поинтересовалась она с любопытством. — Ой, какой огромный! — Она засмеялась.

— Что тут такого смешного? — спросила Элейн подозрительно.

— Ничего, — ответила Линда, все еще смеясь. — Мне надо бежать, мама будет беспокоиться. До завтра!

Она быстро пересекла площадку.

Элейн направилась назад, в контору. Моросило.

«Милая мамочка, а ты когда-нибудь обо мне беспокоишься?»

ГЛАВА 5

Эндрю включил компьютер, и глубокая синева «Космических демонов» залила экран.

— Давай, — скомандовал он Бену.

Бен присвистнул:

— Здорово! — Он сел возле клавиатуры и взялся за джойстик. — Никакого ключа?

Эндрю ухмыльнулся и покачал головой.

— Никакого.

Через несколько минут Бен признался:

— Я не понимаю. Что надо делать?

— Сдаешься?

— Ни в коем случае. Но ты намекни.

— Тогда спор нарушается, — сказал Эндрю.

— погоди минутку. Мне кое-что пришло в голову. Давай попробую.

Так же, как Эндрю прошлой ночью, он снял часы и стал смотреть на мигающий секундомер.

— Правильно, — буркнул Эндрю, слегка разочарованный.

— Ага. А сколько секунд?

— Сам догадайся. Между прочим, ты сам сообразил или играл во что-то похожее раньше?

— Даррен как-то программировал игру, построенную на времени,— сказал Бен, сосредотачиваясь на бустерах ракеты.— Но я бы все равно догадался. Тут ничего другого не может быть.

«А я-то решил, что я один такой умный»,— подумал Эндрю.

— Ух! — воскликнул Бен, когда изображение сменилось.— Розовый дождь!

Серебристый модуль столкнулся с аметистовым астероидом и взорвался.

— Хитро! — восхитился Бен.

— Все идет по определенному шаблону,— объяснил Эндрю.— Потом уже нетрудно, когда разгадаешь. Дай-ка я тебе покажу.

— Ну, я выиграл спор или нет?

Бен встал, и они поменялись местами.

— Еще нет,— сказал Эндрю.— Еще много чего впереди.

Бен вообще-то выиграл спор: он решил ту задачу, которую поставил перед ним Эндрю, но тому не хотелось этого признавать. Ему показалось, что выигрыш дался Бену уж слишком легко. И два доллара отдавать ему тоже не хотелось. Мама сказала, что пять долларов, которые она ему дала, следовало потянуть подольше.

Он повел модуль, ловко избегая астероида. Эндрю действовал как бы автоматически. Ничего другого не существовало, ничто не имело значения: только двигать модуль, только сохранить его невредимым, только повышать уровень — больше, больше и больше.

— Фантастика! — выдохнул Бен, стоящий рядом.— Ну ты и молодец!

Похвала снова расположила Эндрю к Бену.

— Погляди, что теперь будет! — сказал он. — Наблюдай за уровнем.

Уровень достиг 9876: экран трижды мигнул. Бен задержал дыхание, он тоже почувствовал заложенный в игру мощный интеллект. И сразу же за подмигиванием посыпались орды «космических демонов». Их вид заставил его вздрогнуть. Эндрю продолжал игру, полностью сосредоточившись, но атака была слишком мощной. Модуль исчез, и на экран вернулся глубокий синий цвет.

Эндрю повернулся к Бену и вздохнул. Он прищурил глаза и тряхнул головой, как бы избавляясь от увиденного.

— Колдовство какое-то, — сказал он. — У меня было такое чувство, точно я нахожусь там. Понимаешь, не сижу тут и играю, а играю как бы там, внутри.

Бен взял в руки коробку.

— Тут должно происходить кое-что еще, — сказал он.

— Ты что, знаешь японский?

— Я не знаю японского. Я смотрю на картинку. Тут нарисовано то, что у нас пока не получилось. Инопланетянин, например... И вот пистолет, который, по-видимому, должен помочь ему бороться с «демонами». У тебя он уже появлялся?

— Нет еще, — признался Эндрю.

— Интересно, это связано с фактором времени или с уровнем? Какой у тебя был самый высокий?

— Экран показал девятнадцать тысяч. Пока это максимум, который мне удавалось достичь.

— А сколько времени на это ушло?

— Не знаю, несколько минут.

Бена осенило.

— У тебя есть калькулятор?

Эндрю пощелкал по часам:

— Здесь.

— Помножь девять тысяч восемьсот семьдесят шесть на два.

Эндрю нахмурился, посчитал, получилось 19 752.

— Я думаю, сейчас будет смена картинки,— сказал Бен возбужденно.— Тот, кто программировал эту игру, занимался цифрами. Попробуй превысить последний уровень. Я тоже для контроля послежу за временем. Но мне сдается, что время — это только чтобы запудрить мозги.

Эндрю снова погрузился в игру. У него было такое ощущение, точно все его существо было связано с игрой. Он не уставал и перестал ощущать свое тело. Казалось, он может продолжать вечно. Он точно знал, как нужно двигаться, спасаясь сперва от астероидов, а затем от «космических демонов», подсознательно, даже не думая.

Пока он играл, игра сама набирала скорость, как бы стараясь помешать ему открывать ее тайны. Она становилась все труднее, все непредсказуемее: «демоны» появлялись в самых разных местах. Он должен был принимать решения в считанные доли секунды. Уровень повышался: 16 000, 17 000. Вот, вот, сейчас. Он забыл про Бена. Но когда дошло до 19 752, Эндрю услышал его возбужденный вскрик. «Космические демоны» сделались неподвижными, модуль исчез, на экране появился инопланетянин в белом скафандре и в белом шлеме.

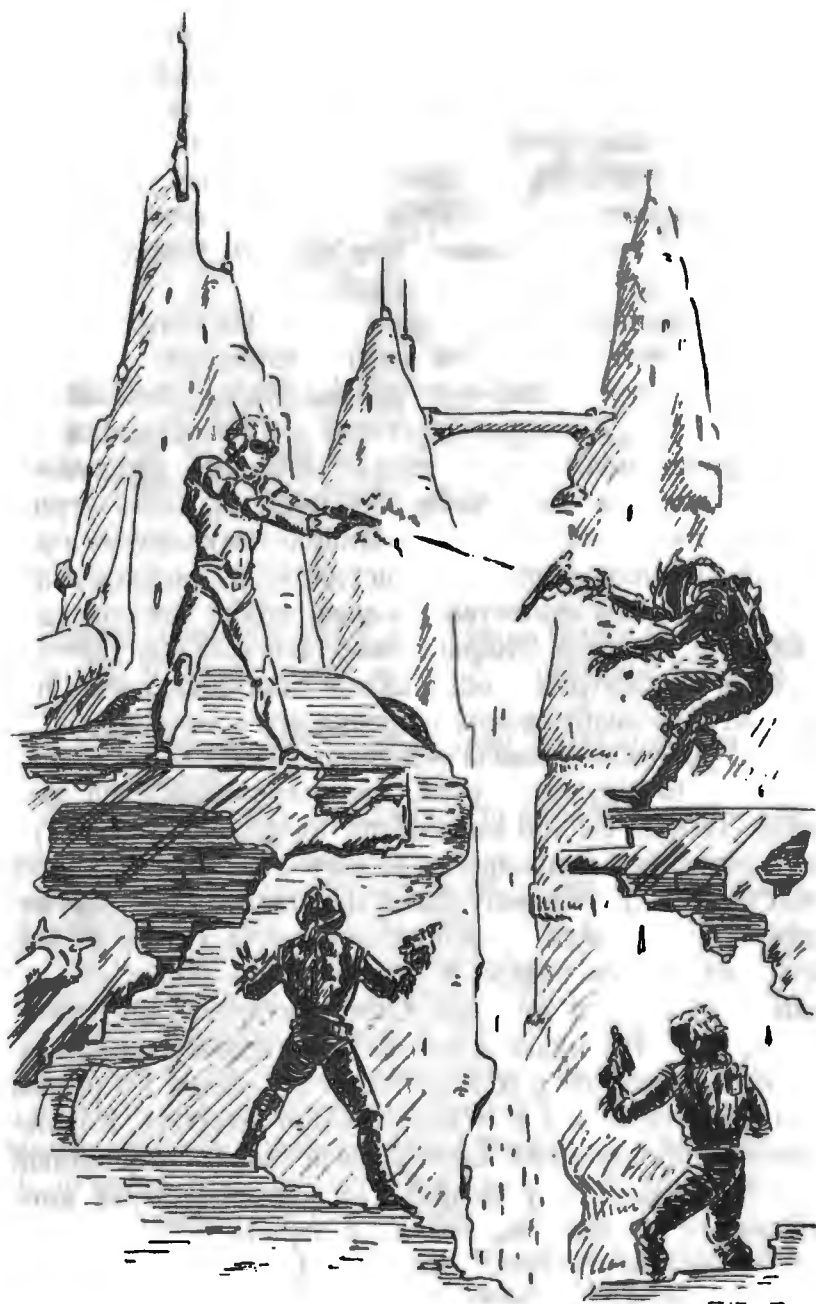
— Он помахал нам,— не веря своим глазам, сказал Бен.

Снизу на экране появилась надпись: ACACACACAS.

— Это про меня! — издал ликующий возглас Эндрю.— Это я, Эндрю Хейфорд — ас компьютерной игры.

— Хватай пистолет,— крикнул Бен.

Пистолет лежал, черный и мрачный, поблескивая в правом верхнем углу экрана. В нижнем правом уг-

лу появилась цифра 3. Эндрю сманеврировал джойстиком, на это немедленно ответил инопланетянин, и тут же ожили «космические демоны». Прежде чем инопланетянин смог добраться до пистолета, он был уничтожен взрывом красного огня.

Эндрю почувствовал себя опустошенным. Ему показалось, что уничтожили его самого. Цифра три в правом углу сменилась двойкой.

— О, великолепно! — сказал Бен. — Их осталось еще двое. На этот раз попробуй достать пистолет.

Эндрю чувствовал всю уязвимость маленькой белой фигурки, которую многократно превосходили силы противника; ему бы только избежать столкновения с ними, а он должен был пройти сквозь строй, чтобы добраться до оружия. Эндрю потихонечку продвигал инопланетянина джойстиком, он тянулся к нему всем своим существом, желая, чтобы тот спасся и победил. И когда Эндрю понял, что ему все удастся, что он перехитрил «космических демонов», волна невероятного возбуждения накрыла его с головой.

— Ура! Тебе удалось! — закричал Бен.

Получив оружие в руки, инопланетянин стал другим. Теперь он нападал. Игра начала пульсировать, как ритмично пульсирует человеческое сердце, в такт выстрелам по «космическим демонам». Они растворялись и исчезали с пугающим стоном. Но на их месте появлялись новые, и они казались более хитрыми, чем те, что исчезли. Они прятались, притворялись, что отступают, а потом неожиданно нападали. Наконец двое из них выскочили по обеим сторонам инопланетянина, и ему некуда было податься. Компьютер издал глубокий электронный вздох. Огорченный вздох вырвался и у Эндрю. Последний из трех инопланетян помахал мальчишкам с экрана.

— Дай я попробую, — попросил Бен. — Мне уже скоро уходить, а ты в любое время можешь поиграть.

Эндрю заколебался. Ему трудно было оторваться от игры. В этот самый момент Марджори крикнула снизу:

— Бен, только что звонила твоя мама и велела тебе идти домой.

«Я предложу ему поиграть,— подумал Эндрю.— Он вынужден будет отказаться».

Но Бен не отказался. Он не мог удержаться, чтобы не стрельнуть еще раз по «космическим демонам». Эндрю с неудовольствием поднялся, и мальчики поменялись местами. Бен быстро работал джойстиком, продвигая инопланетянина к оружию. Перед этим он внимательно наблюдал, как играет Эндрю, и теперь держал в голове последовательность их атак. Игра ведь была запрограммирована, «демоны» действовали не по своей прихоти, поэтому была какая-то возможность предвидеть, что они будут делать. Бен немало до того имел дело с компьютерными и видеоиграми, у него уже развились интуиция и глазная реакция, ру-

ка была набита. Ему удавалось уклоняться от «космических демонов» и уничтожать их, маленький инопланетянин на экране был еще жив, а уровень все возрастал: 30 000, 35 000, 39 000.

— Бен! — крикнула Марджори. — Тебе пора! Собирайся!

И Бен собрался! Вот только что он сидел перед экраном компьютера, погруженный в игру, а в следующий момент — он просто исчез. Вскрикнув от удивления, Эндрю вскочил со своего места. На экране инопланетянин продолжал сражение с «космическими демонами», уворачиваясь, проскальзывая и отстреливаясь, но стул, на котором только что сидел Бен, был пуст.

Это длилось одно мгновение. Инопланетянин был застрелен в спину. Компьютер вздохнул. Бен с трудом перевел дух. Он снова сидел на стуле.

Эндрю вытаращился на него, не зная, что сказать. Бен был бледен, правая рука согнута так, как будто он в ней что-то держал. Он поглядел на Эндрю. Глаза его были темны, широко раскрыты и полны удивления.

— Ужас какой-то! — сказал он. — Я точно очутился там... внутри. Как будто инопланетянин — это и есть я сам... Я стрелял в «демонов», а потом меня самого... застрелили.

Бен едва ворочал языком. Он никак не мог подобрать слова, чтобы передать ощущение черноты, а потом наступившей на мгновение невыразимой пустоты, которая окутала его между выстрелом и его появлением вновь на стуле перед компьютером.

— Да... Игра... — сказал он. — Но мне надо идти.

— погоди! — заслонил ему путь Эндрю. — Расскажи, что произошло? Дело в уровне, да?

Он был страшно возбужден и немного завидовал Бену.

— Ладно, пока,— сказал Бен, не отвечая на вопрос и пытаясь говорить спокойным голосом. Он взял куртку и сумку с кровати, куда он их, придя, бросил, и быстро направился к двери. Эндрю снова перехватил его.

— Но что ты сделал? — спросил он требовательно, загораживая собой дверь.

— Ничего,— сказал Бен.— Ничего я не делал, Эндрю, мне надо домой,пусти меня, пожалуйста.

Эндрю не собирался двигаться с места, но в это время Марджори попыталась открыть дверь снаружи.

— Эндрю! — крикнула она.— Что вы там делаете?

Он посторонился, дверь резко открылась, и она чуть не влетела в комнату.

— Бен, ну что же ты не идешь? Мама уже Бог знает когда звонила. Темнеет, и к тому же идет дождь. Мама будет волноваться. Отвезти тебя домой, что ли?

— Спасибо, не надо, миссис Хейфорд. До завтра, Эндрю.

Бен быстро сбежал по ступенькам, сам открыл наружный замок и помчался по дождю в сторону своего дома. Было прохладно и сыро, но ни прохлады, ни сырость не смогли смыть с него мрачного чувства, которое вызвала у него игра. Ему все время казалось, что краем глаза он что-то видит. Сгущающиеся тени позади уличных деревьев глядели космическими демонами. Он побежал быстрее. Ему очень хотелось поскорее оказаться дома.

— Выключи, наконец, компьютер, Эндрю,— сказала Марджори.— Обед готов.

— Папа пришел? — спросил он, спускаясь вслед за ней по лестнице.

— Нет. Он звонил, что задержится в больнице.

Она достала еду из духовки и поставила на стол.

— Включи телевизор, Эндрю, я хочу посмотреть новости.

Он смотрел на экран, не понимая ни слова, и ел, не ощущая вкуса еды. Его мысли были заняты «Космическими демонами». Это была такая игра, какой он еще никогда не встречал. Ты сам становишься частью этой игры. Это пробный экземпляр, сказал папа. И, надо понимать, больше ни у кого такой игры не было и быть не могло. Эндрю Хейфорд был ее единственным обладателем, и через несколько минут он пойдет и опять будет играть. Он слышал однажды об играх с биологической подпиткой. Наверное, «Космические демоны» тоже построены по этому принципу. Бену удалось сделать что-то такое, что игра перешла в новую фазу. Бен увеличил уровень, и игра откликнулась. Это каким-то образом перевело его в другое измерение, где Бен и электронные персонажи оказались в одном плане.

Но он, Эндрю, гораздо отважнее Бена. Чего ждать, надо попробовать!

Он понял, что мама что-то говорит ему.

— А? — спросил он.

— Не «а», Эндрю, а «прости, пожалуйста»!

— Ладно. Прости, пожалуйста. Хотя «а» — короче.

— Я спрашиваю тебя, хочешь ли ты еще?

— Нет-нет, спасибо.

— Тебе не понравилось?

— А что это было?

— Фрикасе из цыпленка, — сказала она обиженно.

— Нет-нет, очень вкусно. Только я уже сыт.

Мама тоже была сыта. Она едва притронулась к еде. Отодвинув тарелку, она закурила.

— Мам, — сказал Эндрю с упреком. — Папа взбесится.

— Но его же нет дома, правда? — возразила она, глядя на телеэкран. — Хочешь что-нибудь на сладкое?

— Потом, когда папа придет.

— Хорошо. Надеюсь, что тебе удастся дождаться.

Несмотря на то, что он был весь поглощен «Космическими демонами», до него дошло, что в доме что-то неладно.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего, — Марджори улыбнулась, и улыбка ее означала: «Случилось, но к тебе это не относится и ты в этом не виноват». Она положила руку ему на плечо.

— Я просто устала. Сложи грязную посуду в машину, ладно?

Эндрю под краном очистил тарелки от объедков и сложил чашки и тарелки в посудомоечную машину. Он подумал было остаться и попытаться немножечко подбодрить маму, но ему был неприятен табачный дым, и вообще тяжело с ней, когда она бывала в таком настроении. Он поднялся к себе и вновь принялся за игру. Когда он ушел обедать, он выключил компьютер. Теперь же включил его снова. Как обычно, засветился синий экран.

«Надо было не выключать, — подумал он, — тогда мне не пришлось бы проходить все первоначальные стадии».

Он снял часы и положил их перед собой. Он собирался заметить время первой операции, но цифры на калькуляторе его часов напомнили ему, что программа реагирует на удвоение числа. Он умножил 9876 на два, а потом еще раз удвоил это число. Получилось 39 504. У Бена было больше 39 000, когда он исчез. Теперь Эндрю раздумывал, достаточно ли было достичь этой цифры или фактор времени тоже играл какую-то роль. Это трудно было определить, поскольку теперь он играл один.

«Надо бы опять пригласить Бена поиграть,— подумал он.— Ну а пока поглядим, что будет».

Сгорая от нетерпения, он стал проходить первоначальные фазы игры, освобождая бустеры ракеты, точно согласуясь с ритмом секундомера. Как только бустеры отпали, Эндрю был уже готов к астероидной бомбардировке. Модуль был послушен его ловким пальцам, его мозг и его руки как бы слились в одно целое. Потом появлялись черные силуэты с белыми лицами, неумолимые и устрашающие, но модуль, за которым он следил, был для них недосыгаем. Дальше появлялся инопланетянин, а затем, когда загоралось магическое число, на экране появлялся пистолет. Эндрю не терпелось скорее достичь нужного уровня, чтобы понять самому, что же в конце концов произошло с Беном. Но ему надо было справляться со своим нетерпением, чтобы продолжать управлять игрой так же искусно. Он заставил себя сконцентрировать внимание только на том, чтобы достичь пистолета и начать уничтожать «демонов». Дважды у него ничего не получилось. «Демоны» сумели прорвать его защиту, и он слышал их торжествующие вопли, когда инопланетяне аннигилировались. Сердце у него подпрыгивало, дыхание останавливалось. Какая-то часть его существа взывала панически: «Хватит! Остановись, пока не поздно!» Но ничто не могло заставить его прекратить игру, во всяком случае, до того места, где остановился Бен, а может, и вообще до самого конца. Он не сдастся! Он победит или погибнет!

Когда появился третий инопланетянин, Эндрю максимально сосредоточился. Казалось, что он уже не существует как Эндрю Хейфорд. Он ничего не воспринимал кроме компьютерного экрана, инопланетянина и «демонов».

NOT A CHANCE TO RECOVER HIS POSITION
HE WAS FORCED TO RETIRE TO THE
REAR OF THE LINE AND TO
WAIT FOR A NEW OPPORTUNITY TO
RE-ENTER THE BATTLE.

THE MAN IN THE LIGHT COLORED JACKET
WAS THE ONLY ONE WHO HAD
NOT BEEN KILLED BY THE
ENEMY'S FIRE.

И вот это случилось. Нужный уровень и нужное время совпали. Инопланетянин двигался без помощи джойстика. Оружие оказалось у него в руках. Эндрю добился своего — он был в игре!

Он превратился в пульсирующий сгусток энергии, мгновенно откликающийся на любое побуждение к действию. Неожиданное движение, малейший световой импульс приводил к тому, что заключенная в нем энергия изливалась короткими толчками в направлении опасности через руку, через оружие и поражала демонов.

Его мысль, острая и чистая, как лазерный луч, как бы растворилась во всем его существе. Он думал всем своим телом, хотя тело его уже не ощущалось состоящим из мышц, крови и костей, а превратилось в нечто более тонкое и неуязвимое. Мысль и тело работали в совершенной гармонии. Его чувства прояснились, в них не было больше сомнений или какой-либо двойственности. Когда демон за демоном уничтожались, наполняя дикими стонами темноту, он смеялся, но смех был холодным и появлялся из каких-то таких глубин, о которых он до сих пор не догадывался, что они вообще существуют.

Какой-то странный голос доносился оттуда, он даже не был уверен, был ли это его собственный голос. В нем слышалось уважение, и он льстил ему. Он говорил: «Молодец! Ты чемпион. Ты ас. Ты победишь!»

Эти слова заставляли его смеяться тем самым холодным смехом. Он как бы отвечал этому голосу: «Это правда. Мне удастся победить в этой игре. И тебя, кто бы ты ни был».

«Я — голос программы. Верь мне. Ничего не бойся», — точно кто-то отвечал ему.

«Я не боюсь», — думал он.

Пистолет все стрелял и стрелял, а Эндрю смеялся.

Но его смех перешел в крик, когда он вдруг слишком поздно заметил, что один из демонов прорвал его оборону. Эндрю почувствовал ужасный момент собственного уничтожения.

На какую-то долю секунды у него появилось ощущение, что он попал куда-то, откуда нет возврата, но вслед за тем увидел себя снова сидящим на стуле напротив экрана, и обычный мир окружал его. Экран вернулся к густо-синему цвету, наверху мигала цифра 65 000. Трудно описать словами, что он чувствовал. Эндрю сидел, безмолвно уставившись на экран. Тело его содрогалось, он ощущал, как кровь с бешеной скоростью циркулирует по сосудам. Он был поражен, растревожен и счастлив в одно и то же время. Синий экран невинно мерцал, точно говоря: «Ага! Думал, я слабак, да?»

Все вдруг показалось грандиозной шуткой. Эндрю засмеялся с облегчением. Он все смеялся и смеялся, не в силах остановиться.

«Ух, ну фантастика! Просто не может быть»,— думал он.

И тут он почувствовал волчий аппетит. Точно всю энергию из него выкачали.

«Я примусь за игру после,— подумал он.— Сейчас надо пойти перекусить. Просто умираю с голоду. Интересно, сколько времени я играл? И дома ли папа?»

Отец был дома. Когда Эндрю открыл дверь своей комнаты, он услышал его голос внизу. Эндрю был так полон «Космическими демонами», что не понял сначала, что голос этот звучал громко и сердито. Но когда он открыл дверь в ту комнату, где находились родители, то даже ему стало ясно, что там разразился скандал. Заслышав его шаги, мама резко встала, вышла на кухню и включила посудомоечную машину. Ему не было видно ее лица, но он видел лицо отца.

Роберт выглядел уставшим и подавленным. Губы его были плотно сжаты, казалось, что он сдерживает себя с огромным усилием. Что-то происходило с его глазами. Он почему-то часто-часто моргал.

— Здравствуй, папа,— приветствовал его Эндрю. В этих обстоятельствах лучше всего было вести себя так, как будто ничего не происходит.

— О, привет! Привет, Эндрю! — сказал отец. Он тоже старался держаться, как обычно. Он попробовал улыбнуться, губы его покривились, он махнул рукой и сказал:

— Лучше чего-нибудь выпить.

Он подошел к бару, плеснул виски в стакан.

— Эндрю, пожалуйста, принеси мне льда.

Эндрю взял стакан и направился в кухню.

Мать стояла, устремив взгляд на посудомоечную машину, которая, начиная работать, издавала ритмичное мурлыканье. Глаза у Марджори были еще хуже, чем у Роберта, красные и влажные. Эндрю почувствовал страшную неловкость. Он сделал вид, что ничего не замечает.

— Папа просил льда,— сказал он.— И ты обещала мне что-нибудь на десерт.

Мать глядела на него тупо, точно не совсем понимая, кто он такой. Ему захотелось сказать ей: «Эй, я твой сын, ты забыла, что ли? И вам с папой лучше бы не ссориться. Мне от этого очень плохо».

Постепенно ее лицо оживилось, она осознала не только, кто он, но и то, что ему давно пора спать.

— Я играл в «Космических демонов», мам. Это сверхъестественно.— Но он не собирался объяснять ей, что в этом такого сверхъестественного.

— Эндрю, а как уроки?

Он не очень-то любил такие вопросы, но сейчас он выслушал с облегчением. Это говорило о том, что она — его обычная мама, а не печальная незнакомка.

— Сделаю утром. Нам задали чуть-чуть.— Он почти автоматически включил очень правдивый голос и улыбнулся милой улыбкой, не сияющей, но вполне ласковой и искренней.

Марджори была обезоружена. Она обняла его за плечи и прижалась щекой к его макушке. Потом она отодвинула его и посмотрела прямо ему в лицо:

— С тобой все в порядке, милый? Что-то ты побледнел.

— У меня болит голова.

— Ты слишком долго занимался компьютером. Хочешь принять таблеточку?

— Ладно. И дай мне чего-нибудь поесть. Я умираю с голоду.

— Отнеси папе лед,— сказала она. Голос ее тоже звучал устало.— Я что-нибудь достану из холодильника тебе на десерт. Ты что хочешь?

— Абрикосовый торт,— сказал он, высвобождаясь из ее рук.— И мороженое.

Роберт понес свой стакан в кабинет, сказав, что ему еще надо поработать. Эндрю съел свой десерт и еще полпачки печенья и два яблока. Он так и не утолил голод, но мать отослала его наверх.

— Ложись спать,— сказала она с притворной строгостью.— Сейчас же ложись спать.

Когда он улегся, он приказал себе забыть про скандал между родителями.

«Все ссорятся иногда,— сказал он самому себе.— Это ничего не значит».

Таблетка начинала действовать. Голова слегка кружилась, руки и ноги потеплели. Та угловатая и жесткая личность, которая играла в «Космических демонов», отступила куда-то далеко.

«Завтра я снова буду играть. Завтра я выясню, что там случилось дальше», — подумал он. Но, засыпая, вдруг ощутил, что рука чувствует некую пустоту там, где она до того сжимала пистолет. Его руке не хватало пистолета. Точно он потерял его, а вместе с ним и кусочек самого себя.

ГЛАВА 6

Это было несколько дней спустя. Дул леденящий ветер. Бен подпрыгивал в воротах школы, чтобы немножко согреться. «Агаду-дуу-дуу... Тащи ананас и грушу потряси...» Ему нравилось пританцовывать в такт словам песенки. Ему казалось, что он сделан из гибкого, неломяющегося пластика.

Школьный двор был полон ребят, но никто не обращал внимания на Бена, и заметил его только Джон Ферроне, когда проходил через ворота с Элейн. Он тоже запел: «То направо, то налево, вверх, вниз и на коленки».

— Элейн умеет это танцевать, — сказал он Бену. — Попроси ее показать тебе.

Жить по соседству с Джоном было все равно что по соседству с репортером из газеты «Новости свидетеля». Джон смотрел на Элейн как на подарок судьбы и просто не мог не трезвонить о ней всем и каждо-

му. Все, что становилось известно ему, тут же сообщалось всему классу.

Она пожала плечами.

— Что я буду ему показывать? Он и без меня умеет.

— Но ты умеешь лучше, — настаивал Джон.

— Покажи, — попросил Бен.

Элейн положила сумку на асфальт и закатала рукава джемпера.

— Вот как надо, — сказала она.

— Агаду-дуу-дуу, — запели они все вместе, а Элейн начала танец. Казалось, что Элейн тоже владеет это ощущение гибкого пластика, и во время танца она выглядела серьезной и внутренне сосредоточенной. Она не хихикала, как могла бы другая девчонка на ее месте, а просто отпускала свое тело на волю, как бы полностью ему доверяя.

— Потрясающе. Давай снова, только медленно, а я буду за тобой повторять.

— Пойду запаркую велосипед, скоро звонок, — сказал Джон.

Бен и Элейн прошли весь танец три-четыре раза, и когда остановились, оба дышали тяжело и радостно смеялись. Появившийся в этот момент Эндрю бросил на них, похоже, ревнивый взгляд. Он не очень-то замечал новую девочку, время от времени он строил ей обезьянью гримасу, просто чтобы она знала свое место. С тех пор как Элейн появилась в школе, он был весь погружен в «Космических демонов», не в силах думать о чем-либо другом. Уже много дней он находился в состоянии возбуждения из-за этой игры. Всякий раз, как он собирался играть, сердце у него колотилось, готовое выскочить. Он играл ночами. Временами он как бы проникал в самое сердце игры, а иногда она вела себя как обычная компьютерная игра, увлекательная и не требующая усилий,

но не более того. Было это для него и огорчительно, и соблазнительно. Если бы игра вела себя последовательно, она бы имела над ним куда меньше власти: из-за ее непредсказуемости он и становился таким одержимым. Эндрю был убежден, что и временной фактор, и уровень имели отношение к тому, что новое измерение проявляло себя, но без помощника он никак не мог за всем уследить. Вот почему ему было нужно переговорить с Беном.

— Поди сюда,— сказал он Бену.

Бен послушно поплелся за Эндрю. Элейн пристально поглядела им вслед.

«Еще один угнетатель на марше»,— подумала она.

Ей нравилось танцевать «Агаду» с Беном. Она ослабилась и, возможно, первый раз в этой школе почувствовала себя счастливой. И надо же было этому противному задаваке Эндрю Хейфорду прийти и все испортить.

«И почему это Бен позволяет собой так помькать? — думала она.— А Джон? А я?»

Зазвенел звонок, и она побежала в класс.

«Милая мамочка, тебе просто надоело, что тобой командуют? И поэтому ты исчезла, да?»

— Все видели твои трусики,— сказала Линда, хихикая.

Была перемена. Элейн вовсе не хотела выхваляться в школе. Но, когда сегодня утром она увидала, как неуклюжие третьеклашки пытались при ней пройти на руках и колесом, она не могла отказать себе в удовольствии сделать это профессионально и легко. Элейн пожала плечами:

— Подумаешь, большое дело.

— И мальчишки видели.

— Ну и что? Я просто забыла подоткнуть юбку. Это ведь, кажется, не преступление.

Линда пригляделась к ее юбке.

— Это моя юбка,— сказала она громко.— Вот тут было пятно, которое я посадила в прошлом году. И это мой джемпер. На тебе надеты мои старые вещи.

— Заткнись,— прошипела Элейн.— Незачем всем об этом докладывать.

Она никак не могла понять Линду: в самом ли деле эта девчонка ее ненавидела или говорила просто так, не думая. Линда донимала ее целыми днями, шепча все время в спину, бросая многозначительные взгляды, хихикая или даже исподтишка лягая под партой. Но ее враждебность никогда не проявлялась открыто. Иногда Элейн думала, что все ей просто кажется. Но это держало ее в напряжении и лишало уверенности.

На самом деле ей ничего не казалось. Недобрая интрига, которую Линда вела против нее, была вполне реальной, и это заражало весь класс неприятным беспокойством и нарушало то равновесие, которое царило до появления Элейн.

У Линды были свои представления о том, какой должна быть девочка, и Элейн не соответствовала ни одному из них. Линда любила красивые, приятные, искусно подобранные друг к другу вещи. Она любила всякие «вещички», которые могла часами переставлять на своей парте. Она была таким человеком, который просто впадает в отчаяние, если у него нет чего-нибудь новенького и хорошенького из нарядов. Она любила кофточки и блузочки с оборочками, ветровки с яркими аппликациями. В негласной иерархии класса, о которой никто никогда не говорил вслух, она считала себя первой девочкой, так же, как она считала Эндрю мальчиком номер один. Однако уверенность Эндрю в себе основывалась на внутрен-

них чертах его характера. А Линда верила в себя не столько благодаря тому, кем она была, сколько полагаясь на то, что она имела. Когда на сцене появилась Элейн, у которой практически ничего не было, но которая могла то, что Линде сто лет не суметь сделать, она сразу же ее невзлюбила, а Элейн платила ей тем же, испытывая при этом некоторое любопытство.

В этот день Бен впервые понял, как Линда относится к Элейн. Раньше он не очень-то обращал внимание на Элейн, только любовался ее акробатическими номерами издали. А теперь он обнаружил, что смотрит на нее, вспоминая, как она танцевала «Агаду». Вскоре ему стало ясно, что Линда провоцирует ее всеми возможными способами.

Оттуда, где он сидел, он хорошо видел парту Линды. Считалось, что Линда перерисовывает персонажей теневого театра в свою тетрадь. Но время от времени она подрисовывала что-то на отдельном листочке бумаги. На первый взгляд рисунок казался тоже теневой куклой. У нее был длиннющий, как у ведьмы, нос и растрепанные волосы. Линда старательно красила эти волосы оранжевым карандашом. Когда она кончила красить, то тщательно вывела под рисунком какую-то подпись. Бен не мог разобрать букв, но когда взглянул снова, то увидел, что Линда подвинула рисунок к Ребекке Джонсон, которая сидела с ней рядом. Он догадался, что рисунок должен был изображать Элейн. Линда и Ребекка тихонечко хихикали. Ребекка привстала, перегнулась и положила рисунок перед Элейн.

Бен не видел лица Элейн, но плечи ее напряглись, она резко выпрямилась. Одним движением скомкала бумажку и сунула ее в карман. Потом показалось, что она сейчас откинется назад так, что сокрушит Линду на ее парте, но стоявший у доски мистер Рассел обернулся. И Элейн взяла себя в руки.

«Она не позволяет себе сорваться,— подумал Бен с восхищением,— она отчаянно борется».

Пока все это происходило по одну сторону от Бена, а мистер Рассел продолжал свой рассказ о культуре Индонезии, по другую сторону нечто происходило и с Эндрю. Обычно мальчики находились в постоянном общении. Целый день обменивались записочками, шепотками, взглядами. Но в тот день у них произошла размолвка на большой перемене. Как только Эндрю заговаривал об игре, а он в последнее время ни о чем другом говорить не мог, Бен тут же вспоминал то ужасающее чувство уничтожения, которое ему пришлось пережить. Эндрю безумно хотелось, чтобы Бен пришел к нему и продолжил с ним игру, но Бен, который обычно делал что скажет Эндрю, категорически отказывался. На большой перемене он подтвердил свой отказ, и теперь Эндрю наказывал его тем, что не замечал его, отводил взгляд, делал вид, что рядом с ним никого нет. Точно невидимый занавес разделил их, и это мучило Бена и даже наполняло чувством вины и раскаяния. Но тут он кое-что вспомнил в связи с «Космическими демонами».

— Ты должен мне два доллара,— напомнил он Эндрю, когда они выходили из класса.

— Да брось ты,— сказал Эндрю.— Это не стоит двух долларов. Они достались тебе слишком легко.

— Но мы же спорили! — возмутился Бен.— Слово надо держать. Ты бы заставил меня платить, если бы выиграл ты.

— Ладно, ладно,— сказал Эндрю.— У меня сейчас нет. Я тебе потом отдам.

Бен рассердился. Он знал, что у Эндрю есть деньги: видел, как тот разменял пятидолларовую купюру за завтраком. Эндрю глядел на Бена с вызовом, на его лице было обычное заносчивое выражение, но

раньше Бен старался его не замечать. Ему не хотелось ссориться с Эндрю, ведь он был его лучшим другом. Но зачем врать? И чего уж так вечно задаваться? Бен повернулся и пошел прочь, не говоря ни слова.

Эндрю нахмурился и прикусил губу, глядя, как Бен удаляется. Он чуть было не крикнул ему вслед: «Вернись! Извини меня», — но Линда Шульц потянула его за рукав, и он промолчал.

— Хочешь жвачку? — спросила она, вытаскивая ее из кармана.

— Конечно, — ответил он так, точно делал ей великое одолжение. Линда пошла рядом с ним к воротам.

— Ты знаешь эту новенькую, Элейн Тейлор?

— Ну и что?

— Ее мама удрала и оставила ее с отцом.

Обычно такого рода сплетни нисколько не интересовали Эндрю. Но слова Линды заставили его вспомнить о ссоре между родителями. Ему казалось, что он про это забыл, но оказывается — нет, и он понял, что переживает их размолвку.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Джон Ферроне сказал.

Линда всю жевала резинку, глаза ее сияли.

— Ничего удивительного. По-моему, она слегка того, — продолжала она.

«А я — нет, — подумал он. — И со мной этого случиться не может».

— Ты бы поглядел на ее отца. Настоящая горилла.

— Все правильно. Горилла и шимпанзе.

Линда засмеялась.

— Можно я пойду с тобой?

— Не. Мама заедет за мной на машине. Пока.

Линда стояла и смотрела, как он быстро пошел туда, где Марджори ждала его в своем «вольво». Линда была в восторге.

«Это самый прекрасный разговор, который был у меня до сих пор с Эндрю,— думала она.— И он согласился взять у меня жвачку!»

Ледяной ветер вихрем кружил опавшие листья вокруг ребят, которые по двое, по трое уходили из школы, торопясь попасть домой. Только Элейн все еще болталась в школьном дворе. Увидев ее, сидящую на корточках возле конторы, Бен захотел поговорить с ней. Что-то было в ней такое одинокое и печальное, а у Бена был добрый характер, и эта доброта откликалась на ее печаль.

— Ты не идешь домой? — спросил он ее.

Она покачала головой.

— Жду папу. Он делает уборку после уроков. Но он пока даже еще и не приходил.

Ей было тошно от всего, она устала и замерзла.

— Он, может, и забыл поглядеть на часы,— добавила она с грустью.— Мне тут целую вечность придется торчать.

Никто в доме у Бена никогда не забывал поглядеть на часы. Он присел рядом с ней, просто так, за компанию. Через несколько минут Бен спросил:

— Ты правда работала в цирке?

— Нет. Джон все перепутал,— сказала она, скрестив руки на груди, чтобы немного согреться.— Это не был настоящий цирк со зверями. Просто труппа цирковых артистов, которые умели кувыряться, играть на разных инструментах, жонглировать. Мы провели какое-то время с ними. Папа водил грузовик и помогал ставить шатер. А меня они кое-чему научили. Мы ездили по побережью Нового Южного Уэльса, выступая в курортных местах и в деревнях.

— Ух! Наверно, это интересно!

— Да, было здорово.

Сейчас это казалось ей далеким сном — многие часы в кузове грузовика при переездах, длинные,

жаркие, бесконечные дни, оживленные ночи с шумом прибоя и запахом сигарет, и люди, которые беседовали, давали представления, а потом снова погружались в разговоры. Люди, которые обращались с ней, как с равной, принимали ее всерьез, а потом надолго забывали о ней, не думая о том, где она и что делает, как будто она была такой же взрослой, как они, а не десятилетней девочкой.

Она не выразила всего этого словами, но в глазах у нее сверкнул огонек, на Бена повеяло приключениями и свободой, и он поглядел на нее с интересом. Она была совсем не похожа на тех, кого он знал, и ему захотелось получше с ней познакомиться. Ему пришла в голову мысль.

— Ты не покажешь мне что-нибудь из того, что ты умеешь? Мистер Рассел еще не ушел, мы спросим у него, может, можно поупражняться в спортзале.

Элейн поднялась. Она вся дрожала от холода.

— Давай,— сказала она.— Хоть согреемся немного.

ГЛАВА 7

— Так вот куда вы исчезаете!

Это было неделю или две спустя. Джон Ферроне вошел в спортзал как раз в тот момент, когда Элейн показывала Бену, как делать фляк.

— Я вас везде искал.

Это прозвучало у Джона очень печально.

«Он прямо как младший братишка», — подумала Элейн, приземляясь на ноги и улыбаясь Бену. Джон всегда готов был бежать за ней, если только Марио не волок его куда-нибудь. Чаше всего после школы он ходил с Марио в библиотеку, где они играли в разные компьютерные игры. Обычно она не видела его до тех пор, пока не завершалась уборка школы и пока они с отцом не возвращались домой. Иногда она ходила к Джону посмотреть телевизор, иногда Джон приходил помочь Дэвиду. И еще он каждый день ждал ее по утрам, чтобы вместе идти в школу.

Элейн увидела здоровенный кровоподтек на левой щеке Джона. Глаз заплыл, и видно было, что он перед тем плакал.

— Что с тобой? — спросила она. — Марио тебя отлупил?

Джон молча кивнул, прикусив губу, и глаза его помимо воли стали наполняться слезами.

— Только не реви, — сказала Элейн торопливо.

Она не выносила слез. В ней жило тяжелое воспоминание. В один из первых странно молчаливых дней, когда мама только что оставила их, она застала отца плачущим. Она с усилием отогнала это воспоминание.

— Расскажи, что случилось? — спросила она Джона.

— Нас выперли из библиотеки. Марс говорит, что из-за меня. Но это все из-за него самого. И теперь он бесится, потому что целый месяц не сможет играть.

— За что они вас? — спросил Бен. — Что вы такого натворили?

— Я ничего не сделал, — сказал Джон. — Я же говорю, во всем виноват Марио. Во-первых, он явился с прической панка.

— Ему пойдет, — засмеялся Бен. — Он и есть панк.

— Какой уж тут смех! Мама его убьет. И ухо он проткнул. И запихнул туда две серьги. Честно, он просто свихнулся.

— Но не за это же его выгнали из библиотеки, — сказала Элейн.

— Вид у него был еще тот. Но это не все. Он явился такой важный, понимаешь, а там двое еще играли. Хотя было больше четырех и была уже наша очередь. И он велел им отваливать, но они хотели закончить игру. Я сказал — пусть. А Марио стал неистовствовать — ругался, выключил компьютер и вытащил кассету. Тут возникла библиотекарша и велела ему успокоиться, но он и ей наругал. И тогда по-

явился главный, такой здоровый дядька, он заломил Марсу руку, выволок его наружу и сказал, чтоб он целый месяц тут не появлялся.

— А ты пошел следом и вовремя подвернулся, чтобы тебе как следует врезали,— сказал Бен.

Джон кивнул.

— А потом он вскочил на велосипед и помчался прямо перед носом у здорового грузовика. Ненормальный, его когда-нибудь задавят. Он только и делает, что злится. Все время почему-то впадает в ярость. Мне страшно!

Джон поглядел на них своим подбитым глазом.

— И за что он меня ненавидит? — вопрошал он с обидой. — Он же мой брат! Братья должны любить друг друга.

Элейн скорчила гримасу.

— Это только в книжках бывает,— сказала она.

Бен согласился с ней.

— Мой брат определенно меня не любит,— заметил он.

— Марио никого не любит,— продолжал Джон с горечью. — И его никто не любит. У него ни одного друга нет. Да и как с ним дружить? Он всегда поступает подло.

— Непонятно почему,— сказал Бен. — Он ведь даже не из неполной семьи.

Джон взглянул на него растерянно. Бен объяснил:

— Когда у мамы в классе ребята безобразничают, она всегда ищет причину, ну, например, родители разбежались, или маленький у них родился, ну и всякое такое. Она говорит, что такие происшествия и определяют характер.

— Мне иногда начинает казаться,— сказал Джон задумчиво, — может, это я виноват. Между нами всего десять месяцев разницы. А люди всегда становятся на мою сторону, вроде как я младший. Да еще Фрэнк — брат, который пока живет с нами,— дразнит

его без конца и говорит, что мама вместо него девочку хотела, и называет его Мария.

— Да, паршиво,— согласился Бен.— А почему же Фрэнк тебя не дразнит?

— Он говорит, мама оставила всякую надежду к тому времени, когда на свет появился я.

Элейн все это живо себе представила. Она жила по соседству с семейством Ферроне и видела, как там обращались с Марио. Она его тоже не любила. Его постоянно обижали и старшие братья, и родители, а с Джоном носились, как с маленьким.

«Неудивительно, что он всех ненавидит»,— думалось ей. У нее вдруг мелькнуло сочувствие к нему. Она неожиданно поняла его.

— Он и самого себя ненавидит,— заметила она. Ей стало это вдруг совершенно ясно.

— Кто его знает,— сказал Джон.

Он опустился на гимнастический мат, как надувная игрушка, в которой проткнули дырочку.

— Что же мне делать? — спросил он.

— Займись карате,— посоветовал Бен, делая хук ногой по невидимому Марио.— Элейн тебя научит.

— Чокнулся ты, что ли? Не знаю я никакого карате! — сказала она.

— Я думал, ты все умеешь,— поддразнил ее Бен.— Акробатику, гимнастику, боевое искусство.

Элейн выбросила ногу вперед и, сделав хук, опрокинула Бена на мат.

— Я же говорил,— сказал Бен, смеясь.— Джиуджитсу!

— Научи и меня чему-нибудь, Элейн,— жалобно попросил Джон.

— Я научу тебя делать двойное сальто. Бен уже здорово научился его делать.— Она повернулась и тоже опустилась на мат, высунула язык, глядя на Бена, и пошевелила ушами.

Джон поглядел на них с завистью.

— Вам хорошо. И вы каждый день приходите сюда?

— Я — каждый, — сказала Элейн. — А у Бена много других дел — общественных, например.

Это заявление было для нее как пробный шар. Она не знала, как Бен воспримет ее слова.

Дружба их пока еще не совсем окрепла. Ей не хотелось, чтобы Бен думал, что она чего-то от него ждет. Не хотела, чтобы он становился нужным ей.

«Потому что, — думала Элейн, — мы все равно отсюда уедем. И тогда появится еще один человек, по которому придется тосковать».

— Я не виноват, — сказал Бен с иронией. — Я происхожу из семьи деятелей. У нас дома бездеятельность считается преступлением.

Джон оглядел спортзал.

— Тут безопасно. Я, наверно, спрячусь тут после уроков, а?

— Только никому не рассказывай, — попросила Элейн. Она оберегала свою нарождающуюся дружбу с Беном. И вообще ей хватало других проблем, чтоб еще к этому добавилась дразнилка насчет «жениха и невесты». Она чувствовала, что, если в классе начнут дразнить, их дружбе придет конец до того, как она по-настоящему возникнет.

— Тебе бы пока не стоило попадаться Марио на глаза, — сказала она. — Пойдем лучше к нам. Папа о тебе позаботится.

— А он знает карате? — спросил Джон с надеждой.

— А зачем ему? — пошутил Бен. — Он только глянет — люди тут же помирают со страху.

— Не нападай на моего старика, — сказала Элейн. Не имеет значения, как она временами относилась к Дэвиду. Он принадлежал ей, и никто не смел его критиковать. — Между прочим, он очень хороший.

— И я так думаю. Я просто не хотел бы его встретить в узком переулке темной ночью,— пояснил Бен.— Как сейчас,— добавил он, издавая пронзительный визг и обрушиваясь на мат, в то время как в дверном проеме в дальнем конце спортзала появилась огромная фигура.

— Я все закончил, Элли. Идем домой? — Голос Дэвида эхом прокатился через весь спортзал.

— Ой, мне надо бежать,— воскликнул Бен, вскакивая.— Времени-то уже сколько! Пока, Элли, пока, Джон!

И он помчался к дому. Там он с облегчением заметил, что обе машины отсутствовали, значит, родителей не было дома. Бен обошел дом и вошел через заднюю дверь.

Его старший брат Даррен сидел на кухне и возился с автомобильчиком дистанционного управления.

— Привет! — сказал Даррен.— Ты где был?

— В школе, где ж еще,— ответил Бен.

Разговаривая с Дарреном, надо было давать неопределенные ответы, поскольку девиз Даррена был: «Информация — это сила».

— А ты что делаешь?

— Да вот хочу переделать, чтобы он работал от пульта видео.

— И что, возможно?

— Это-то я как раз и пытаюсь выяснить.

— А мама где?

— На собрании. Обсуждение фундаментального курса математики, или у директора какое-то собрание, или что-то в этом роде. Чайник кипел. Давай, действуй.

— Я умираю с голоду,— сказал Бен. Он взял глубокую тарелку и вооружился вилкой.

— Между прочим,— заметил Даррен,— твой дружок звонил.

— Какой именно? — спросил Бен, наполняя тарелку чем-то, что пахло, как гуляш, а по виду было неопределимо.

— Принц Эндрю, — съязвил Даррен, хохотнув.

Бену не понравилось, каким тоном Даррен произнес это.

— Эндрю — парень о'кей, — вступился он за друга.

— Гад он ползучий, — отрезал Даррен, пристраивая к чему-то тонюсенькую проволочку.

Они несколько минут помолчали.

— Вообще-то до того как он позвонил, я думал, что ты у него торчишь.

— Я к нему уже давно не хожу.

— Ух, неужели наконец тебе высветило?

— Что ты хочешь сказать? — спросил Бен, почувствовав себя как-то неуютно.

— Не очень-то он с тобой хорошо обращается. Скажешь, нет? Или уж ты такой тупица, что ничего не замечаешь?

Бен не ответил.

— Иди и звони немедленно. Мне нужен телефон до маминого прихода.

— А зачем тебе? Чем собираешься заниматься ты?

Теперь неуютно стало Даррену.

— Не твое дело. Иди и звони, и не виси на телефоне часами.

«Ясно, будет звонить по междугородному,— подумал Бен.— Ну, мама с него шкуру спустит, когда придет счет за телефон».

Он поднял трубку и набрал номер Эндрю. Эндрю тут же ответил, точно сидел и ждал у аппарата.

— Привет,— обрадовался он. В голосе его звучало удовлетворение.— Придешь завтра ко мне после школы? Я должен тебе кое-что показать.

— Завтра не могу,— сказал Бен.— У меня баскетбол. Давай послезавтра.

— Я отдам тебе два доллара,— уговаривал Эндрю.

Это уже звучало как извинение, и Бен его принял.

— Спасибо,— сказал он.— Завтра в школе увидимся.

Он положил трубку, и настроение у него поднялось. Он радовался тому, что Эндрю сам сделал первый шаг к примирению. Ему не хватало его, да и странно было быть вместе в школе и не разговаривать. Если бы он в этот момент мог видеть Эндрю, у него не было бы так легко на душе. Эндрю тоже опускал трубку на рычаг — левой рукой, а в правой держал небольшой черный цилиндрический предмет. Эндрю поднес его к лицу и потерся щекой о черную металлическую поверхность. Это был пистолет из «Космических демонов».

ГЛАВА 8

Бен устремил взгляд на пистолет, не веря своим глазам. Вот он, в руках у Эндрю — вполне реальное оружие, его можно пощупать, но мозги от этого ехали набекрень.

— На, пощупай, — сказал Эндрю. — Совсем такой же, как в игре, точно он принадлежит тебе, и все тут.

Бен с опаской взял пистолет. Он так ловко лег ему в руку, точно вместе с ней и появился на свет. Бен тут же вернул его Эндрю. По телу пробежали мурашки, и ему страстно захотелось оказаться в каком-нибудь другом месте и заняться чем-нибудь совсем безопасным, вроде мультиков.

— Классно, да? — воскликнул Эндрю, пытаясь вселить энтузиазм в своего приятеля.

Его не мучили никакие предчувствия. Новый поворот игры только раззадорил его.

— Как ты добыл его? — спросил Бен.

— Он так и остался в моей руке, когда я вернулся из игры. Это опять связано с уровнем, как мне кажется. Игру надо активизировать и поднять уровень до следующей ступени.

— А какая следующая?

— Кажется, там совершенно новая программа. Смотри.

Экран заполнился снежной круговертью, отчего у Бена заболела голова и зрение стало «не в фокусе». Через несколько секунд на экране завертелась воронка, как бы приобретающая трехмерность. Бен поймал себя на том, что он неотрывно смотрит в самую глубь воронки. Затем он отпрянул от экрана в недоумении.

— Компьютер говорит со мной,— воскликнул он, не веря самому себе.

— Я так и знал,— сказал Эндрю, и на лице его отразилась крайняя степень возбуждения.— Что он тебе сказал?

— Что-то про ненависть.

— «Реагирую на ненависть»?

— Да, точно. А что это значит?

— Хотел бы я знать,— ответил Эндрю.

Он перебрасывал пистолет из одной руки в другую и ерзал, не в силах усидеть на месте.

— Послушай,— сказал Бен, делая шаг в сторону от компьютера.— Я не хочу с этим иметь никакого дела. Мне все это не нравится.

— Не будь таким трусом,— уговаривал Эндрю.— Это же великая вещь!

— Это опасно,— сказал Бен.— Когда мы раньше играли, я слышал еще и другие слова. Мне сказали: «Наконец-то ты пришел!» Мы зачем-то нужны этой штуке. Она хочет нас во что-то втянуть.

— Ну, до сих пор никакой опасности не было, правда? — ответил Эндрю беззаботно. Глаза его загорались все ярче и ярче, и на лице появился какой-то

злостный восторг, который беспокоил Бена не меньше, чем сама игра в «Космических демонов».

— Ну, давай,— убеждал его Эндрю.— Ты же мой лучший друг. Только ты знаешь про эту игру, я больше никому не говорил. У меня у одного ничего не выходит. Наверно, дальше надо играть вдвоем. Бен, ну пожалуйста. Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Бен никогда не мог отказать Эндрю, когда он так просил. Ему всегда хотелось сделать Эндрю приятное. Эндрю это знал и не упускал случая воспользоваться. Он улыбнулся Бену, уверенный, что Бен уже покорился ему.

— Ну, давай играть!

Но Бен покачал головой. У него в мозгу, как отдаленное эхо, прозвучали слова: «Не очень-то он с тобой хорошо обращается, скажешь, нет? Или ты уж такой тупица, что ничего не замечаешь?» Он понял, что смотрит на Эндрю совсем иначе. И то, что он увидел за привлекательным лицом и внешним обаянием, ему не понравилось. «Он просто старается заставить меня делать то, что он хочет. Если б он на самом деле ко мне хорошо относился, он бы хоть иногда делал, что хочется мне».

— Извини,— сказал Бен вслух.— Хочешь, давай во что-нибудь другое, но если ты решил играть в «Космических демонов», то я пошел.

— Ты просто тюфяк, Бен! — взорвался Эндрю.— Я думал, что могу на тебя положиться, считал, что мы друзья.

Он крепко сжал в руке пистолет:

— К тому же ты трус. Слишком много валандаешься с девчонками. Весь размяк.

— О чем это ты?

— Эта твоя циркачка. Как ее там, Элейн? Дрессированная шимпанзе. Нашел, с кем встречаться!

— Брось дурака валять. Ни с кем я не встречаюсь.

— А что ж ты все время возле нее ошиваешься? Станный у тебя вкус,— продолжал насмехаться Эндрю.

— Она мне просто показывала упражнения,— сказал Бен с раздражением.

Бен не мог понять, с чего это они вдруг ввязались в эти дурацкие препирательства. И что Эндрю мог иметь против Элейн? Он вдруг разозлился. Ничего в ней нет плохого. Она в порядке. Ему нравится, как она двигается, и то, что она ни на кого не похожа и умеет за себя постоять. И несправедливо, что такие, как Линда, а вот теперь и Эндрю, нападают на нее. Бен просто закипел.

— По крайней мере она не такая задавака, как ты! — сказал он со злостью.

Краска бросилась в лицо Эндрю, он повернулся к Бену спиной и отошел в дальний конец комнаты. Мгновенное раскаяние охватило Бена, он двинулся за ним следом.

— Ладно, извини,— сказал он.— Сорвалось. Давай дружить по-прежнему. Только ты не старайся все время заставлять меня делать все по-твоему.

Эндрю резко обернулся.

— Дружить? Странно проявляется твоя дружба. Я больше с тобой не дружу, Бен Челлиз. Ты в этой четверти ведешь себя, как последний гад. Задаешься, к учителям подлизываешься, воображаешь себя уж очень умным. Ты мне опротивел. Ненавижу тебя!

Что-то случилось. Ни один из них не знал, что именно, но они оба мгновенно это почувствовали. Точно мир слегка сместился, реальность как-то сдвинулась. Эндрю поднял пистолет. Ненависть поднималась откуда-то изнутри, возникала где-то под ложечкой. Пистолет выстрелил.

Бен вскрикнул от ужаса и поднял руки, чтобы заслонить лицо. Неведомая сила закрутила его, завертела, понесла. С экрана донесся пронзительный

взвизг, как будто что-то с невероятной силой вращалось внутри компьютера. Пистолет в руках у Эндрю выстрелил еще и еще раз. Он ничего не мог с ним поделать, пистолет точно прикипел к его ладони. Эндрю не мог избавиться от него. А на экране кружилась и кружилась огромная снеговая воронка. Бена затягивало в нее. Он отнял руки от лица и протянул их к Эндрю.

— Помоги мне! — кричал он. — Сделай что-нибудь!

— Не паникуй, — сказал Эндрю. — Не волнуйся. Все нормально. Это просто следующая стадия игры. Слушайся.

Бен открыл рот, чтобы возразить, но в этот момент его снова подхватил вихрь, в следующее мгновение он исчез.

Шум утих, пистолет перестал стрелять. Эндрю подбежал к компьютеру и уставился на экран. Глубоко на дне воронки он мог различить маленькую фигурку, вращающуюся среди снежных хлопьев. Пока он смотрел, воронка распрямилась, изображение стало плоским. Частички стали группироваться, образуя нечто похожее на ландшафт. Что-то вроде скалы, крутой и голой. Ни вершины, ни подножья не было видно, казалось, она уходит в бесконечность. Затем показалась крошечная фигурка, скользящая по скале вниз. Появились глубокие впадины и уступы, точно образующие ступени по всей поверхности скалы. Маленький человечек ухватился за уступ и, подтянувшись, взобрался на него. Несмотря на крошечный размер, Эндрю узнал Бена. Смешанное чувство вины и раздражения овладело им, оттого что Бен сидел неподвижно и ничего не предпринимал.

«Если бы я там очутился, — думал он, — я бы хоть попытался что-нибудь выяснить. Дурак какой-то! Надо мне как-нибудь туда попасть и помочь ему».

И тут же он закричал:

— Берегись!

Снизу по направлению к Бену карабкался космический демон. Эндрю глядел на это с отчаянием. Ему было неясно, услышал ли его Бен. Вдруг Бен отполз к глубокому уступу и скрылся в туннеле скалы. Демон влез по скале и исчез там, где кончался экран. Сбоку появился другой и стал пробираться по скале в горизонтальном направлении. Бен не показывался. И пока Эндрю пристально глядел на экран, снова появилась воронка. Эндрю, у которого перехватило дыхание, смог, наконец, вздохнуть. Его трясло. Он должен был что-то немедленно предпринять. Он беспокоился за Бена, но был еще и взбудоражен новыми возможностями игры и жаждал оказаться на этой странной скале. Он попытался вспомнить все по порядку. Сначала появилась воронка, и Бен его разозлил... Да, конечно. «Реагирую на ненависть...» — вот что сказал компьютер. И действительно среагировал. Он же сказал Бену, что ненавидит его. На минуту на него напало какое-то раздражение, какое-то неприятие этой игры, но чувство это быстро сменилось восхищением перед интеллектом, заложенным в ней.

— Я должен как-то оказаться там, внутри. Но как?

Он попробовал целиться в себя, но его усилия возненавидеть самого себя не давали результата. Эндрю всегда самому себе очень нравился. Он прекратил попытки. В дверь постучали, и в комнату вошла мать. Эндрю поспешно сунул пистолет в карман.

— А где же Бен? — спросила она удивленно. — Он уже ушел?

— Да... Да, ушел, — сказал Эндрю.

— Сегодня он не задержался. Вы поругались?

— Так... Не совсем... Что-то вроде...

— Вы что, последнее время не очень ладите?

«Не задавай столько вопросов», — подумал Эндрю, а вслух сказал:

— Да нет, все в порядке. Мы дружим. Только у Бена много других дел.

— Это верно,— засмеялась Марджори.— Не знаю, откуда у этого семейства столько энергии. Я устаю только от рассказов о них. Слушай, мне надо пробежаться по магазинам. Хочешь со мной?

— Нет, спасибо,— сказал он,— я побуду дома. Мне надо еще сделать уроки.

В его голове начал созревать план.

Как только Марджори уехала, он набрал номер Бена. Как он и рассчитывал, ответил Даррен.

— Можно, Бен у меня переночует? — спросил он.

— Что до меня, то это просто великолепно,— ответил Даррен.— Предки вечером на собраниях, а мне велено было за ним присматривать. Я передам, когда они придут.

Эндрю положил трубку с чувством большого облегчения. Все в порядке, никто не узнает, что Бен исчез. Завтра у него будет достаточно времени, чтобы его вызволить. Он найдет кого-нибудь, кто загонит его в игру, как он загнал сегодня Бена. А вместе они как-нибудь выпутаются. Он кое-как выучил уроки, молча поужинал с родителями, молча посмотрел телевизор; мысли его были при этом далеко. Он рано лег спать. Прежде чем лечь, он поглядел на воронку на экране компьютера. С тоской подумал о том, где может быть Бен и что он там делает. Ему было грустно от того, что маленькая фигурка потерялась где-то внутри скалы. Он не привык грустить, и ему было не по себе.

— Не волнуйся,— сказал он громко, чтобы подбодрить самого себя.— Я к тебе приду. Я тебя спасу. Я твой друг.

И на всякий случай, а вдруг Бен все-таки его слышит, добавил:

— Спокойной ночи, Бен!

Он залез в постель и перед тем, как заснуть, подумал:

«Что, если кому-нибудь придет в голову выключить компьютер?»

Трудно было даже представить себе, что же тогда случится с Беном, от одной мысли об этом по спине побежали мурашки. Он вылез из постели, взял черный фломастер и написал на листе бумаги: «Идет серьезная игра! Не выключать!» Прикрепил записку к клавиатуре и вернулся в постель.

«Не забыть предупредить маму», — подумал он.

Заснул Эндрю не сразу, а когда наконец заснул, его будоражили тревожные сны, полные всяких страхов и космических демонов.

ГЛАВА 9

Эндрю проснулся с тяжелой головой, с пересохшим ртом. Стеганое одеяло, казалось, стремилось его задушить. Отопление, поставленное на таймер, включилось в шесть утра, и в комнате было чересчур жарко. Он медленно оделся. Нервы его были напряжены. Все казалось нереальным. При ясном утреннем свете, просачивавшемся сквозь задернутые шторы, трудно было поверить, что все произошедшее вчера случилось на самом деле. Он был почти уверен, что если он позвонит Бену, то Бен окажется дома, но не мог решиться набрать его номер. Он взглянул на воронку. Она не изменилась.

«Ждет меня,— подумал он.— Ладно, скоро я там окажусь».

Одной рукой он расправил одеяло, другой закинул пижаму под подушку, сунул тетрадки в сумку и спустился вниз, угодив в разгар скандала между ро-

дителями. Речь шла об автомобилях. «БМВ» не заводился. Отец хотел взять «вольво». А у матери была назначена встреча на другом конце города, куда без машины ей было трудно попасть. Но, как и все скандалы, он выплескивался за пределы того, о чем шел спор. Всплывали всяческие обвинения и упреки по другим поводам. Эндрю проскочил опасную зону и ринулся на кухню. Когда он насыпал в миску кукурузные хлопья, в кухню влетела мама.

— Что ты тут делаешь? — спросила она сурово.

Она была сердита, и поэтому Эндрю досталось тоже.

— Собираюсь завтракать, — сказал он, не глядя на нее, чтобы не обнаружить влагу в ее глазах.

— Ради Бога, Эндрю, садись за стол и поешь как следует.

— Мне некогда, — сказал он.

Марджори посмотрела на часы.

— А я и не знала, что уже так поздно! — воскликнула она. — И я не смогу отвезти тебя в школу, папа взял «вольво». Тебе придется ехать на велосипеде.

— Ладно, ничего страшного, — успокоил ее Эндрю.

— Хоть бы дождь не пошел, когда кончатся уроки, — сказала она, глядя в окно с таким видом, точно его отец был в ответе за обложенное тучами небо и кусачий ветер.

— Успокойся, мам. Даже если будет проливной дождь, я не схвачу воспаления легких. Тут недалеко.

Он подцепил ложкой остатки хлопьев и допил молоко из миски через край.

— Эндрю, — запротестовала она машинально, — ну кто так себя ведет!

— Не все ли равно! Никого же нет. Ты мне сделала с собой бутерброды? Мне надо бежать, я опаздываю.

— О Господи! Отец отнял у меня столько времени, я совсем забыла. Купишь себе что-нибудь в школе?

— Тогда мне нужно парочку долларов,— сказал Эндрю.

«Я так и не отдал Бену его два доллара,— подумал он.— Как только увижусь с ним, сразу же отдам»,— обещал он самому себе. Тут он вспомнил и сказал матери:

— Мама, пожалуйста, не выключай компьютер, хорошо?

Она покачала головой, протягивая ему деньги:

— Хорошо. Только ты что-то уж слишком погрузился в эту игру.

Мама подала ему ветровку.

— Осторожней на мостовой, договорились?

— Я тебе обещаю, что меня не задавят,— сказал он серьезно.— И не украдут.

— При чем тут шуточки? — сказала она резко.— Все бывает. Осторожность никому еще не помешала.

«Она не знает, что говорит с асом — охотником на космических демонов,— подумал Эндрю.— Она ни о чем не догадывается. Ох, если бы знала, вот был бы переполох!» Вслух он сказал:

— Ну конечно, мама. Пока!

Выскочив в гараж, он схватил свой десятискоростной велосипед и поспешил к школе.

На урок он все-таки опоздал. Лужайка была пуста, а мистер Рассел вел переключку по журналу, когда Эндрю вошел в класс. Ребята были заняты очередным упражнением по учебнику, очень неточно названному «Математика и жизнь».

— А, Эндрю Хейфорд явился,— сказал мистер Рассел, отмечая его в журнале.— Нет ли у тебя там Бена Челлиза в кармане?

Эндрю все еще слегка надеялся увидеть Бена в школе. От невинного вопроса мистера Рассела у него

что-то екнуло внутри. Так, значит, Бена все-таки не было. Значит, он действительно затерялся в недрах компьютерной игры.

Эндрю почувствовал, что краснеет. Напустив на себя озабоченный вид, он сказал:

— Может, он подцепил вирусный грипп?

Как всегда не обращая внимания на тон Эндрю, мистер Рассел сделал пометку в журнале.

— Садись, — сказал он, — и давай догоняй остальных, если не хочешь просидеть в классе всю перемену над задачами.

Элейн с трудом продиралась сквозь условие задачи, но появление Эндрю все же отвлекло ее. Она подняла голову и прислушалась. Она тоже беспокоилась, куда подевался Бен. Вчера Элейн думала, что он придет в спортзал, и очень огорчилась, когда Джон сказал, что видел, как они пошли куда-то с Эндрю. Теперь она огорчилась еще больше. Значит, и сегодня его в спортзале не будет. Она мрачно взиралась на Эндрю Хейфорда, чувствуя, что все это по его вине. И тут ясно ощутила, что Эндрю врет. Он покраснел, а голос его звучал излишне искренно. Нет сомнения, что он врет. Но почему?

Эндрю повернулся и пошел к своей парте. Вдруг он заметил удивленное выражение лица Элейн. Глаза ее были прищурены, рот приоткрыт. Он скорчил гримасу в ответ, вытаращив по-идиотски глаза, отвесив челюсть. На ее лице мелькнуло отвращение, и она показала ему язык.

«Да эта девчонка просто ненавидит меня! — подумал Эндрю с удивлением. И тут его осенило. — Ну конечно! Отлично! Она-то как раз мне и поможет!»

К концу большой перемены начался ливень, ребята со всех сторон устремились под крышу. Эндрю искал случая поговорить с Элейн, но так, чтобы это было незаметно для окружающих. Ему это пока не удавалось, потому что Элейн явно его избегала.

«Опасность в том, — думал он, — что она, возможно, ненавидит меня настолько, что даже откажется выслушать. Интересно, за что?»

Увидев, что Элейн направилась в класс, он пошел следом. Линда что-то рисовала на доске. Одна из нарисованных фигур стояла на руках, а юбка накрывала ей голову. Никаких сомнений — это была Элейн. Другой персонаж, изображенный рядом, был, несомненно, Джон. Красным мелком Линда сделала надпись под рисунком: «Джон Ферроне любит Элейн Тейлор».

— Глупо,— сказала Элейн и схватилась за тряпку, чтобы стереть написанное. Она разозлилась. Ну что она могла поделать, если Джон бегал за ней, как маленький щенок? Отлупить его за это, что ли? Ей приходилось его терпеть, ведь он был ее соседом. Господи Боже мой! Было ли это дружбой? Кто знает! Во всяком случае, ей не хотелось, чтобы об этом болтали, да еще такие, как Линда.

— Отстань,— сказала Линда, отпихивая ее.— Не порть мой рисунок.

— Еще как испорчу! Сотру его на фиг, пока никто не видел!

Линда расхохоталась.

— А хорошо получилось, да?

Она была страшно собой довольна.

— Здорово, да, Эндрю? — обратилась она к Эндрю.— Правда, похоже?

Эндрю сделал нечто, что удивило обеих девочек. Он схватил другую тряпку и стал стирать с доски.

— Ребячество,— сказал он.— Ты почему не взрослеешь, Линда?

Линда оборвала смех, точно ей дали пощечину.

— Я пошутила,— сказала она.— Подумаешь, недотрога.

Она покраснела, глаза ее наполнились слезами. Линда поглядела на свои испачканные мелом руки.

— Пойду вымою,— сказала она и выбежала из класса.

Элейн удивленно посмотрела на Эндрю, пораженная тем, что помощь пришла с такой неожиданной стороны. Он улыбнулся ей, и она бессознательно улыбнулась в ответ. Может, она ошибалась, может, он не такой уж плохой, как она думала? Во всяком случае, он был красивый и глядел на нее сейчас по-доброму.

Пока они дружно, в четыре руки, стирали с доски, Эндрю сказал ей приглушенным голосом, так, чтобы больше никто не услышал:

— Мне нужна твоя помощь. Это касается Бена. Можешь пойти ко мне после школы?

— Значит, он не заболел? — спросила она.

— Нет. С ним кое-что случилось. Никто, кроме меня, не знает. Я обращаюсь к тебе, потому что вы дружите.

— А ты не привираешь?

— Честное слово, нет. Клянусь тебе. Так пойдешь?

— Ладно.

— Сразу же после уроков. У нас мало времени.

— А что с ним?

— Потом объясню.

Доска была чистой. Не было больше причин стоять рядом с Элейн.

— Не забудь, сразу же после звонка.

Он положил тряпку на место и подошел к окну, поглядеть на дождь. И как это все обойдется сегодня?

— У тебя есть велосипед? — спросил он Элейн, выходя из класса.

Линда с красными от слез глазами прошла мимо, сделав вид, что не замечает их.

— Я могла бы попросить у Джона, — ответила Элейн.

Но Джон уже побежал прятаться в спортзал, и Эндрю не велел ей тратить время на поиски.

— Да возьми его. Джон не будет против. Мы ведь скоро вернемся.

«Надеюсь, что так»,— подумалось ему.

Дождь перестал, но ветер усилился, и когда они добрались до дома Хейфордов, коса у Элейн расплелась и волосы рассыпались по плечам. Эндрю поймал удивленный взгляд Марджори, когда они появились в дверях.

«О Господи, опять надо врать,— подумал он.— Я совсем заврался».

— Мама,— сказал он.— Это Элейн. Она пришла за книжками. Мы поднимемся на минуточку ко мне. Пошли, Элейн.

Элейн в жизни не видела такого красивого дома, как у Хейфордов. Она ошеломленно оглядывалась, стараясь все рассмотреть. Отполированные полы, мебель в пастельных тонах, везде цветы, все подобрано в тон, словом, изумительно красиво.

«Как на картинке в журнале,— подумала она.— Трудно поверить, что можно вообще жить в таком доме. Я постараюсь, я сделаюсь знаменитой, и тогда у меня тоже будет такой дом!»

— Счастливый,— сказала она, оглядывая комнату Эндрю.

На полу лежал толстый белый ковер, в комнате стояла светлая мебель из сосны, потолок спускался полого, и в нем было два окна, выходящих в сад. Она с восхищением глядела на покрывало, гардины, которые подходили друг к другу, на картины по стенам, на дорогие безделушки на полках и вздохнула от восторга.

— Потрясающая комната.

Не обратив внимания на ее слова, Эндрю взял в руки коробку из-под «Космических демонов».

— Тебе Бен что-нибудь про это говорил?

Элейн покачала головой.

— Это компьютерная игра,— продолжал он.— Особенная. Отец привез мне ее из Японии. Она впускает в себя, чтобы играть. Вот что случилось с Беном. Он вошел туда. Я... то есть он... Он теперь не может выбраться оттуда. Я должен попасть туда, чтобы его спасти. И ты должна мне помочь.

— Что я должна сделать? — спросила Элейн. Шикарная обстановка, красивый дом привели ее в состояние транса. Было просто неправдоподобно, что она находится в этой удивительной комнате и разговаривает с Эндрю Хейфордом.

Эндрю достал пистолет из кармана.

— Ты должна выстрелить в меня.

— По-настоящему стрелять?

Она взяла пистолет в полной растерянности.

— А как? У него даже нет курка.

— Возьми и прицелься в меня. И еще... ты должна меня ненавидеть.

— Что?

— Ты должна меня ненавидеть. Тогда он стреляет. Ты ведь ненавидишь меня, так ведь?

— Я не знаю. Я думала, что ненавижу. А теперь не знаю...

— Постарайся,— сказал он нетерпеливо.— Ну, скорей!

Элейн подняла пистолет и прицелилась. Воцарилось молчание. Но ничего не произошло.

— Без толку,— сказала она.— Мне кажется, я больше не смогу тебя ненавидеть. Я не могу забыть, как ты стер рисунок с доски.

Эндрю топнул ногой.

— Идиотка! Я это сделал, чтобы поговорить с тобой. Уж не вообразила ли ты, что ты мне нравишься? Уродливая рыжая обезьяна! Неудивительно, что мать тебя бросила!

Она почти физически ощутила удар от этих слов. Она бы убила его, если бы смогла. Пистолет заработал. Воронка на экране взвизгнула. Эндрю побледнел. Его закружило и понесло к экрану. В мгновение все было кончено. Визг прекратился. Элейн была в комнате одна.

Эндрю очутился в каком-то бесконечном пространстве. Вокруг него кружились, вспыхивали и гасли звезды. Он не испытывал страха, все произошло так быстро, что он даже не успел испугаться. Он вроде бы даже вообще ничего не чувствовал. Было похоже на то, когда на роликах перелетаешь через трамплин, только это продолжалось бесконечно.

«Надеюсь, я не разобьюсь, когда буду приземляться», — подумал он.

Звездные частички начали сгущаться и твердеть, и он увидел, как рядом с ним образовывается скала. Был момент, когда ему показалось, что скала стоит на месте, а он по ней катится, но потом выяснилось, что он неподвижен, а сама скала движется куда-то вниз. И не было у нее ни вершины, ни подножья.

Ему почудилось, что на некотором расстоянии краем глаза он уловил какое-то шевеление. И вдруг ему стало страшно. Он был безоружен. Эндрю почувствовал себя маленьким, ничтожным и беззащитным. Он протянул руку и дотронулся до скалы. Он увидел, как на скале формируются уступы. Один из них оказался как раз над ним. Он обнаружил, что может передвигаться по скале, как бы плавая по воде. Он «поплыл», работая руками, по направлению к глубокому уступу и погрузился в туннель.

Что-то там снаружи тоже двигалось вверх по скале, или, наоборот, вниз, или поперек. Он совершенно потерял ориентацию. Это «что-то» производило ужасные скребущие звуки, время от времени издавая рез-

кий крик. Крик звучал на такой высокой ноте, что Эндрю не был даже уверен, что улавливает его ухом, но он пронизывал череп и заставлял стучать зубами от страха. Ему хотелось скрыться от этого звука, и, несмотря на то, что впадина в скале была совершенно темной, он пополз туда, нащупывая дорогу ладонями. Он ничего не мог рассмотреть. Какой-то невидимый барьер мешал ему свернуть в сторону, он мог двигаться только вперед. Было похоже на спуск в купальне, когда ты можешь соскользнуть только в воду. Нельзя сказать, чтобы это сопровождалось неприятным ощущением. Постепенно глаза его привыкли к темноте. Эндрю подумал, что ему все это даже нравится, но два вопроса продолжали его тревожить. Во-первых, где Бен? И во-вторых, что случится, если он, безоружный, встретится с космическим демоном? Вскоре ему показалось, что он видит впереди огонек величиной с булавочную головку. По мере того как Эндрю к нему приближался, свет разрастался и наконец просто ослепил его. Он повернул, чтобы вернуться на поверхность скалы. Невесомый, он как бы плыл в пространстве. Барьеры в туннеле расступились, и вдруг он ощутил то, чего так ему не хватало в этом холодном электронном мире. Эндрю ощутил тепло и тут же услышал чье-то дыхание. Он сразу узнал его, как узнают хорошо знакомую мелодию. Это было человеческое дыхание.

— Бен,— прошептал он.— Это ты?

— Да, это я, чертов болван! — прозвучал ответ.

Эндрю оскорбился. Он уже подзабыл, что это он загнал Бена в игру.

— Я пришел тебя спасти,— сказал Эндрю.— Интересно, да? Не бойся, мы выпутаемся, надо только следовать программе.

— Я теперь знаю все про эту программу,— сказал Бен холодно.— Я тут сижу и слушаю ее час за часом. Она гоняет свои кошмарные мысли через мою голо-

ву. «Реагирую на ненависть». Кто мог придумать что-либо подобное?

— Послушай,— сказал Эндрю.— Прости меня. Я тебя не ненавижу. Я просто злился на тебя.

— Толку в твоих извинениях! Мы оба тут засели. Ты уже принес огромный вред. Ты знаешь, как работает эта программа? Она питается ненавистью. Ненависть дает ей энергию продолжаться. Она проникает в тебя, подхватывает сигналы, идущие из твоего мозга. Чем больше ненависти, тем программа делается сложнее.

— Я знаю,— сказал Эндрю.— Разве не гениально?

Бену было трудно даже взглянуть на Эндрю. Он чувствовал такую смесь ужаса и отвращения к нему, что едва мог с собой совладать. Единственное, что он мог сделать, это притвориться безразличным. Сначала надо было выбраться из игры. А потом уж он скажет Эндрю, что о нем думает. Но, узнав программу, Бен не был уверен, что они выберутся вообще.

— Как ты сюда проник? — спросил он Эндрю.— Пистолет у тебя?

В ответ Эндрю показал пустые руки.

— Элейн Тейлор встрелила меня сюда. Пистолет, наверно, остался у нее.

— А без него мы не выберемся. Мы можем только прятаться в туннелях, потому что демоны движутся в двух измерениях, а мы — в трех. Но чтобы выбраться из игры, нам надо подняться на вершину скалы, а вершина не покажется, пока ты не перестреляешь всех демонов до одного.

— Ты говоришь, мы не сможем залезть на вершину?

— Пока что нет никакой вершины. Скала уходит в бесконечность. Вершина покажется, когда последний демон будет уничтожен.

— Ты знаешь, сколько их?

— Как же, узнаешь, — фыркнул Бен. — Она не будет тебе облегчать задачу. Она что-нибудь сообщает, только чтобы подразнить, и никогда и ничего — чтобы помочь. Так что же мы в конце концов предпримем? Тебя осеняет блестящая идея?

— Только одно и можно предпринять. Сидеть и ждать Элейн.

— Вот она! — сказал Эндрю с торжеством. — Видишь, нечего было беспокоиться.

Бен не верил своим глазам.

— Как ты сюда попала? — спросил он ее с удивлением. — И пистолет — у тебя! Ну, теперь мы выберемся отсюда!

— Да пропадите вы оба! — сказала Элейн. — Я вообще не желаю с вами разговаривать. И если вы решили, что я собираюсь помочь вам выбраться, то ошиблись. Я останусь тут навсегда.

— Некогда препираться, — сказал Эндрю. — Хочешь оставаться — оставайся. Дай сюда пистолет.

Элейн никак не отреагировала на его слова.

— Давай сейчас же! — крикнул Эндрю и схватился за пистолет.

Как только он до него дотронулся, точно такой же пистолет оказался у него в руке. Он был такой же гладкий и твердый, как и тот, что сжимала Элейн.

— Быстро, — крикнул он Бену. — Возьми у нее пистолет. Мы все получим по пистолету. Игра выдает дубликаты.

Глаза его светились.

— Всё! Теперь — в атаку!

Бен взял пистолет из рук Элейн — копию того, что она продолжала держать. И он тоже был такой же твердый и гладкий. Свободной рукой он взял Элейн за руку. Он недоумевал, что заставило ее возненавидеть Эндрю и самое себя. Ему было ее ужасно жаль,

но он не знал, что сказать. Да и времени на разговоры не было. Одно было ясно — что он не оставит ее здесь одну в темноте.

Он все еще негодовал на Эндрю и за себя самого, и за Элейн, но поскольку появился шанс спастись, он, надо признаться, почувствовал некоторый интерес к игре. Выныривать из туннеля, слышать высокую ноту, обозначающую приближение демона, и потом взрывать его выстрелом было делом захватывающим. Сначала демоны появлялись медленно, один за другим, и было нетрудно состреливать их с поверхности скалы. Затем их атаки участились, они стали появляться с разных сторон, и мальчикам приходилось стрелять одновременно, чтобы избежать столкновения с ними. Демонов становилось все больше. Орда за ордой все появлялись на поверхности скалы. Как только ребятам начинало казаться, что они разгадали систему их появления, она тут же менялась. Даже Эндрю стал уже сомневаться, что эти существа когда-нибудь все исчезнут до последнего и что им удастся выбраться отсюда. Стоял ужасный шум. Почти ультразвук, который издавали демоны, сливался со звуком выстрелов; как только выстрел поражал демона, программа издавала характерный крик.

Элейн казалось, что ей снится кошмарный сон. Если бы Бен не продолжал крепко держать ее за руку, она бы убежала и спряталась в одном из темных туннелей навсегда. В какой-то момент ему все-таки пришлось отпустить ее руку и, быстро повернувшись, выстрелить в демона, угрожавшего Эндрю. Элейн с тоской поглядела в глубину туннеля. Вход выглядел, как темный экран. И пока она смотрела, в этой темноте вдруг начали высвечиваться буквы: **ЧТОБЫ ЗАКОНЧИТЬ ИГРУ, ПОЛОЖИТЕ ПИСТОЛЕТЫ СЮДА. ПОВТОРЯЮ: ЧТОБЫ ЗАКОНЧИТЬ ИГРУ, ПОЛОЖИТЕ ПИСТОЛЕТЫ СЮДА.**

Она оглянулась на Бена и вдруг краем глаза увидела демона, которого не замечали ни Бен, ни Эндрю. Она машинально подняла пистолет и выстрелила. Бен подпрыгнул от неожиданности, когда демон взорвался прямо над его головой. Он уже было открыл рот, чтобы сказать:

— Ай да Элейн! Спасибо!

Но тут шум неожиданно смолк. В тишине они слышали голос программы. «Молодцы!» — и добавила: «Надеюсь увидеться с вами снова!»

Они почувствовали, что мир меняется, и вдруг заметили, что стоят на вершине скалы. Затем показалось синее-синее небо, усыпанное звездами, и тут же они очутились на белом толстом ковре в комнате Эндрю.

ГЛАВА 10

Поперек экрана шла надпись: ПОЗДРАВЛЯЮ ЧЕМПИОНОВ ПО БОРЬБЕ С ДЕМОНАМИ: УРОВЕНЬ 250 000. Надпись повторилась несколько раз. Эндрю обезумел от своего триумфа.

— Глядите, глядите, — повторял он. — Мы достигли двухсот пятидесяти тысяч. Спорим, мы можем дойти до миллиона! Давайте попробуем!

Элейн с трудом понимала, о чем он говорит. Слишком многое случилось с ней за такое короткое время. Она смотрела на пистолет, который все еще был в ее руке.

— Я застрелила его, — говорила она с изумлением. — Я застрелила этого демона. Я увидела его и захотела от него отделаться. И — пиф-паф — он взорвался!

— Представляешь, где бы я был, если бы ты этого не сделала? — сказал Бен.

Он даже не смел об этом подумать. Он вообще не хотел думать об этой чертовой игре. У него было

ужасное чувство, что все произошедшее заронило в него какое-то злое зерно, которое рано или поздно разрастется в полнейший кошмар. Голова болела, его трясло. Все вокруг выглядело неприятно трехмерным, выходящим за рамки естественного, потому что его восприятие как бы сузилось, пока он торчал там, в этой игре. Бен чувствовал себя каким-то призрачным. Он бросил взгляд на свою руку, как бы для того, чтобы удостовериться, что она у него есть.

— Пистолет исчез! — воскликнул он с удивлением.

— Мой тоже, — сказал Эндрю. — Они снова слились с оригиналом. Дай-ка его мне, Элейн.

— Возьми, — сказала Элейн. — Не видеть бы мне его больше никогда!

Эндрю помахал пистолетом над головой и улыбнулся им обоим.

— Вот это было да! — возопил он. — Ух, здорово! Это самая великая игра из всех на свете!

Хорошо, что Элейн уже отдала пистолет, потому что она впала в совершеннейшую ярость.

— Ты, гадина, ты, зазнавшаяся тварь! Как ты смеешь учинять такое над людьми? Ты всё помнишь, что мне сказал?

Эндрю передернул плечами в некотором замешательстве.

— Да брось ты! Я этого не думаю. Мне надо было, чтобы ты на меня разозлилась, иначе я не мог спасти Бена. Во всяком случае, ты молодец! Чемпион борьбы с демонами!

Но это разозлило ее еще больше.

— А Бен? Что, ему хотелось торчать там целую ночь и целый день только ради твоего удовольствия? Дерьмо ты, Эндрю Хейфорд!

— Но ведь все же обошлось, — сказал Эндрю. — Это же просто заложено в программу.

— К чертям программу! — яростно отвечала Элейн. — Как эта дурацкая программа могла знать,

что я последую за тобой с пистолетом в руке? Вы могли остаться там навсегда, и никто бы никогда не узнал, где вы!

От такой мысли Бену стало нехорошо.

— Как это меня никто не хватился? — спросил он у Эндрю.

— Ты провел там только одну ночь. Я позвонил Даррену и сказал, что ты у меня переночуешь.

В известном смысле так оно и было, но сейчас это звучало бессовестной ложью. У Бена было унижительное чувство, что его использовали каким-то постыдным образом.

— Все это гадость, — сказал он. — Верни ты эту игру, не играй в нее, Эндрю.

Эндрю отвел глаза.

— Но ведь интересно же, — мягко возразил он. — Да и не опасно. Нет, я не отдам ее обратно. Я буду играть.

— Тогда поищи кого-нибудь другого, с кем играть, — не сдавался Бен. — А я и близко больше не подойду.

Он чувствовал себя ужасно. Он был голоден, устал, внутри была какая-то пустота.

— Я ухожу домой, — сказал он.

Бен направился к двери, но дверь распахнулась ему навстречу и в комнату вошла Марджори. Она была страшно сердита. И поскольку ребята не отошли еще от своих переживаний с демонами, им пришлось потратить несколько минут, чтобы сообразить, на что она так рассердилась.

— Эндрю, ты обещал, что больше никогда этого не сделаешь!

Он тупо на нее посмотрел.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Вы лазили на крышу, — что, не так?!

— Нет, — сказал Эндрю, качая головой и распахивая глаза во всю ширь.

Марджори не дала ему говорить.

— Не лги! Ложь ничему не поможет. Я только что перед этим заходила в комнату, и тут никого не было. И вот вы все здесь, и Бен тоже. Бен, ты наверняка влез по решетке. Я тебе говорила еще в прошлый раз, что это опасно. И наверняка... ты повредил мои глицинии.

Она собиралась добавить еще что-то, но, к счастью для ребят, внизу зазвонил телефон. Уходя, она бросила через плечо сердитый взгляд и сказала:

— Вы бы лучше шли по домам.

Их обвинили в том, чего они вовсе не делали, но объяснить, что было на самом деле, они не могли. Молча и не глядя друг на друга, ребята спустились по лестнице и вышли через боковую дверь в гараж, где оставили велосипеды.

Поглядев на велосипед Джона, Элейн еще больше разозлилась на Эндрю.

— Мы сто лет продержали велосипед. Что я теперь скажу Джону? Он, наверное, думает, что велосипед украли!

— Он не рассердится,— возразил Эндрю спокойно.— Я поеду с тобой и объясню, что было срочное дело.

Эндрю посадил Бена на раму своего велосипеда, а Элейн на велосипеде Джона поехала следом. Ее волосы блестели в лучах вечернего солнца, лицо было бледным и злым. У нее все болело,— отчего, она никак не могла определить. И еще где-то глубоко внутри застрял какой-то комок горечи. Ей было страшно, что вот-вот она заплачет — она, которая никогда не плакала и презирала плакс!

Когда они спускались по горке к школе, они все разом увидели такое, от чего у них перехватило дыхание. Из ворот школы вынырнула бледнолицая черноволосая фигура. В сгущающихся сумерках она выглядела в точности, как космический демон. Рука Эн-

дрю инстинктивно сжала в кармане пистолет. Через мгновение он засмеялся.

— Это всего лишь Марио Ферроне! И Джон с ним. Они, наверное, ищут велосипед.

— Всего лишь Марио! — воскликнул Бен. — Не такая уж это большая радость — встретиться с ним.

Эндрю не имел дела с Марио. Как всякий в их школе, он старался держаться от него подальше. Все еще переполненный своим триумфом в победе над космическими демонами, он сказал со смехом:

— А вот и братья! Возьми свой велосипед, Джон. Мы думали, ты не будешь возражать, если Элейн одолжит его у тебя.

Джон собирался ответить: «Да, конечно...», но Марио отпихнул его в сторону и налетел на Эндрю.

— Одолжить? — сказал он со злобой. — Вы взяли его без спросу. А это значит не одолжили, а украли!

— Все в порядке, — перебил его Джон. — Они спросили, только я забыл.

— Заткнись, — оборвал его Марио, не отводя взгляда от Эндрю.

— Провалитесь вы, — сказал Бен. — Мне только этого не хватает. Хотите драться — деритесь. А я пошел домой.

Он осторожно прислонил велосипед Эндрю к стене и пошел по улице в сторону дома. Меньше всего ему была нужна сейчас драка. У него было такое чувство, что он сгорит изнутри дотла, если немедленно не окажется под крышей своего дома.

— Мне надо найти папу. Извини за велосипед, Джон, — сказала Элейн.

Она подвинула к нему велосипед и направилась к школе: ей так был нужен отец, и так хотелось почувствовать опору и защиту.

Эндрю не любил драться, ему обычно и не приходилось. Но сейчас он был победителем демонов, и агрессия так и выплескивалась из него. И то, что он

встретил Марио, показалось ему подарком судьбы. Он не мог вспомнить, чтобы он когда-нибудь к кому-нибудь испытывал такую враждебность, и он ощущал волны такой же вражды, исходящие от Марио. Они стояли и неотрывно глядели друг на друга.

— Пойдем, Марио,— позвал Джон без всякой надежды в голосе.— Вот же мой велосипед. Пошли.

— Он украл его,— сказал Марио, точно выплевывая слова.— Он вор. Мне не нравятся воры.

— А мне не нравишься ты,— сказал Эндрю, сам удивляясь своей отваге.

Вид Марио, торчащие черные волосы и бледное лицо, бритая голова и черная одежда были рассчитаны на то, чтобы устрашать. Но Эндрю не боялся его. Он чувствовал уверенность в себе, прилив энергии и даже желание подраться.

Драка началась, но ничего хорошего не вышло. Кататься по земле, вцепившись друг в друга, было намного хуже, чем сражаться с демонами. Марио был легче Эндрю и почти одного с ним роста, но ему часто приходилось драться, на его стороне было преимущество опыта. Что до Эндрю, отец научил его нескольким приемам карате, но они не годились в драке с Марио, который не соблюдал никаких правил и сильно лягался ногами.

Эндрю совсем уже приходилось плохо, когда Джон, в волнении подпрыгивавший возле них, воскликнул:

— Марс, кончай! Кто-то идет!

Мальчишки разошлись, готовые в любую минуту возобновить драку. Эндрю медленно поднялся, тяжело дыша и глядя на Марио с отчаянной ненавистью. Элейн и ее отец проезжали мимо на своей «юте». Когда Дэвид увидел мальчишек, он подъехал и остановился рядом.

— Мы собрались съесть по гамбургеру. Хотите с нами? — сказал он как ни в чем не бывало.

THE KIDNAP
OF THE
LORD OF THE

NO. 1
P. 11

THE KIDNAP
OF THE
LORD OF THE

— Ой, хочу! — сказал Джон с воодушевлением.

Дэвид открыл дверцу и вышел. Он зевнул и потянулся. Рукава его рубашки задрались, обнажив толстые руки с татуировкой.

— Тяжелый день, — объяснил он Эндрю и Марио. — Хватит на сегодня раздоров. — Он поднял велосипед Джона одной рукой и положил в багажник машины. Протянул руку за велосипедом Марио, но тот сказал ему злобно:

— Отвали, верзила!

Он оттолкнул руку Дэвида, ухитрился пнуть Эндрю ногой, вскочил на свой велосипед и скрылся из виду.

Дэвид посмотрел на Эндрю.

— С тобой все в порядке?

Эндрю жалел, что Дэвид появился со своей машиной. У него было такое чувство, точно он ребенок, которого спасли от опасности, а он на самом деле был победителем демонов. Кроме того, он ведь так и не разобрался до конца с Марио.

— Все нормально, — сказал он мрачно.

Ему хотелось добавить: «Занимался бы ты лучше своими делами». Но ему было немного стыдно. Он вспомнил, что называл отца Элейн гориллой. Он промолчал, сделав над собой усилие.

А «горилла» сказал дружелюбно:

— Поедешь с нами за гамбургерами?

— Нет, спасибо, — отрезал Эндрю. — Я лучше домой.

«Юта» удалилась, дымок закружился возле выхлопной трубы. Эндрю ощупал лицо. Губа вспухла, на щеке была царапина, откуда-то, может, из носа, сочилась кровь. Коленка саднила, штаны были разорваны на коленке и у кармана. Когда он увидел, что карман порван, он также обнаружил, что пистолета в нем нет. Только что он был в кармане, а теперь карман был пуст.

ГЛАВА 11

На следующее утро Бен проснулся от жуткого кошмара. Ему снилось, что он взлезает по решеткам в комнату Эндрю. Пока он лез, ветки глицинии обламывались и бесшумно падали на землю. Когда он оглянулся, то заметил: нечто черное поднимается следом за ним. Когда Бен перелез через желоб на крыше, ниже комнаты Эндрю, он с облегчением увидел, что тот дома и сидит за столом. Он постучал в окно, прося помощи. Эндрю обернулся. Его лицо было белым, волосы черными и торчали гребнем. Бен только успел подумать, что Эндрю превратился в космического демона, как его накрыла и поглотила темнота.

Ему совсем не хотелось завтракать, и он так медленно собирался в школу, что мама, которая вначале раздражалась, в конце концов забеспокоилась.

— Ты случайно не болеешь? — спросила она, ощупывая его лоб одной рукой, другой продолжая

сортировать белье к стирке и одновременно глядя в конспект урока, прислоненный к посудной сушилке.— Слишком много болтаешь с Эндрю, вместо того чтобы вовремя лечь спать. Температуры у тебя нет. И вообще нечего тебе болеть, у меня в эту неделю сплошные родительские собрания и доклады. Ступай, тебе наверняка станет лучше в школе.

...Бен поместил свой велосипед в стойку и постоял немного на лужайке, не поворачивая головы, но краем глаза улавливая нечто, чего вроде не должно было быть. Это были толщиной в волосок черные трещины, разбегающиеся по небу, деревьям, домам.

Ему хотелось, чтобы они исчезли. Кто-то похлопал его по плечу, и он вздрогнул. Это был Эндрю. Он тут же вспомнил свой ночной кошмар и в страхе отпрянул.

— Это я,— сказал Эндрю.— Ты что, подумал, что я космический демон?

Бен посмотрел на него с недоумением, не понимая, как он может шутить на эту тему. Это был, несомненно, Эндрю, несмотря на вспухшую губу и ссадину на щеке.

— Вот, это тебе,— протянул Эндрю два доллара.

Бен неторопливо взял деньги. Ему уже не так хотелось их получить, но он не знал, под каким предлогом отказаться.

— Спасибо,— сказал он.— Ты-то как? Что у вас было с Марио?

— Схлестнулись,— сказал Эндрю.— Похоже, что он очень этим доволен.

— И ты еще не в больнице?

— Марио не такой уж головорез, каким представляется. Но одна вещь таки случилась. Я потерял пистолет.

— И теперь ты не попадешь в игру? — сказал Бен с облегчением. Но оно длилось краткий миг.

— Еще как попаду, — сказал Эндрю убежденно. — Должно быть, Марио подобрал его. Я заставлю его вернуть.

Бен печально вздохнул. Эндрю, видимо, был расположен нырять с головой в беду. На другом конце школьного двора показался кто-то рыжий. Бен взглянул на Элейн, и у него появилось дурное предчувствие. Элейн сделала два шага и остановилась. Отсюда не было видно ее глаз, но этого и не требовалось. Было ясно, что с ней происходит, потому что то же самое происходило и с ним. Она глядела краем глаза на то, чего не должно было быть.

На уроке во время сочинения он послал ей записку: «На что ты смотришь все время?» Ее ряд был от него впереди справа, и нетрудно было швырнуть ей записку, но когда она послала ответ, бдительный мистер Рассел перехватил ее.

Он прочитал: «На что ты смотришь?» — «На черные трещины, прочертившие все на свете».

— Это твоя, Элейн? — спросил он очень вежливо. — Может, ты объяснишь нам, что тут написано?

— Это из сочинения, — сказала Элейн с отчаянием, — научная фантастика.

— Что ж, очень изобретательно. Почитаешь нам, когда закончишь. А пока обрати свое вдохновение на сочинение.

Элейн пришлось просидеть до самого конца перемены.

— Дело в том, — сказала она Бену, — что я начала писать про балерин, и было очень трудно превратить это в научную фантастику.

— Ты их и сейчас видишь? — спросил Бен, имея в виду трещины, а не балерин.

— Все время. А ты?

— Я тоже.

— Я так и думала. Жуткие, да? Как ты считаешь, что это?

— Не знаю,— ответил он.— Наверное, имеет отношение к игре.

Бен пытался не замечать этих трещин, но он все время о них помнил. От них становилось неуютно и тоскливо.

— Ночью мне снился кошмар,— поделился он.

— Про Эндрю?

— Ага.

— Мне тоже,— сказала она, не глядя на Бена.

— Что же нам делать?

— Ничего,— ответила она сердито.— Это он во всем виноват. Нечего ввязываться в такие дела. Я не собираюсь помогать ему выпутываться. И ты о нем не беспокойся. Он-то будет в порядке.

Но Бен не был так уж в этом уверен. Его тревожили и Эндрю, и черные трещины, и демоны. Он никак не мог сосредоточиться на уроках. День тянулся томительно. То ему хотелось спать, то он беспокойно вскакивал. Он черкал что-то на бумаге, но все превращалось в черные трещины.

Эндрю тоже был неспокоен. Он никак не мог решить, пойти ли ему к Марио домой или подкараулить на улице. Что-то его все-таки беспокоило, но он не хотел об этом думать. Что-то тревожило не только душу, но и взгляд. Нечто странное маячило возле него, где-то за пределами зрения. Это грозило бедой, за которую отвечать придется ему.

«Все в порядке,— говорил он себе.— Ничего не случилось. Это ведь только игра. В ней нет ничего угрожающего. Надо только следовать программе».

Какие-то щупальца страха начинали подбираться к его рассудку. Но он отказывался замечать это. Он позволял себе мысленно путешествовать по темным

туннелям и серебристой скале. Он вспоминал миг абсолютного триумфа, когда вершина скалы оказалась у них под ногами. Ему хотелось туда. Он хотел опять очутиться под этим звездным небом и проникнуть во все его тайны. Ему хотелось вновь услышать восторженный голос: «Хорошо!»

Элейн не сиделась на месте. Ей трудно было сидеть неподвижно даже в спокойные времена, но когда она была чем-то взволнована, ей требовалось двигаться, чтобы не натворить чего-нибудь похуже. Несмотря на то, что она сказала Бену, сейчас Элейн была очень взбудоражена. Она не могла забыть слов Эндрю и все повторяла себе, что на самом деле он так не думает. Но как язык все время нащупывает во рту язвочку или больной зуб, так мысль ее все время возвращалась к этим словам. «Уродливая рыжая шимпанзе. Ничего удивительного, что мать тебя бросила».

«Милая мамочка. Почему ты исчезла? Неужели ты забыла меня? Пожалуйста, ответь мне. Давай про это поговорим. Мне надо знать».

Она ерзала и вертелась за партой, шевелила ушами и закидывала сомкнутые руки за голову. И все время вертела головой, чтобы уловить взглядом, что это такое напоздало на нее.

Когда прозвенел звонок с последнего урока, все услышали ее облегченный вздох. Линда, вскочив с парты, защемила конец ее косы и дернула вовсе не нечаянно. В ответ Элейн поставила ей подножку, и белокурая Линда споткнулась, едва не упав.

— Элейн, — сказал мистер Рассел усталым голосом. — Останься на минутку, мне надо с тобой поговорить.

Элейн делала Бену отчаянные знаки, чтобы он дождался ее. Она встала возле учительского стола. Класс опустел. Мистер Рассел укладывал тетради аккуратной стопочкой, чтобы взять их с собой домой и

проставить отметки. Потом он привел в порядок свой стол. Элейн пришлось подождать несколько минут.

— Ну,— сказал мистер Рассел,— как твои гимнастические дела?

Она ожидала нагоняя. Такой подход удивил ее. Элейн немного расслабилась, даже улыбнулась ему.

— Нормально,— сказала она.

— Ты попривыкла уже?

Она неопределенно кивнула.

— Подружилась с кем-нибудь?

— Не знаю,— пожалала она плечами.— Вроде бы...

— Тогда в чем проблема?

— Проблема? — подняла она взгляд на учителя.

— Кидаешь записочки, ерзаешь, ставишь подножки, и при этом на уроках никаких достижений. Что-нибудь случилось?

— Нет, не совсем,— сказала Элейн.

Мистер Рассел продолжал смотреть на нее, ничего не говоря.

— Линда меня все время задирает,— сказала она как бы в свое оправдание.

— А ты, конечно, ничего ей не делаешь!

— Я только защищаюсь,— сказала она с горячностью.

— Очень плохо, что вы не дружите. У вас может оказаться много общего. Такая дружба была бы полезна для вас обеих.

— Невозможно подружиться с человеком только потому, что от этого могла бы выйти польза,— возразила она.

— Невозможно? — переспросил мистер Рассел.

Он уложил тетрадки в портфель и встал.

— А почему бы тебе все-таки не попробовать?

Не получив от нее ответа, он добавил:

— Я как-нибудь зайду в спортзал посмотреть, не собираетесь ли вы сломать себе шею.

Он улыбнулся ей и быстро вышел из класса.

Элейн помчалась туда, где ждали ее Бен с Джоном. Они оба смотрели из ворот на что-то там на улице с выражением крайнего изумления на лицах. На противоположной стороне Эндрю и Марио стояли, погруженные в беседу. Пока эти трое смотрели, те сели на велосипеды и поехали в сторону дома Эндрю.

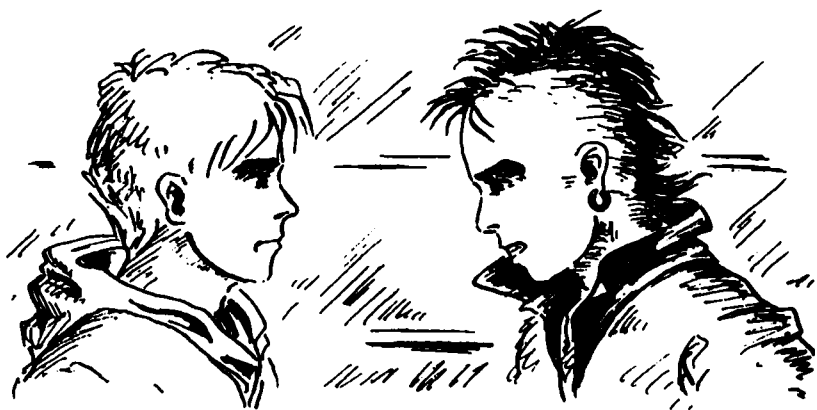
Джон присвистнул.

— Что они, елки-палки, задумали? Вчера Марио клялся, что он сотрет Эндрю в порошок. А теперь они, как закадычные друзья, отправились рядышком.

Элейн и Бен переглянулись. Они прекрасно догадались, что задумал Эндрю. И это им совсем не нравилось.

— Мы ничего не можем поделать, — сказала Элейн. — Пойдем в спортзал. Мне надо как следует позаниматься, чтобы прийти в себя.

Но целый час усердных упражнений все равно не стер черных трещин с белого света.

ГЛАВА 12

Эндрю не пришлось искать Марио. Марио сам нашел его. Когда Эндрю наконец отмучился на уроках, Марио ждал его со своим велосипедом напротив ворот.

Эндрю, не колеблясь ни секунды, перешел через дорогу, инстинктивно понимая, что фронтальная атака — лучший вид нападения. Он с удовлетворением заметил, что левый глаз у Марио заплыл. Вокруг глаза расплылся синяк.

— Ты взял одну мою вещь,— сказал он.

Антипатия их друг к другу возросла. И это обрадовало Эндрю. Она сочилась чернотой из Марио, как нефтяная струя из пробитой цистерны. Марио кинул на Эндрю мрачный, исподлобья, взгляд.

— Я ничего не собираюсь тебе отдавать,— сказал он.— Мне надо знать, что это такое.

Эндрю посмотрел на него пристально, прежде чем ответить. Он вдруг понял, что именно пистолет свел

его с Марио и что это было заложено в программу. Его ясный ум уже просчитал, что, возможно, все это связано с «Реагирую на ненависть» из программы игры, а Марио был как раз враждебен и полон ненависти. Как бы ему использовать Марио, чтобы снова попасть в игру?

— Ничего не надо отдавать,— сказал Эндрю.— Это просто компьютерная игра. Пошли ко мне, я покажу тебе, как играть.

Он произнес это спокойно, стараясь скрыть свою заинтересованность. Марио поглядел на него, прищурившись, резким движением вытащил пистолет из кармана, потерся о него щекой.

— Он мне нравится,— произнес он мрачно.— Это сила. Он может убивать.

— Ага,— сказал Эндрю, стараясь говорить со спокойным безразличием.— В нем — сила, это точно. Ты даже не представляешь, какая сила. Но только сам по себе он не действует, а работает как часть игры. Пошли, увидишь.

— А тебе зачем мне показывать? — спросил Марио подозрительно.

— Игра недействительна без пистолета,— пояснил Эндрю.— А пистолет недействителен без игры. Так что мы должны сотрудничать.

Он испугался, что тон его вышел слишком просительным, но он недооценил силу пистолета, который уже держал Марио на крючке. Марио таскал его с собой целый день, доставал из кармана, поглаживал, чувствуя, что он ему как раз по руке. Почти бессознательно он пошел на поиски Эндрю, ему необходимо было узнать, как пистолет действует. И вот теперь, не в силах сдержать горячую жажду открытия, он сказал:

— Ну, чего мы ждем? Пошли!

— Огромный у тебя дом,— отметил Марио, когда они поставили велосипеды в гараж.— Чем твой отец занимается?

— Врач,— коротко ответил Эндрю.

Отвращение скользнуло по лицу Марио, отчего он показался Эндрю еще противнее. Они вошли в дом через боковую дверь. Марио шел, как кот, попавший в незнакомое место, с недоверием обшаривая все взглядом и готовый в любую минуту к бегству.

«Черт, надо за ним приглядывать,— подумал Эндрю.— Надеюсь, он ничего не стибрит».

— Это ты, Эндрю? — крикнула Марджори из своей комнаты.— Я говорю по телефону. Буду еще минутку занята.

— Я пришел не один,— объявил он, заглядывая в комнату.— Ты это с кем?

— Кей,— сказала она.

Кей была ее старинной приятельницей, они обычно говорили часами. Эндрю провел Марио наверх.

— Вот игра,— указал Эндрю на компьютер.

Казалось, Марио вот-вот заболит от зависти. Он уже успел обшарить комнату быстрым взглядом.

— Откуда у тебя столько барахла? — спросил он враждебно.— Твои родители тебя балуют.

— Это особенная игра,— продолжал Эндрю, отказываясь втягиваться в перебранку и довольный тем, что Марио был такой упорный ненавистник. Он наклонился вперед и таинственно прошептал:

— Тот, у кого пистолет, может попасть прямо в игру и вести охоту на демонов.

Марио подскочил, точно Эндрю затронул какой-то запряганный нерв. Рука его дрожала.

— Как это делается? — тоже шепотом спросил он.

— Слушай внимательно и запоминай все, что я скажу. Иначе это может стоить тебе жизни.

Глаза Марио были темны и огромны, он впитывал каждое слово.

— Ты окажешься возле скалы. Сразу же иди к туннелю. Демоны не смогут туда за тобой пробраться. Когда ты убьешь их достаточное количество, программа приведет тебя на вершину скалы, и тогда ты опять окажешься здесь. Ну, играешь?

— Ясное дело, играю,— прошипел Марио.— Как туда попадают?

— Игра реагирует на ненависть. Если ты можешь себя самого возненавидеть, пистолет поможет тебе попасть в игру.

— Возненавидеть? И я должен выстрелить в себя из этой штуки? — посмотрел на него Марио с недоверием.— Брось, старик, я тебе не верю. Ты мне покажи.

Он вроде бы приготовился отдать пистолет, а потом передумал.

— Я не могу тебе показать,— сказал Эндрю.

Его ладони слегка вспотели.

«Я почему-то нервничаю,— подумал Эндрю.— Что-то не так».

На секунду он повернул голову, ему показалось: нечто находится позади него. Но там ничего не было. Он пристально поглядел на Марио.

— У меня не получается. Не могу возненавидеть себя в достаточной мере,— объяснил Эндрю.

Воздух между ними трепетал. Эндрю лихорадочно искал способ, чтобы Марио возненавидел себя и случайно не почувствовал бы ненависти к нему, Эндрю.

«Иначе я останусь там навеки»,— думал он.

Он решил польстить Марио.

— Ты великий ненавистник,— сказал он.— Мне кажется, один из самых великих.

— Точно,— согласился Марио с гордостью.— Нет ни одного человека в этом паскудном мире, которого бы я не ненавидел.

— И себя тоже?

— Уж конечно!

— Не может быть! — схитрил Эндрю.

Глаза Марио сверкнули, а затем сделались как щелочки.

— Тогда смотри!

Он приставил пистолет к голове и закрыл глаза. Несколько мгновений пронеслось в тишине. Воронка кружилась. Эндрю часто моргал и вертел головой. Сердце у него глухо стучало. Ничего не происходило. Марио опустил пистолет.

— В чем дело? — спросил Эндрю.

Его голос удивил его самого. Он звучал, как чужой.

— Заткнись, — сказал Марио свирепо. Он снова приставил пистолет к голове. Потом приблизился к экрану, стал постукивать по рамке ногтями. Он сгорбился, тело его напряглось, он что-то бормотал себе под нос.

— Ты что делаешь? — прошептал Эндрю через некоторое время.

Ответа не последовало, но голос Марио стал чуть громче. Эндрю прислушался, испытывая смешанное чувство стыда, ужаса и восторга.

— Ты, уродина, ты, поганый макаронник, ни на что не годный итальяшка, лучше бы тебе родиться мертвым!

Он повернулся к Эндрю. Увидев это напряженное, искаженное ненавистью лицо, Эндрю отскочил в сторону, но Марио целился не в него. Он крепко прижимал пистолет к своему собственному лбу. Глаза его были открыты, и Эндрю увидел в них выражение одновременно и боли и торжества. Сверкнул выстрел. Воронка взвизгнула. Марио исчез.

Эндрю подбежал к экрану и заглянул в него. Он увидел маленькую фигурку, вращающуюся в воронке, увидел, как образуется поверхность скалы и как Марио направляется к ближайшему туннелю.

«Он не трус,— подумал Эндрю.— Но что, если он не сумеет выкрутиться?»

Его замутило от этой мысли. Было невыносимо смотреть на экран, но так же невыносимо было отвести от него взгляд. Он видел, как демоны начали появляться на поверхности скалы, видел, как Марио уничтожил первого, потом второго и третьего, пока не потерял счет.

«А он ничего,— подумал Эндрю с невольным восхищением.— Но справится ли он с ними, когда они начнут появляться с большей скоростью? Мы едва с ними сладили, но ведь нас-то было трое. А он — один».

Это было почти непереносимо. Снова и снова Эндрю казалось, что Марио не замечает демона, подползающего к нему сзади, но снова и снова в самый последний момент он оборачивался и уничтожал его. Наконец последний демон взорвался оранжевым пламенем и вершина скалы показалась под звездами.

Эндрю успел только пожалеть, что его не было там, как Марио оказался рядом с ним в комнате с пистолетом в руке.

Тут же на экране появились слова: «ПОЗДРАВЛЯЕМ АСА, ОХОТНИКА НА ДЕМОНОВ, ПОКАЗАНИЯ УРОВНЯ 200 000».

— Здорово,— сказал Эндрю, отворачиваясь от Марио, чтобы он не увидел одобрения и облегчения в его глазах.

Лицо Марио стало живым. В первый раз за все время Эндрю увидел на нем подобие улыбки. Даже тело его слегка расслабилось. Плечи уже не были будто растянуты на вешалке. Он легко перекидывал пистолет из руки в руку.

— Ну, старик,— сказал он Эндрю,— это — да! Это действительно вещь.

— У тебя был очень хороший уровень. Но не вышший.

— А кто достигал выше? Спорим, я перекрою!

— У нас было 250 000,— сказал Эндрю.— Но нас было трое. Если б мы с тобой были вдвоем, мы бы достигли миллиона. Ты меня туда встрели, а потом — давай сам за мной.

— Мне надо ненавидеть тебя и стрелять?

— А ты понятливый. Да, именно так.

Марио засмеялся. Смех его звучал неприятно.

— Ну, на моей улице праздник! — сказал он.— Ты испорченное богатенькое насекомое!

Волна ненависти и презрения ударила Эндрю в живот. Он только вдохнул воздух, а воронка уже кружила его. Он услышал второй выстрел, последовавший тут же за первым, и сразу увидел Марио, влекомого вслед за ним. Оба они провалились в космическое пространство. Оба вместе нырнули в туннель. Эндрю получил второй пистолет из руки Марио. Началась великая битва с демонами.

Когда они вновь появились в комнате, на экране вспыхивало 400 000. Эндрю трясло, и голова у него болела от шума игры. Глаза Марио горели лихорадочным блеском. Рука, сжимавшая пистолет, дрожала. Он поворачивал голову из стороны в сторону.

— Я все еще что-то вижу. Кажется, демоны ползут за нами вслед.

Эндрю быстро повернулся, но ничего не увидел. Потом ему показалось, что он видит космического демона справа, но это оказалось лишь отражение Марио в зеркале. Глаза их встретились, и они пристально поглядели друг на друга.

— Фантастическая игра! Сыграем, что ли, еще? — спросил Марио.

— Завтра,— сказал Эндрю.— Я не хочу, чтобы мама знала. А она сейчас поднимется сюда.

Марио подумал. Потом кивнул.

— Встречу тебя возле школы. Пока!

Он сунул пистолет в карман, сбежал по лестнице к выходной двери и нахально помахал рукой Марджори, пробегая мимо нее.

Марио сам открыл дверь и выскочил на улицу. Несколько минут спустя Эндрю сошел вниз. Он чувствовал себя измочаленным. Его собственная рука казалась ему призрачной, он не чувствовал, как она касалась перил.

«Надо бы чего-нибудь съесть»,— подумал он. Больше ни одной мысли не приходило ему в голову, точно мозг его был надежно заперт.

Мама все еще говорила по телефону. Проходя мимо, он услышал:

— Но как мне сказать об этом Эндрю?

«Сказать Эндрю? Что сказать Эндрю?»

Его застывший разум пытался внушить ему, что было что-то неблагоприятно. Но он не мог понять почему. Он пошел на кухню, а слова эти, почти лишённые смысла, эхом повторялись в его мозгу. Он поставил чайник, взял пакет шоколадного печенья из буфета, приготовил себе кофе и механически стал жевать печенье. Когда он сунул в рот шестое, он услышал легкий щелчок — это мама положила на рычаг телефонную трубку.

— Эндрю, кто этот мальчик?

Марджори вошла на кухню. Вид у нее был грустный.

— Так, знакомый.

— Он учится в твоей школе?

— Нет. Он учился в ней раньше.

Марджори отняла у него пакет с печеньем. Он чувствовал, что она хочет что-то сказать о Марио, но

сдерживается, чтобы не проявлять предубеждения против мальчика из эмигрантов.

— У него грубоватый вид, милый,— решила она наконец.

«Грубоватый! — подумал Эндрю.— Слабо сказано».

Он пытался сообразить что-то своими замороженными мозгами и успокоить ее каким-нибудь образом.

— Он интересуется компьютерами,— сказал он.— Я разрешил ему воспользоваться нашим.

— Надеюсь, он его не ломает. Он ведь иностранец?

— Не знаю. По-моему, нет. Он говорит совсем как австралиец.

— Уж очень он чернявый. Как его зовут?

— Марио Ферроне.

— Это итальянское имя. Он, должно быть, итальянец.

— Да какая разница?! — возразил он.

«Чудно,— подумал Эндрю.— Я почти готов защищать Марио».

Снова показалось, что Марджори хочет что-то сказать, но боится ляпнуть не то, что нужно. Она сменила тему.

— Ты пьешь кофе? Не знала, что ты любишь кофе.

— Я подумал, что от него немного взбодрюсь.

Она молча глядела на него.

«Бедная мама,— подумал он.— Вчера разбитая физиономия, а сегодня Марио. Я причиняю ей слишком много беспокойства».

Казалось, что сейчас Марджори заговорит. Но она не решилась.

— Надо готовить обед,— произнесла она наконец.— У меня есть бифштексы в морозильнике. Сделать к ним чипсы?

— Хорошо бы,— сказал он.— Папа придет к обеду?

Марджори помолчала, прежде чем ответить.

— Он уехал в Сидней на недельку.

Эндрю почувствовал себя достаточно проснувшимся, чтобы удивиться этому. Кофе начинал действовать.

— Почему же он ничего не сказал?

— Это получилось неожиданно,— ответила она.

Помолчав немного, она продолжила:

— Эндрю, ты знаешь, мы оба очень тебя любим.

Где-то в белых холодных пространствах зазвенели предупреждающие колокола.

— Ну конечно,— сказал он, чувствуя себя очень неудобно.

— Я хочу, чтобы ты всегда помнил это,— произнесла она каким-то не своим голосом.— Помни, что мы оба тебя любим.

Вдруг ему совсем расхотелось продолжать этот разговор. Его больше не интересовало, что за всем этим кроется. Это было слишком опасно. Нависла угроза, что он превратится из победителя демонов в слабого и незащитного ребенка. Он встал и сказал:

— Мне надо делать уроки,— и выскочил из кухни.

ГЛАВА 13

На другой день Эндрю и Марио опять играли в «Космических демонов», и на следующий, и еще на третий день тоже. Ночью, после третьего дня, Эндрю снился кошмар. Ему привиделось, что он открывает глаза, а кругом крошечная тьма, как в туннелях. Он хотел включить свет, но руки его не двигались. Тьма была такая непроглядная, что он сам казался частью этой тьмы. Сердце билось в каком-то странном чужом ритме. Пульсирующее «бух-бух-бух» проходило через него, через темноту, которая была как бы его продолжением, через всю комнату, отдаваясь эхом, от которого стыла кровь. Темнота разрасталась, уходила в бесконечность. Весь мир был черным. Ничего в мире не осталось, кроме какого-то глумливого нечто. Его нельзя было видеть или слышать, до него нельзя было дотронуться, но оно было внутри него и вокруг. Теперь он знал, что это нечто овладело им, а его собственная личность съежилась и исчезла.

Потом это нечто заговорило: «Плохо дело». Эндрю узнал его, это был голос программы, но прежний намек на одобрение исчез, теперь он только поддразнивал. «Ты все сделал правильно. В самом деле, ты все сделал правильно. Мне бы надо было сказать тебе это раньше. Но никому еще никогда не удавалось победить моих детей. И теперь ты станешь одним из них».

— Эндрю! Вставай! Ты опаздываешь в школу!

Эндрю проснулся с криком ужаса. Он сел на кровати, глядя на мать пустым, бессмысленным взглядом. Пульсирующий звук отступил, стал опять просто бием его собственного сердца. Он снова мог двигаться. Но чувство было такое, точно он вовсе не спал. Руки и ноги отяжелели.

Марджори повернулась от окна, где она поднимала шторы, и озабоченно на него поглядела.

— Ты как себя чувствуешь? Не заболел?

Страх сделал его злым. Он сам не заметил, как зарорал на нее:

— Мама, перестань обращаться со мной, как с ребенком! Нисколько я не заболел, выйди, я оденусь.

Обычно Эндрю не бывал груб. Он вел себя воспитанно. Сильно побледнев, Марджори сказала:

— Тебе не стоит так со мной разговаривать. Можешь хотя бы остаться вежливым.

— Извини,— пробормотал Эндрю,— я видел плохой сон.

Мать подошла к кровати, села на краешек, обняла его.

— Ну, ничего,— сказала она.— Я знаю, тебе сейчас трудно. Это естественно, что ты чувствуешь раздражение и враждебность ко мне. Ничего. Не беспокойся. Я понимаю.

«О чем таком она говорит? — подумал Эндрю.— Знает ли она про игру? На что намекает?»

— Я тревожусь за тебя, Эндрю. Вчера я беседовала с твоим учителем. Он говорит, что и в школе ты тоже очень изменился. Я бы не хотела, чтобы ты стал грубым и агрессивным. Но я понимаю, отчего это сейчас происходит. Это просто реакция на обстоятельства. Я сказала об этом мистеру Расселу. Он понимает.

«Великолепно,— подумал Эндрю.— Все меня понимают. И ни один не знает, что происходит на самом деле».

Он оттолкнул руку Марджори, отбросил одеяло, вылез из постели.

— Я буду одеваться.

Он стал разглядывать свое лицо в зеркале. Когда он только что встал с постели, ему показалось, что он бледнее обычного, а волосы — гораздо темнее. Должно быть, это была просто какая-то игра света, потому что теперь, разглядывая себя, он отметил, что волосы его светлы, как обычно, и цвет лица нормальный, и глаза голубые, как всегда.

— Этот итальянский мальчик...— начала Марджори осторожно, она не двинулась с места, продолжая сидеть на постели.— Как его зовут?

«О Боже,— подумал Эндрю,— не собирается ли она начать снова?»

Вслух он сказал:

— Не беспокойся ты о нем, я умею с ним управляться.

— Управляться? Странное слово по отношению к другу.

— Да в общем-то он мне не друг.

Эндрю взял свою одежду со стула. Он ждал, чтобы мать ушла, он должен был одеться. Он не хотел одеваться при ней, это означало бы, что он по-прежнему ее маленький сынок, а это ему сейчас было не по душе.

— Меня не радует, что он появляется у нас,— сказала Марджори.

Эндрю осознал: этим она дает понять, что больше не разрешает Марио приходить к ним в дом.

«Но почему она не скажет прямо?» — думал он.

Беспокойное выражение ее лица вызывало в нем необъяснимое раздражение. Ему захотелось причинить ей боль.

— Это уж не твоё дело,— отрезал он грубо.

Она не хотела ссоры, поэтому встала и пошла к двери. От двери она взглянула на него с упреком, ее глаза подозрительно блеснули.

— Одевайся, а я приготовлю бутерброды для школы,— произнесла она сдавленным голосом и быстро пошла по лестнице вниз.

Когда Эндрю вошел в класс, мистер Рассел уже вел урок. Он нахмурился. Надо бы удалить мальчишку из класса — он опаздывал уже третий раз подряд, но после вчерашнего разговора с миссис Хейфорд учитель решил быть снисходительным. Поэтому он только сказал:

— Быстро садись, Эндрю, и доставай учебники. И, пожалуйста, постарайся завтра прийти вовремя.

«Чудно,— подумал Эндрю, садясь.— Я думал, он скажет что-нибудь очень резкое. А он говорит так, точно жалеет меня».

Но это его вовсе не занимало, он был поглощен фантазиями о «Космических демонах».

Они с Марио становились все более и более искусными в игре, но с каждым днем они не любили друг друга все больше и больше. Внутри игры им приходилось сотрудничать, чтобы побеждать, они должны были защищать, а иногда и спасать друг друга. Но когда Марио взрывал демона, который угрожал Эндрю, он делал это не для того, чтобы его спа-

сти, а чтобы доказать Эндрю, что он, Марио, лучший игрок, чтобы проявить свое превосходство. Эндрю отвечал все более возрастающей ненавистью, и, вырывая Марио, он старался ему это показать. Иногда на него нападало искушение отступить на шаг, ничего не делать, пусть Марио застрелят... Он вздрогнул, подумав об этом. Это было так просто, и усилий бы не потребовалось. Игра усложнялась. С каждым разом играть становилось все труднее и труднее. Было только вопросом времени, когда один из них сделает неверное движение или совершит логическую ошибку... И что тогда?

«Я не думаю, чтобы это было опасно,— размышлял он.— Программа обо всем позаботится. Может, она просто выкидывает из игры в конце концов». Но где-то в глубинах его сознания жило ощущение, которое он никак не мог вспомнить, память о словах, которые кто-то сказал или что-то говорило в нем самом, где-то внутри, и там еще была какая-то темнота, от которой он никак не мог отделаться.

— Эндрю Хейфорд, с нами ли ты нынешним утром или ты находишься где-то еще?

Голос мистера Рассела звучал необычно мягко.

Эндрю уже открыл рот, чтобы ответить, но тут он увидел нечто у окна. И вместо того, чтобы ответить так же мягко и учтиво, он вскочил с места и завизжал:

— Пошел вон! Отстань от меня!

Он повернулся, чтобы поглядеть, что там было сзади, глаза его были расширены, лицо напряжено от страха.

В три прыжка учитель оказался рядом, хватая его за плечи.

— Успокойся, Эндрю!

Класс замолк. Все таращились на Эндрю, с интересом ожидая, что же будет дальше. Но Элейн тоже глядела в окно. И она тоже увидела то, что видел Эн-

дрю,— отражение бледного лица с гребешком черных волос. И Бен, глядя в другом направлении, заметил, как мерцающая черная фигура появилась и исчезла сзади.

Бен быстро обернулся и увидел лишь черную полосу, уплывающую из поля зрения. Придумал он это или черные трещины стали отчетливее, чем раньше? Нет, на этот раз сомнения не было — черные линии стали толще. Они уже, строго говоря, не были линиями. Они расплывались черными пятнами, приобретали определенные очертания, были белыми наверху, в том месте, где можно было предположить лицо... Он накрыл ладонью рот, чтобы не закричать.

— Нет никакого резона всем прекращать работу и таращить глаза,— сказал мистер Рассел твердо.— Две страницы вы должны до звонка закончить. Эндрю, выйдем, потолкуем пару минут.

Эндрю вышел вслед за учителем в коридор. Он уже взял себя в руки. Глупо так пугаться! Но ведь отражение в окне было таким реальным, таким ужасным! Хотя, возможно, и не могло причинить ему вреда. Это что-то связанное с игрой. Надо было выяснить, что именно. Он с нетерпением ждал конца школьного дня, чтобы встретиться с Марио и вернуться к игре. Какой нестерпимой скукой была школа по сравнению с этим! Как можно было принимать ее всерьез? Он выслушал, что говорил ему мистер Рассел. Учитель смотрел на него с сочувствием. Эндрю постарался не заметить этого. Он не хотел, чтобы его жалели. Он предпочел бы, чтобы его уважали и им восхищались.

— ...Трудное время для тебя,— говорил мистер Рассел.— Если я чем-нибудь могу помочь, ты прямо приходи и скажи.

«Чем-нибудь помочь? — думал Эндрю.— Да что же вы можете сделать? И как я могу прийти и сказать? Вы же ничему не поверите! А даже если бы и пове-

рили, вы никогда не рискнете сыграть в «Космических демонов»!»

Но все эти рассуждения приходилось оставить при себе. Он улыбнулся слабой, но обезоруживающей улыбкой.

— Я что-то неважно себя чувствую.

Может, его отпустят на денек.

— Мы с твоей мамой решили, что тебе лучше не выбиваться из привычного режима,— сказал учитель.— Иначе я отпустил бы тебя домой. Садись и попытайся сделать, что можешь. И помни, если тебе надо будет с кем-нибудь поговорить, я всегда здесь.

Эндрю снова почувствовал против него некоторое раздражение. Когда они вернулись в класс, все глядели на Эндрю, и это раздражало его еще больше.

«Чего им надо?» — подумал он злобно.

И когда Бен тихонько прошептал: «С тобой все нормально?» — он состроил презрительную гримасу и ни разу не взглянул на него до конца урока.

Пламя ненависти все разгоралось и разгоралось внутри него. Оно потихоньку пожирало его самого.

ГЛАВА 14

Когда, наконец, они с Марио оказались в его комнате, Эндрю весь пылал негодованием и яростью. Видно было, что и Марио полон тех же чувств. Глаза темны и холодны, лицо урюмо. Он достал пистолет из кармана и погладил его. Бросил на Эндрю короткий презрительный взгляд.

— Ну, готов, что ли?

Эндрю подставил себя под выстрел, под волну ненависти, которая бросит его в игру. Он закусил губу, собираясь с духом, и вертящаяся воронка втащила его внутрь. Частицы обретали форму, образовывались черные туннели, но демоны стали появляться до того, как он успел достичь безопасного места в туннеле. В ужасе он прижался к скале, но тут же отскочил, как от силового поля.

«Спокойно, спокойно,— сказал себе Эндрю,— не впадай в панику. Вспоминай последовательность».

Он мог проследить ее в уме. Сначала на поверхности скалы появлялся один демон, потом три сразу, двигаясь справа налево. За ними следовали сразу четыре, поднимающиеся снизу вверх, затем снова один — слева направо. Первый выстрел прошел мимо него, когда появились трое и он распластался горизонтально, два выстрела просвистели над ним, один — не достиг его снизу. Теперь появятся четверо. Он пытался вспомнить, какое они займут положение. Отчаянно сманивировал и услышал — пух-пух-пух-пух — четыре выстрела. Потом прозвучал одиночный выстрел. Но тут он увидел впадину туннеля и с облегчением погрузился в него. Сердце его стучало. Он перевел дух. Но облегчение быстро сменилось гневом. Где Марио? Почему этот идиот не поспешил за ним вслед? Каждая секунда имела значение. Неприятное чувство от того, что каждый раз ему приходилось попадать в игру с помощью ненависти Марио, дополнилось теперь еще и страхом.

«Он предал меня! Он ушел и оставил меня одного! Теперь я никогда отсюда не выберусь!»

Мысленно он уже видел, как Марио равнодушно кладет пистолет в карман, спокойненько выходит из комнаты... уходит из дома, вообще уходит, насовсем. Он попытался успокоить себя:

«Нет никакой опасности. Программа обо всем позаботится».

Он прислушался, но программа молчала. Она не сказала, как бывало: «Молодец!» или «Хорошо сработано!». Она не говорила вообще ничего. Не ощущалось ничего, кроме пульса игры, учащавшегося в соответствии с биением его сердца. Беспомощно продвигался он в полной темноте. На него стал напирать холодный страх. Ему было жутко и одиноко. Это было не испытанное им до того чувство. Ему хотелось быть могучим победителем демонов, а вместо этого он прятался, как червь в земле.

Потом его охватило чувство вины. «Вот так и Бен себя чувствовал, наверно,— думал он.— Ведь он был тут много часов. Я и не представлял себе, как тут ужасно. Я-то думал, он просто трусит. И это я его сюда загнал. А теперь Марио проделал то же со мной». Чувства вины и страха разрушали его обычную уверенность в себе. Горло сдавливало, глаза жгло. Единственное утешение было в том, что он клял Марио и обдумывал планы мести.

«Ублюдок! — думал он.— Крыса — очень похоже на него! Идиот я, что связался с ним! Ну, я с ним посчитаюсь! Он меня еще узнает!»

Вдруг сердце у него оборвалось. Он почувствовал, что в туннеле кто-то есть. Показалась темная фигура, чернее, чем темнота туннеля, и что-то светлое мерцало в том месте, где должно быть лицо. Он затаил дыхание. Кто это, Марио или демон? Изменилась ли игра так, что демоны получили возможность проникать в туннель? Если да, то он проиграл. Ему живо вспомнился сегодняшний сон. Он вскрикнул. Это был почти что крик о помощи:

— Марс!

Хихиканье, раздавшееся в ответ, несомненно, исходило от Марио.

— Спорим, ты чуть не обмочился со страху, ты, насекомое?

Последовал его презрительный смех.

— Уверен, ты решил, что остался тут навсегда!

Он снова засмеялся.

Эндрю был слишком зол, чтобы отвечать.

— Жалко, тут темно, рожи твоей не видно. Слышал бы ты самого себя. «Марс!» — передразнил он.— Я думал, ты заплачешь и начнешь звать мамочку.

— Дай пистолет,— сказал Эндрю сердито. Он протянул руку, чтобы выхватить дубликат пистолета.

Все еще смеясь, Марио позволил ему взять дубликат.

— На тебе, деточка, твой игрушечный пистолетик. Настоящий-то у меня!

Он помахал своим пистолетом.

— Этот только и считается. И я тоже — считаюсь. А не ты, богатенький червяк. Ты знаешь, что ты такое? Ты — ничто. Без меня ты просто превратился бы тут в дохлятину. Я должен был прийти сюда, чтобы спасти тебя. Без меня тебе отсюда никогда бы не выбраться.

Они выскользнули из туннеля на свет, на выходе он постучал пальцами по голове Эндрю.

— Спрячься за Марса, он о тебе позаботится!

Затем выскочил из туннеля и открыл дикую пальбу.

Эндрю последовал за ним с отвращением в душе. Он удивился силе своего чувства. Это была страстная ненависть. Он отплатит Марио, даже если это будет стоить ему жизни. Он с ним посчитается. Он убьет его, если сможет!

Неожиданно голос программы сказал ему прямо в самое ухо: «Очень хорошо. Игра должна быть доиграна. Увидишь, что будет, когда демоны поразят мишень».

Игра ускориалась. Мальчикам была известна последовательность атак, но было все труднее и труднее реагировать на них быстро.

«Но они же не умнее нас,— повторил Эндрю мысленно.— Просто возрастает уровень».

Им приходилось все время защищать друг друга. Они действовали согласованно, несмотря на взаимную ненависть: это был единственный способ выжить в игре. И радость от того, что им удавалось перехитрить демонов, счастье от совместной проницательности и ловкости перевешивали даже их обоюдную неприязнь.

Но Эндрю негодовал на то, что Марио заставил его трепетать в туннеле и выказал ему столько пре-

зрения. В его подсознании рождалась мысль: он должен выяснить, что случится, если демону удастся попасть в цель.

Марио считал, что Эндрю прикрывает его с тыла. Он не заметил демона, подбирающегося к нему сзади. Марио увидел его, когда тот был уже почти рядом с ним. Он обернулся, но демон уже успел выстрелить. Эндрю сумел заметить только, как у Марио в ужасе открылся рот и злоба исказила лицо. Затем и мальчик и демон исчезли.

«Так ему и надо,— подумал Эндрю злобно.— Будет знать. Думает, он такой умный».

Он не чувствовал раскаяния, только глубокое удовлетворение, что посчитался с ним.

Раздался голос программы: «Блестяще. Мы тебе благодарны».

Это его подбодрило. Он почувствовал, что поступил так, как от него ожидали, будто был просто запрограммирован. Запрограммирован? Как странно! Эндрю удивился, почему он употребил это слово. Конечно, никто его не программировал. Он поступил так по своей воле... Ой ли? А не было ли внушено ему, чтобы он задержался с выстрелом как раз на ту долю секунды, которая и определяла жизнь или смерть для Марио?

Эндрю поежился. Ему самому все это было не совсем ясно. Он решил, что больше не будет думать о Марио.

«Кто знает, может, он просто вылетел назад в комнату. Я его увижу там, как только выберусь отсюда».

Теперь-то уж надо было выбираться ему самому. Игра набирала скорость. Она была рассчитана на двоих, а управляться с ней должен был только он один.

«Надо продумать стратегию»,— сказал Эндрю самому себе.

До тех пор, пока он находился в туннеле, он был в безопасности. Но чем дольше он пробудет там, тем больше времени уйдет на уничтожение требуемого числа демонов, чтобы оказаться на вершине скалы. И чем дольше он будет находиться в игре, тем больше вероятность каких-либо неожиданностей. Если Марио действительно находится в его комнате, то он может появиться снова, а может и выключить компьютер. Мама могла войти в комнату и обнаружить там Марио или не обнаружить никого, и было неясно, что хуже. Он должен был что-то предпринять, и чем скорей, тем лучше. Он подполз к краю туннеля и прислушался. Слышал, как пульсирует игра, но к этому примешивались еще и другие звуки. Ему показалось, что у них был свой ритмический рисунок. Когда демон появлялся на скале, раздавался звук «ви-и-и» и звук стреляющего оружия «тк-тк-тк-тк». Прислушавшись, он уловил, что проходит какое-то время между «ви-и-и-и» и «тк-тк-тк-тк». В это время он мог выстрелить сам. Выстрелы демонов достигали цели только в двух направлениях — по вертикали или по горизонтали. Он же, продвигаясь по туннелям, мог стрелять и по диагонали.

Эндрю присел на корточки и стал прислушиваться. Звуки как бы переместились в его голову, обосновались в нем изнутри, как мотив назойливой песенки. Когда он наконец сделал свое первое движение, оно было, точно движение в танце. Он выскакивал из туннеля, как только он слышал «ви-и-и», «пух» — палил его пистолет, потом он отскакивал назад в темноту, и «тк-тк-тк-тк» проносилось мимо. Эндрю ни о чем не думал, ему было некогда думать. Во всем происходящем он просто доверился своей интуиции.

В одиночку Эндрю не мог применить прежнюю тактику, отстреливая демонов целыми рядами, как они это делали вдвоем с Марио. Он выбивал их по

одному мучительно медленно. Ему показалось, что прошло много часов, когда наконец звуки совершенно замерли. Он слышал только слабую пульсацию в благословенной тишине, когда под звездным небом стала появляться крепкая вершина скалы. Тот же пульс ощущался и в голове, когда, пройдя сквозь экран, он оказался в своей комнате.

В руке у него ничего не было. Ведь его пистолет был только дубликатом. Комната была пуста, но его не взволновало это. Он был измучен, счастлив, что вернулся в свою комнату, но вместе с тем и как-то угнетен. И вяло подумал:

«Хватит с меня. Больше я не играю».

Он смял записку, которая лежала на клавиатуре, и выкинул ее в мусорную корзинку. Затем выключил компьютер, лег в постель, натянул одеяло на голову и мгновенно уснул.

ГЛАВА 15

Несколько раньше в этот день мистер Рассел выполнил свое обещание и после уроков зашел в спортзал.

— Мы не очень много можем,— сказала Элейн после того, как они с Беном проделали несколько сальто.— Мы могли бы больше, если бы нам разрешили пользоваться всеми снарядами.

— Вам для этого нужен инструктор,— сказал мистер Рассел.— Я уже думал об этом. А то, я боюсь, как бы вы не свернули себе шеи и не поломали кости. Вам нужны специальные занятия, систематические и по программе. У вас явно есть способности к гимнастике.

Элейн ничего не сказала, но взгляд ее говорил: «У меня нет возможности платить инструктору. Я просто делаю, что могу».

Мистер Рассел ненадолго задумался.

— Может, мы сумеем организовать гимнастический класс. Я знаю пару инструкторов. Поговорю с ними, не найдется ли у них времени. Я пока ничего

не обещаю, но, может, что-нибудь мы предпримем на следующую четверть.

— Спасибо,— сказала Элейн. Она не хотела заранее радоваться, но это была, конечно, великолепная мысль. Она очень часто огорчалась, что не учится ничему новому. Просто топчется на месте. Элейн не забыла обещания, которое дала самой себе в доме Эндрю Хейфорда. Она хотела кое-чего добиться в жизни и мечтала начать как можно раньше.

— Почему бы вам не подготовить выступление для класса к концу четверти? — продолжал мистер Рассел.— Осталось еще две недели. Вы могли бы поработать над этим с Беном и Джоном.

— А я знаю, что приготовить,— загорелась Элейн.
— Я полагаю, что ты могла бы что-нибудь придумать. У тебя такой изобретательный ум. Как насчет «научной фантастики», а?

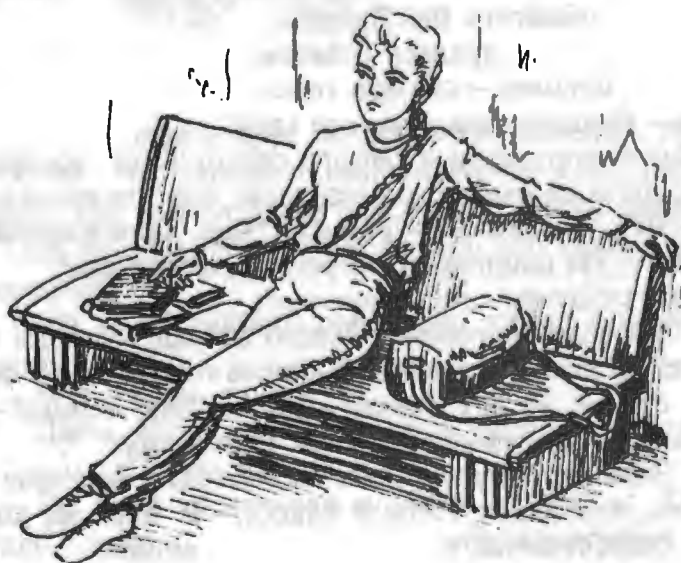
«Ух,— подумала Элейн,— это уж слегка ниже пояса!»

Вслух она сказала:

— Ладно, я попробую.

— Вот и хорошо. Вам, наверно, понадобится музыкальный аккомпанемент. Попроси Линду подыграть на рояле.

— Ну, что же,— ответила Элейн без всякого энтузиазма. И подумала: «Этот дяденька слишком ловок, он положил меня на обе лопатки».

— Ну, всего вам хорошего.

Элейн уныло покачала головой, глядя ему вслед.

— Чего ты? — спросил Бен. — Что-то не очень обрадовалась разговору о гимнастическом классе.

— Я обрадуюсь, когда дойдет до дела.

— Ты его не знаешь. Если уж он сказал, то обязательно будет.

— Во всяком случае, он навязал мне Линду. Сразу стало неинтересно.

— Да, а чего это он?

— Он думает, что нам надо подружиться. Он считает, что это пойдет нам на пользу.— Элейн скорчила гримасу.— Почему полезные вещи все такие скучные?

— Тебе придется,— вставил слово Джон, молча сидевший на мате.— Он тебе вроде как велел.

— Ничего не придется,— возразила Элейн.— Буду делать, если захочу. Я еще не знаю, захочу ли.

— Мы могли бы сплясать «Агаду»,— предложил Джон.— Тогда можно было бы просто поставить пленку и обойтись без Линды.

Элейн не собиралась сдаваться.

— Я подумаю,— сказала она.— Скажу вам позже. А пока — больше дела, меньше слов!

Она подпрыгнула и сделала сальто. Когда распрямилась, лицо ее было бело-зеленым, она покачивалась.

— Что случилось? — спросил Бен, пораженный ее видом.— Ты слишком быстро перевернулась?

Она схватила его за локоть.

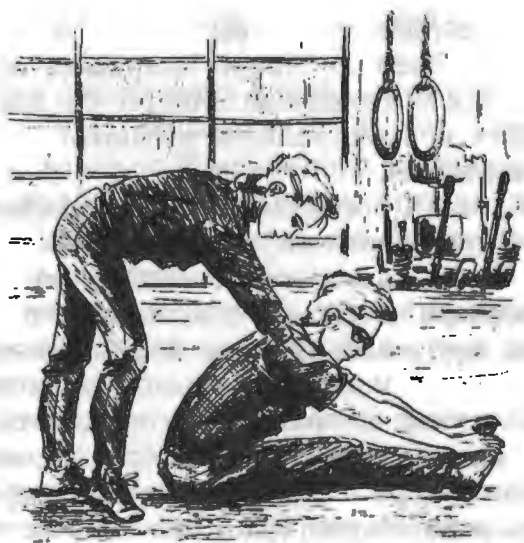
— Ты знаешь, почему Эндрю заорал тогда на весь класс? Я тоже его видела. Увидела отражение в оконном стекле. И вот сейчас — снова. Эти черные — не трещины. Они увеличиваются. Они растут.

— Знаю...— выдавил Бен нехотя. Он все пытался забыть, что видел тогда в классе.— Я тоже их видел. Они разрастаются в космических демонов.

Элейн затрясла головой и сжала виски.

— Если бы их хоть рассмотреть как следует. Они сводят меня с ума. Их невозможно толком увидеть: когда поворачиваешь голову, они удирают. Иногда засекаешь их только краешком глаза. Но они все время здесь!

— Что-то их заставляет расти,— подытожил Бен.

Они поглядели друг на друга. От тяжелых, дурных предчувствий, которые они гнали от себя порознь, вместе уже нельзя было отделаться. Элейн побледнела еще больше. Бен почувствовал, что сердце у него оборвалось.

Джон в недоумении переводил взгляд с одного на другого.

— Что с вами такое?

— Джон,— спросил Бен,— твой брат последнее время ходил к Эндрю?

— На этой неделе каждый день,— ответил Джон.— Чудно, правда? Трудно было себе представить, что они подружатся.

— Они не подружились,— заметил Бен мрачно.— А какой был Марио в последнее время?

— В каком смысле?

— Ну, он вел себя как-нибудь необычно?

— Он всегда себя так ведет,— сказал Джон.— Он и не умеет нормально.

— Ну а все-таки, хуже, чем всегда? — нетерпеливо допытывалась Элейн. — Эндрю, например, так уж точно сегодня как будто спятил. Мистер Рассел чуть было не послал за смиренной рубашкой.

Джон задумался.

— Я бы сказал, последнюю неделю Марио был невыносим, — проговорил он медленно. — Да, если подумать, это была самая жуткая неделя за последнее время. Он вчера вечером с отцом схлестнулся. Папа даже хотел ему ремня дать, но за ним теперь не утнаться. Он удрал и явился только в полночь. Я ему открывал — у меня ночное дежурство. А сегодня утром папа ушел на работу в шесть, так что они не встретились, но папа вчера сказал, что он ему еще покажет. Он сказал, если Марио будет так себя вести, то он его просто вышвырнет из дому. Я ему это утром передал, а Марс ответил: «Ничего у него не получится. Я до того еще сам убегу». Но при чем тут Эндрю?

— Джонни, не видишь ли ты что-нибудь странное краем глаза? — прервала его Элейн.

Джон скосил глаза и скорчил рожу.

— Да ничего необычного. Что с вами происходит? Что за чудные вопросы вы задаете?

Бен и Элейн переглянулись. Элейн произнесла с деланным безразличием:

— Так, ничего особенного. Ты не сходишь, не поищешь отца? Спроси, долго ли нам еще его ждать?

— Схожу, — буркнул Джон без восторга.

Когда он вышел из спортзала, Бен поинтересовался:

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Ни шиша, — ответила Элейн. — А что думаешь ты?

— Эндрю и Марио, должно быть, играют каждый день. И чем больше играют, тем больше накапливается ненависти. Она разливается повсюду. А чем больше ненависти, тем больше этим демонам пищи. Вот они и растут. Они становятся все плотнее и плотнее.

— Сколько же они могут так расти? — ужаснулась Элейн.

— Мне они уже кажутся вполне реальными!

— Что же будет дальше? — Элейн так нервничала, что сделала сальто, чтобы немного успокоиться.

— Не знаю. Они нас за что-то преследуют. Они гоняются за нами, потому что мы побывали в игре. Мы им зачем-то нужны.

— Никто из нас не хотел в эту проклятую игру, — выпалила Элейн сердито. — Эндрю засунул нас туда. Ох и ненавижу я этого парня!

Легкое колебание пробежало по воздуху. Демоны чуть-чуть подросли. Ни Бен, ни Элейн этого не заметили. В дверях появился Джон.

— Твоему папе потребуется еще полчаса, — объявил он. — А мне надо идти. Уже почти шесть.

— Мне тоже пора, — стал прощаться Бен. — У Даррена сегодня диспут, и вся семья отправляется туда.

— О чем же диспут? — заинтересовался Джон.

— Механический разум потенциально сильнее, чем человеческий мозг.

— Что это обозначает?

— Что компьютеры умнее людей, — пояснил Бен.

— Хоть бы он проиграл, — с чувством заметила Элейн.

— Даррен никогда не проигрывает, даже когда не прав, — сказал Бен мрачно.

Оба мальчика ушли, а Элейн отправилась искать отца. Он все еще пылесосил зал для свободных занятий. Она отправилась в контору поболтать с миссис Филдс, которая как раз заканчивала что-то печатать. Они подружились с ней с тех пор, как Дэвид стал делать уборку. Элейн любила проводить время в конторе. Это было теплое и уютное местечко, где можно было посидеть в холодную погоду. Миссис Филдс поила ее чаем и угощала кусочком домашнего пирога.

— Моя дочка выходит замуж в субботу, и у меня столько дел! Поможешь мне сложить эти листочки и разложить по конвертам?

Ее руки бегали по клавишам машинки. Элейн вспомнила, как она первый раз пришла в контору. Как все изменилось за это время! И в общем все образовалось. Она с удивлением поняла, что отец был прав. Если бы он не работал школьным уборщиком, она бы не могла пользоваться спортзалом вместе с Беном. Да и Джон оказался совсем неплохим мальчиком. И вот она сидит здесь с человеком, который, она знала, любит ее. Она поняла, что сейчас она куда менее одинока, чем раньше. У нее были по крайней мере три человека, которых она могла бы назвать своими друзьями.

И вот, когда она обернулась, чтобы взять новую пачку писем, она ощутила с некоторым страхом, что нечто вышло из ее поля зрения.

«Вот теперь, когда все так хорошо,— подумала она в тоске,— надо же было этому Эндрю...»

— И заметь, я совершенно не знаю, куда себя девать, когда все это кончится,— продолжала говорить о свадьбе миссис Филдс.— Мой последний цыпленок покидает дом. Он станет таким тихим без нее. Семерых вырастили мы в этом доме — четверых своих и троих приемышей. Теперь мы с Лессом будем перекатываться по нему, как пара горошин!

Она сердито вскрикнула, вытащила из машинки лист, порвала и вставила чистый.

— Так мне и надо за болтовню,— сказала она.— Я адресовала письмо доктору и миссис Хейфорд, а надо было написать только миссис Хейфорд. В учительской сегодня говорили: Хейфорды разъехались. Отец Эндрю уехал жить в Сидней.

— Отец Эндрю Хейфорда? — поразилась Элейн.

Она не верила своим ушам. Ей всегда казалось, что у такого, как Эндрю, должна быть идеальная семья.

— Ох, не надо бы мне сплетничать,— продолжала миссис Филдс.— Не говори никому, ладно, Элейн? Это ужасно — такая прелестная семья. Эндрю, бедненький, выглядел таким печальным в последние дни.

«Бедненький Эндрю»,— повторила про себя Элейн.

Сейчас все представлялось ей совсем в другом свете. Уж никак не могла бы она раньше назвать его «бедненьким».

Она почувствовала, что это известие скорее ее обрадовало.

«Так ему и надо,— думала она с удовлетворением.— Зазнайка! Теперь он поймет, как это бывает. Так, значит, их отец сбежал от них, как моя мама! Наверняка потому, что он не мог выносить Эндрю. Как увижу, так ему и скажу».

Она тешилась этой мыслью так, что даже забыла о гимнастическом классе. А вспомнила об этом только в машине, когда возвращалась с отцом домой. К тому времени ей уже казалось, что ее мечта вполне осуществима и можно об этом поговорить.

— Мистер Рассел собирается организовать гимнастический класс в следующей четверти,— сказала она.— Это было бы здорово!

— Не очень-то рассчитывай,— отозвался отец, не отрывая глаз от дороги.— В следующей четверти нас может тут и не быть.

Все ее надежды тут же испарились. Она подскочила, схватив его за руку:

— Что ты хочешь сказать?

— Тихо ты! — перебил он резко.

Машина вильнула, и водитель машины на соседней полосе тревожно засигналил.

«Хорошо бы мы в нее врезались»,— подумала Элейн.

— Что ты хочешь сказать? — повторила она.— Почему это нас не будет здесь?

— Я почти закончил дом, лапушка. К тому же штатный уборщик возвращается на работу на следующей неделе, так что во мне больше нет нужды. Я думаю, поедем с тобой на север. В Дарвине можно легко найти работу.

— Дарвин! Так это же за тысячи миль отсюда! Я не хочу ехать в Дарвин!

Для нее это была ужасная новость.

«Ну вот, опять это со мной случилось! — злилась она сама на себя. — Я даже не заметила как. Я опять пустила корни. Завела друзей. Я забыла, что мы нигде не остаемся подолгу».

Машина подъехала к дому. Элейн выскочила и сильно хлопнула дверью. Она вбежала в дом и огляделась. Как она могла не заметить произошедшей здесь перемены? Отделка кухни была закончена. Сосновые скамьи и кухонные буфеты с голубыми дверками, бледно отсвечивающие пробковые квадраты на полу — все это вызывающе тарашилось на нее. Снаружи, там, где раньше хлюпало болото, сейчас была уложена аккуратная кирпичная дорожка под крытой аллеей из вьющихся роз. Сырости не было. Дом становился прехорошеньким. Казалось, теперь он вполне стоит ста тысяч долларов. Он будто дразнил ее: «Эх ты, бедная дурочка, опять влипла!»

Дэвид вошел в дом следом за ней. Он тоже оглядывался, но только с удовлетворением и гордостью.

— Выглядит довольно мило, по-моему, — заметил он. — Мне осталось только отполировать деревянные части и немного заняться палисадником у парадного. И тогда все будет сделано. Что ж, дом приютил нас на зиму. Джефф будет доволен, когда приедет. Я думаю, он захочет сам поселиться здесь к концу месяца. Он дорого за него заплатил, но это будет в самом деле прелестный домик.

— Я тоже хочу здесь жить, — сказала Элейн. — Почему он не может быть нашим домом?

Дэвиду показалось, что этот пустой вопрос даже не стоит ответа. Он пожал плечами и пошел ставить чайник.

«Я умираю,— подумала Элейн.— А ему все равно. Но на этот раз я не сдамся. Хватит мной помыкать. Сыта по горло!»

— Папа,— начала она, стараясь говорить спокойно,— я в самом деле считаю, что мы должны остаться. Мне нужно позаниматься гимнастикой с инструктором. Мистер Рассел думает, что у меня есть способности. И я бы занялась балетом. Мне нравится эта школа. Я завела друзей. Я умру, если мы уедем.

Дэвид заваривал чай. Он протянул ей кружку.

— Элли,— сказал он,— будь же разумной. Мне надо искать работу. Если я не буду работать, нам нечего будет есть. Здесь работа кончилась. Нам надо куда-то двигаться. Мы не можем здесь оставаться. Парень, которому принадлежит этот дом, сам хочет в нем жить. И мне охота немного солнышка. Холодище здесь просто меня убивает. Тебе понравится путешествовать. Ты же это любишь!

— Не люблю! Я просто хочу жить на одном месте. Я хочу, чтобы у нас был нормальный дом! Никогда ничего я не добьюсь в жизни, если мы будем болтаться таким образом. Я буду таким же перекаати-поле, как ты!

Она посмотрела на кружку чая, которую держала в руке, подумав: чего это он поит ее чаем в такое время? — и шмякнула ею об пол. Кружка подскочила несколько раз, разбрызгивая чай по пробковым квадратам.

Дэвид протянул руку и стукнул ее по плечу.

— Ты как это со мной разговариваешь?! — закричал он.— Я заслуживаю некоторого уважения с твоей стороны. Я твой отец, ты что, забыла?

— Лучше бы ты им не был! — крикнула она.

Она сразу пожалела об этом, но было уже поздно, слово вылетело. И ей было трудно остановиться. Элейн боялась отца, но сейчас ей было все равно.

— Неудивительно, что мама тебя бросила. Я бы сделала то же самое на ее месте. И лучше бы она взяла меня с собой!

— Взяла с собой! — прорычал он. — Да меньше всего она собиралась это делать. Она все время говорила, что хочет быть свободной. Она не желала быть ничьей матерью. Даже когда ты была маленькой, она нисколько не думала о тебе.

Элейн в ужасе глядела на него.

— Неправда, — сказала она.

— Правда. Ты не виновата. Ты родилась недоношенной и чуть не умерла. Тебя долго держали в больнице, а когда принесли домой, она не восприняла тебя как своего ребенка. Никакой, как говорят, биологической связи. Ты была трудным ребенком, много кричала. Это не твоя вина. Но твоя мать не справлялась с этим. Когда ты стала подрастать, она стала жалеть, что вышла замуж слишком рано, еще не узнав жизни, и все хотела выяснить, кто же она на самом деле, и всё такое в этом духе.

В его голосе была горечь. Элейн чувствовала гнев и печаль, которые таились в его словах.

Он отвернулся и положил свою пустую кружку в раковину.

— Она не хотела быть ничьей матерью, она не хотела быть ничьей женой, вот она и сбежала, — говорил он с трудом. — Вспоминая все, я даже удивляюсь, что она продержалась так долго.

Он повернулся к ней, лицо его было неподвижно, глаза серьезные.

— И не ори на меня, — потребовал он. — Я сделал для тебя столько, сколько ни один другой мужчина не смог бы... Без всякой помощи со стороны, обрати внимание. И я буду все время о тебе заботиться, но

сам буду жить, как хочу, и тебе придется с этим считаться. А теперь вытри пол и перестань вести себя, как пятилетний ребенок.

От этих слов Элейн захотелось просто умереть. Но вместе с тем оттого, что они были сказаны, они несколько потеряли свою силу и не доставляли ей прежней боли. Она поняла, что они не таили в себе такой опасности, как тогда, когда не были произнесены вслух. И к тому же ведь он сказал, что Элейн не виновата...

Она смущенно посмотрела на отца.

— Элли,— сказал он мягко, его гнев тоже поостыл. Он протянул к ней руку.

Элейн почувствовала, как предательски к ней подбираются слезы. Она знала, что, если расплачется, тут и кончится вся ссора. Отец утешит ее, но тогда она должна будет подчиниться. Она стиснула зубы и сквозь них пробормотала:

— Уходи! Ненавижу тебя!

Рука опустилась, он отвернулся от нее. Ее гнев вернулся. Теперь она уже не чувствовала опасности слез. «Я никуда не поеду»,— бормотала она себе под нос, вытирая пол тряпкой. Она держалась за эти слова, точно они были перилами на затопленном в половодье мосту. Пока она их говорит себе, никто не заставит ее делать то, чего она не хочет. «Я никуда не поеду. Я никуда не поеду».

И все же вид отца, такого большого и сердитого, наполнял ее отчаянием. Где-то в глубине души она знала: что бы она ни говорила, он все равно сделает по-своему. Он всегда делал по-своему. Он никогда не изменит свой образ жизни на тот, что подходит ей. Он будет бульдозером идти по жизни, а она будет тащиться за ним — человек подвластный, без прав, без места на земле.

Пока они ссорились, наступила темнота, и окна без штор отражали происходящее в кухне. Элейн бы-

ла слишком сердита и не замечала черных трещин, но сейчас отчетливо увидела их слева от себя. Она инстинктивно дернула головой, чтобы избавиться от видения, и тут заметила нечто, что двигалось и отражалось в стекле. Никаких сомнений — космический демон, но еще более крупный и еще более реальный, чем тот, которого она увидела в спортзале. У нее перехватило дыхание. Глаза демона были темны, он смотрел прямо на нее. Он был тих, спокоен и нагонял страх.

«Он сцапает меня,— думала она с ужасом.— Он пришел за мной. И я ничего не могу поделать. Слишком много всего на меня свалилось. Мне не справиться, не справиться. О, мне хочется кого-нибудь убить. Я всех готова поубивать! Это все Эндрю Хейфорд виноват. Я прикончу его!»

Демон еще немного подрос.

Элейн легла спать. Она лежала с открытыми глазами в темноте, в голове ее царила полная неразбериха. Эта комната с ее высоким резным потолком, окнами в виде арок и с верандой снаружи, обсаженной диким густым кустарником, сквозь ветви которого по комнате пробегали огни проезжающих по улице машин, полюбились ей. Элейн не хотела с ней расставаться.

«Я им не позволю,— все убеждала она себя.— Хватит таскать меня туда-сюда. Хватит обижать меня. Хватит! И все! Теперь я буду командовать!»

Она чувствовала, как ненависть мерцает у нее внутри. Лежала в кровати и раздувала злость, пока не дошла до точки кипения. От этого она почувствовала себя сильной. Долго она лежала так, давая ненависти все разрастаться и разрастаться. Когда она наконец заснула, то увидела очень живой и очень страшный сон. Она стояла возле брусьев на школьном дворе. Рядом никого не было видно, и она решила немного поупражняться. Она почувствовала обычное упоение

ГЛАВА 16

Эндрю снился тот же самый сон. После того как он погрузил Элейн в темноту, он направился на поиски кого-нибудь еще. Он обнаружил Бена и Джона Ферроне в спортзале и спокойно смотрел на то, как чернота выливается из пистолета и проглатывает их. Это ему понравилось. Затем он зачернил мистера Рассела в классе и отца Элейн, который появился там, как всегда, чтобы сунуть нос в чужие дела. Потом он оказался дома. Эндрю слышал, как его родители ссорились в кухне. Зачем они портят ему жизнь своими ссорами? Он открыл дверь в кухню и увидел их силуэты на фоне блестящей нержавеющей стали. Их тоже зачернил.

— Эндрю! — звала его мать откуда-то из черноты. — Эндрю!

Он не обратил на это внимания. Глупая женщина. Он хотел, чтобы она исчезла навсегда. Но она не унималась.

— Эндрю!

Он открыл глаза.

Темнота разрядилась.

— Который час? — спросил он. В комнате было совершенно светло, за окнами птицы шумели на дневной лад.

— Девятый, — сказала мать. — Ты очень долго спал. Ты уже уснул, когда я вчера пришла звать тебя ужинать. Эндрю обнаружил, что он спал не раздеваясь.

— Лучше я встану, — сказал он. Ему очень не хотелось начинать день.

— Не спеши, — сказала Марджори. — Ты сегодня не идешь в школу. Мы пойдем к доктору Фримену. Нам к одиннадцати.

Эндрю удивленно поглядел на нее.

— Кто этот доктор Фримен? И зачем нам к нему идти? Я не болен.

— Ты слегка не в себе последнее время. Я немного о тебе тревожусь. Я думала, было бы хорошо, если ты с кем-нибудь поговоришь, ну, с кем-нибудь — в смысле не со мной.

Марджори говорила все это, не глядя на него, она прибирала в комнате, раскладывала вещи по ящикам и расправляла салфетки, которые вовсе в этом не нуждались.

— Поговорю — о чем? — спросил Эндрю, медленно подбирая слова.

— Ну, о том, как ты себя сейчас чувствуешь. О том, что тебя тревожит.

Он видел ее отражение в зеркале, они встретились глазами, она беспомощно улыбнулась и отвела взгляд. Эндрю не ответил ей улыбкой.

— Ничего меня не тревожит, — сказал он.

Он почувствовал, как внутри его вскипает злость. Почему мама не оставит его в покое?

— Кто этот Фримен?

Марджори взяла стопку журналов и стала укладывать их на книжной полке:

— Он приятель отца, они вместе учились... Он... ну, он детский психиатр, что ли.

— Психиатр? Ты что, думаешь, мам, у меня крыша поехала, что ли?

— Нет, конечно нет. Но ты какой-то грустный последнее время и... Я просто думала, тебе будет полезно побеседовать с кем-нибудь. Только и всего.

Она села на кровать и потрепала его по щеке.

— Переоденься, — сказала она мягко. — Я приготовлю завтрак.

Она снова улыбнулась ему с некоторой тревогой, поднялась и вышла из комнаты, тихонько притворив за собой дверь. Ее мягкость смутила Эндрю. Ему хотелось, чтобы она сердилась, тогда он мог бы обвинить ее за ту растущую враждебность, которая все поднималась в нем. Он нахмурился и закусил губу. У него болела голова, в ней что-то пульсировало, напоминая ему о «Космических демонах». Он не мог четко припомнить, что случилось. Его взгляд упал на выключенный компьютер. Что-то произошло. Что-то заставило его принять решение больше не играть. Он не мог сообразить, было ли что-нибудь на самом деле или только приснилось. Его мозг как бы забастовал, как тогда, когда он в первый раз играл с Марио... Вот оно! Марио! Что-то случилось с Марио. Но что? И, кстати, где он?

«Да все с ним в порядке, — пытался он убедить самого себя. — Он, должно быть, пошел домой, когда мы кончили играть, а я про это забыл. У меня что-то голова плохо работает. Почему я так ужасно себя чувствую?»

На комодѣ стояла фотография, сделанная на пляже прошлым летом, с отцом и с матерью. Они с отцом занимались виндсёрфингом. Бело-розовый парус на доске резко контрастировал с их загорелой кожей. Все трое выглядели счастливыми и беззаботными. Трудно было поверить, что это их семья.

«Папа неделями отсутствует, мама все время плачет. А я... я... А что — я?»

Что бы там ни было, он чувствовал, что с ним не все в порядке. Он перевел взгляд с фотографии на свое отражение в зеркале. Он был бледен и казался каким-то бестелесным.

— Как будто я исчезаю,— подумал он. Он снова взглянул на фотографию, и вдруг страх ударил его прямо под дых.

Они стояли позади него. Он видел их отражения в зеркале. Они были вполне реальны, даже еще реальней, чем в игре. Они были почти полностью трехмерны.

Он не мог пошевелинуться, он ничего не мог сделать. Он совершенно ошеломлен.

— Эндрю, как ты там? Завтрак готов!

Дверь открылась, и мать вошла в комнату. Демоны уменьшились в размерах, поблекли и исчезли. Повернув голову, Эндрю увидел, что позади него никого нет, но какое-то темное пятно, колеблясь в воздухе, отплыло в сторону, а затем вернулось и осталось где-то на периферии его зрения.

Под маминым встревоженным взглядом он позавтракал, не смея повернуть голову.

Когда они садились в машину, он увидел нечто, что обескуражило его еще больше.

— О черт!

— Что? Что? — спросила она в волнении. Она проследила его взгляд. Он смотрел на черный велосипед, который лежал возле клумбы.

— Это что, велосипед твоего приятеля... того мальчика? — спросила она. — Он его вчера оставил? Убери его оттуда, Эндрю, он помнет нарциссы.

«Это, безусловно, велосипед Марио,— думал Эндрю.— Он швырнул его вчера как раз здесь. Но он никогда не отправился бы домой без велосипеда, он

скорее оставил бы свою собственную ногу. Это значит, что он не вернулся домой».

Он сжал кулаки, ногти врезались ему в ладони. Невероятным усилием он отогнал тревожные мысли. Пока он не будет об этом думать. Эндрю поднял велосипед, медленно отвел его в гараж, прислонил к своему. Потом сел в машину, и они молча поехали к центру города.

Мистер Фримен оказался миловидным мужчиной с густыми каштановыми волосами и голубыми глазами, которые все время как-то мерцали. Он выглядел моложе своих лет. Он умел полностью сосредоточиться на том человеке, с которым разговаривал, как будто он или она были самыми значительными на свете. Эндрю трудно было поверить, что он психиатр. Он больше был похож на актера с телеэкрана.

И хотя на нем были очки, казалось, что это больше для понта, чем по необходимости. Мистер Фримен хитровато взглянул поверх очков, снял их и помахал ими в воздухе. Эндрю подумал, что они ему вовсе не нужны.

Мистер Фримен снова натянул очки на нос и опять взглянул на Эндрю поверх них.

— Ну, расскажи мне о себе. Ты ведь в седьмом, не так ли? Ты любишь школу?

— Кто ж ее любит?

Доктор Фримен засмеялся, точно это была очень удачная шутка.

— А как с друзьями? Думаю, у тебя их немало?

— У меня есть один очень хороший друг — Бен Челлиз. Он мой лучший друг... но последнее время я с ним редко вижу.

Сказав это, Эндрю понял, что он скучает по Бену.

— С кем же ты проводишь время сейчас? — осторожно задал вопрос доктор Фримен.

— Да так, особенно ни с кем.

— Твоя мама упомянула итальянского мальчика... как его зовут?

— Марио, — сказал Эндрю. Сердце его учащенно забилося. Он не хотел думать о Марио, а его заставляют. Он нахмурился и нервно глянул через плечо. Там ничего не было, но он боялся, что в любой момент может появиться. Доктор Фримен внимательно за ним наблюдал. Он раза два что-то черкнул в блокноте.

— На что ты смотришь? — спросил он.

— Иногда мне кажется, что кто-то ползает позади меня, — сказал Эндрю. — Кто-то, кого я не могу точно различить, но оно всегда тут. Иногда я вижу отражение в зеркале или в окне.

— Давно это с тобой?

Эндрю внимательно посмотрел на доктора. Сердце его билось все чаще, и ладони взмокли. На него понемногу нападала паника. Захотелось кому-нибудь обо всем рассказать, но кто же ему поверит? Не только не поверят, но уж точно решат, что он сумасшедший. Эндрю сделал глубокий вздох.

— Мой отец привез из Японии компьютерную игру. Она называется «Космические демоны».

Он замолчал, не зная, как продолжать.

— И ты много играешь? — настаивал доктор Фримен.

— Много.

— Ты любишь компьютерные игры?

Когда Эндрю кивнул, он продолжал расспрашивать.

— Ты играешь один или с друзьями?

— Для этого Марио приходил... приходит... ко мне. Я играю с ним.

— Давай поговорим о Марио,— предложил доктор, поощряя Эндрю к рассказу.— Скажи мне, что тебе в нем особенно нравится?

— Мне в нем ничего не нравится! — сказал Эндрю с жаром. Воздух шевельнулся позади него. Он вздрогнул, закусил губу и беспомощно посмотрел на доктора Фримена.

— Но тебе нравится играть с ним. Он, должно быть, искусно играет?

— Да, он хороший игрок, это точно. Один из лучших.— Говоря это, Эндрю вспомнил то восхищение, которое он испытал перед Марио, когда они играли в первый раз. Он ценил его отвагу и ловкость. Как можно было и восхищаться и ненавидеть одновременно? Двойственность этих чувств совсем сбила его с толку, и в этом состоянии рухнула его решимость не думать о том, что случилось с Марио. Мгновенно на него нахлынуло все снова. Марио где-то затерялся там, в игре. И Эндрю это подстроил.

— О Господи! — сказал он.

— Скажи, что ты сейчас чувствуешь? — спросил доктор Фримен спокойно.

«Сказать тебе! — подумал Эндрю.— Да если я скажу, ты тут же вызовешь тележку и отправишь меня в желтый дом!»

Мысли пронеслись у него в голове со скоростью электронных импульсов. Его мозг из глубокого замерзания ринулся к точке кипения. Он словно принимал самые разнообразные сумасшедшие телеграммы и выстукивал их, как телеграфный аппарат. Там были и ужас, и чувство вины, и отвращение к самому себе, и страх. Но вместе с этим и ясность, и твердая решимость, и спокойствие, какие нужны бывали для победы над демонами.

«Игра еще не кончена,— думал он.— Продолжение следует. Я должен попасть туда еще хотя бы один раз».

— Эндрю,— сказал доктор со спокойной настойчивостью.— Не стыдись говорить открыто, а если не хочешь — не надо.

— Мне сейчас надо уйти,— сказал Эндрю, вскакивая.— Я вспомнил что-то очень важное. Мне надо домой.

На лице доктора промелькнуло разочарование, но он тут же спрятал его под профессиональной улыбкой.

— Хорошо.

Он тоже встал со стула.

— Будем считать, что на сегодня хватит. Сдай только парочку анализов, кровь надо посмотреть и тому подобное. Давай встретимся...— Он поглядел в блокнот.— Ну, скажем, через недельку. И еще, Эндрю,— он обнял его за плечи, провожая к двери.— Запомни, что иногда приходится сталкиваться с обстоятельствами, которые нам не по душе. От этого в жизни никуда не денешься.

«Это-то мне известно,— подумал Эндрю.— Но я сомневаюсь, что мы говорим об одном и том же».

Когда с анализами было покончено, он вернулся в кабинет доктора Фримена.

— Я хочу, чтобы ты принимал вот эти таблетки,— сказал доктор.— Посмотрим, какое действие они на тебя окажут. А через недельку мы с тобой немножко еще побеседуем. Будь осторожен с этими компьютерными играми, а то сам превратишься в компьютер.

«И не подумаю их принимать»,— решил Эндрю, когда они с Марджори сели в машину. Марджори сосредоточилась на том, чтобы задним ходом выве-

сти машину с парковки. Другая машина уже стояла за ней в ожидании, и ей было трудно выехать. Она ненавидела эти многоэтажные гаражи. У нее появлялось такое чувство, точно ее заперли, и ей бывало страшно, а к тому же надо было крутиться и крутиться по спирали в полутьме, прямо как в дурном сне. Затем надо было остановиться у выезда и найти нужную монету. Пока она рылась в кошельке, машина, идущая следом, начала сигналить, и от этого Марджори только нервничала и становилась неуклюжей. Наконец-то шлагбаум поднялся и они выехали на свет. Она глубоко вздохнула и сказала:

— Ну что, милый?

Эндрю весь клокотал от нетерпения. Он знал совершенно определенно только одно — ему надо скорее попасть домой и начать игру в «Космических демонов» с самого начала. Он выключил компьютер, поэтому игра вернется к началу. Но если бы она оставалась на уровне воронки, то это ему все равно не помогло бы: настоящий пистолет исчез вместе с Марио, и неизвестно, как теперь попадать в игру. Значит, надо будет снова пройти все стадии, чтобы добыть пистолет. Раньше на это ушел у него не один день. Сколько уйдет сейчас — неизвестно, но надо было срочно начать. Ему не будет покоя, пока он со всем этим не разберется.

— Мама, я не буду принимать никаких таблеток, — сказал он. — Какие там таблетки! Это наверняка транквилизаторы, а мне нужен сейчас четко работающий мозг. Принимать сейчас таблетки — катастрофа!

Марджори взглянула на него, пока они ждали у светофора. Он был бледный, синие круги под глазами. Что-то, безусловно, с ним было неладно. Что произошло с ее веселым, очаровательным, уверенным в себе сыном? Она горько упрекала себя во всем.

— Тебе понравился доктор Фримен? — спросила она.

— Ничего. Но только он ни в чем не разобрался. Со мной все в порядке. И таблетки принимать я не буду.

— Ну всего одну недельку, — молила она. — Доктор Фримен хочет тебе помочь, и ему виднее. Ты должен его слушаться.

«Все взрослые одинаковы. Всегда они хотят помочь и всегда им виднее. Но им ничегошеньки не известно про «Космических демонов»!»

Как только они приехали домой, он помчался в свою комнату. Марджори поднялась вслед за ним, протестуя относительно таблеток.

— Ладно, ладно, — сказал Эндрю, чтобы отделаться от нее. — Приму. Давай.

Он положил две таблетки в рот и притворился, что глотает. На самом деле он задвинул их языком за щеку. Затем он плюхнулся на постель и сказал:

— Я посплю немножко. Устал.

— От таблеток ты тоже можешь задремать, — сказала Марджори. — Может, ты хочешь сначала поесть?

— Нет, спасибо.

Как только она вышла из комнаты, он выплюнул таблетки и сунул их под подушку. Затем повернулся лицом к стене, свернулся калачиком и притворился спящим. Мама наверняка вскоре войдет в комнату проверить, спит ли он. Он хотел, чтобы она в этом удостоверилась, тогда по крайней мере часа на два его оставят в покое.

Минут через двадцать Эндрю услышал, как дверь тихонько отворилась. Он дышал глубоко и медленно. Дверь закрылась снова, шаги стихли.

Он быстро вскочил и запер дверь своей комнаты. Сел перед компьютером, глубоко вдохнул. Он почувствовал, что дрожит. Эндрю включил компьютер и приступил к игре. Глубокий синий цвет старта про-

граммы залил экран. Он выглядел вполне безопасным, совсем невинным. Кажется, что Эндрю начинал играть давным-давно, где-то в прошлой жизни. Он призвал всю силу воли, сосредоточился и стал играть.

Ступени игры были все те же самые, но ощущение было иным. Тогда он чувствовал, как программа ведет его, помогает ему, сейчас казалось, что она против него, что она чинит ему препятствия, где может. И сосредотачиваться было тоже труднее, потому что его не покидало ощущение, что кто-то присутствует в комнате, заглядывает ему через плечо. Демоны на экране и демоны в комнате были как бы ведомы одним и тем же разумом. Точно они сотрудничали, стараясь не допустить его в игру. Уходило гораздо больше времени, чем раньше, даже на самые простые стадии игры. Он продвигался слишком медленно, слишком часто делал ошибки.

«Ничего не получается,— думал он в отчаянии.— Я ничего не могу сделать».

Он с тоской смотрел на экран. Экран вновь вернулся к синему цвету.

«Должен же быть какой-то выход,— думал Эндрю.— Я должен суметь что-то сделать».

Внутри его закипала злость, и чем злее он становился, тем меньше мог сосредоточиться. Злость не помогала. Наоборот, становилось еще хуже. Он понял, чем больше он злится, тем реальнее становятся фигуры позади него, тем больше они начинают его пугать, тем труднее кажется ему игра.

«Игра реагирует на ненависть,— думал он.— Злость помогает им расти. Игра вытягивает энергию из играющего и питает демонов, детей программы, как она их называет. Ух, ужас какой-то, мороз по коже! Если б только я мог все это бросить!»

И хотя он так подумал, он хорошо понимал, что вопрос так не ставится. Сейчас игра должна быть доиграна до конца. Подумав так, он слегка взбодрился.

«В конце концов это только игра,— говорил он себе.— Какой бы умной она ни казалась, это только программа. Она должна сама соблюдать свои правила. Раз она реагирует на ненависть, значит, ее надо заставить реагировать на отсутствие всякой ненависти!»

Эта мысль проникла в его сознание, как солнечный луч через булавочную дырочку в оконных шторах. Он стал ее спокойно обдумывать. Его злость начала испаряться. Это еще пока не давало ему надежды, но все-таки уже можно было что-то начинать.

«Марс,— подумал он.— Прости меня».

И немедленно в душе всколыхнулось негодование, что Марио продержал его одного в туннеле. Поделом же ему было то, что случилось.

«Нет! Не думай так! Оставь! Откажись от ненависти!»

Отказаться было трудно. Точно отрезать кусок от самого себя. Это причиняло боль. Но он старался держать себя в руках.

«Откажись от ненависти!»

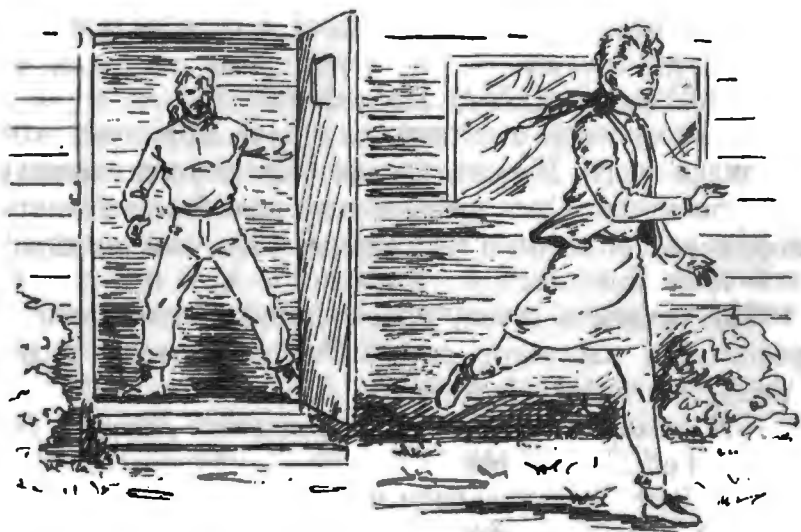
Через минуту света в комнате прибавилось. Он сконцентрировался на игре. Дело пошло быстрее.

«Это только игра! — все повторял он мысленно.— Я проделывал это по многу раз».

Чувство подавленности слегка отпустило. Ощущение того, что кто-то маячит у него за спиной, слабело.

«Срабатывает,— подумал он.— Мне удастся туда попасть».

Терпеливо и спокойно он продолжал игру.

ГЛАВА 17

Элейн проснулась в панике. Несколько минут она лежала, не сознавая, где она и жива ли она еще. Ее гибель в темноте, которую она видела во сне, была такой явственной. Она была полна ярости на Эндрю.

«Ну, только бы встретить его сегодня! Я ему покажу!»

Потом она вспомнила про скандал с отцом. От этого ей стало совсем тошно. Темнота кошмара наполняла ее злостью против всех и вся. Снаружи раздался ужасающий шум. Она соскочила с кровати и приоткрыла дверь. Отец обрабатывал пескоструйкой деревянные панели в коридоре. Воздух был полон песка и пыли, которые засыпали глаза и забивали горло. Дом стал таким, что хотелось из него бежать.

Она быстро оделась и попыталась заплести спутанные волосы в косу.

«Надо остричь,— подумала она,— но я не знаю, куда идти, и у меня нет денег, а сегодня я у него ни за что не попрошу».

Шум пескоструйки прекратился, и отец появился в дверях.

— Тебе дать с собой завтрак, Элейн?

По его голосу она поняла, что он сожалеет, что сердился вчера. Но она еще не была готова мириться. Кроме того, помириться означало бы потерпеть поражение. Мрачно и не глядя на него, она сказала:

— Я не голодна.

Она схватила сумку, проскользнула мимо него и распахнула наружную дверь. Снаружи сыпал косой дождь, подгоняемый ветром.

— Я отвезу тебя в школу,— предложил Дэвид.— Ты промокнешь до костей.

Он пошел искать ключи от машины.

— Не хочу! — крикнула Элейн и, промчавшись мимо мокрых кустов, выскочила на улицу.

Джона не было видно.

«Ух, я, должно быть, опаздываю,— подумала она.— Он уже бросил ждать...»

Но когда она повернула за угол, то увидела, что Джон бежит к ней не от своего дома, а от школы.

— Элейн! — крикнул он с беспокойством.— Ты не видела Марио?

Она покачала головой, а он продолжал:

— Он не ночевал дома. Я бегал в школу — его там нет! Что бы это могло с ним случиться?

— Мне-то откуда знать? — пожала плечами Элейн. У нее была куча своих проблем, чтобы думать еще и о Марио.— Он, может быть, для того и не ночевал, чтобы вас всех перепугать.

Джон глядел на нее большими, полными отчаяния глазами.

— Он грозился убежать из дому. Ты думаешь, он убежал?

— Ну и что из этого? — сказала Элейн сердито.— Думается, вы все только бы вздохнули.

— Не говори так,— возразил Джон.— Он же все-таки мой брат. Что, если с ним что-нибудь случилось? А вдруг его украли? Или несчастный случай?

— Не беспокойся. Он может за себя постоять. Я думаю, твои родители не тревожатся, а?

— Они не знают,— сказал Джон.— Они думают, что он рано ушел. Его велосипеда нет на месте. Но я уверен, что он и не приходил. Я не спал. Я ждал его. Но он не пришел. Что-то случилось с ним. Это факт. Он попал в ужасную беду!

Элейн поежилась. Она снова вспомнила черноту, которая ей снилась, и как кто-то смеялся... Эндрю Хейфорд! Марио бегал к нему каждый день играть, и вот Джон говорит, что он не ночевал дома. В точности так же, как тогда не вернулся Бен... Где-то в уголке глаза шевельнулся кто-то черный и страшный.

— О Господи! — воскликнула она.

— Что, что? — спросил Джон.

— Пойдем, разыщем Бена. Мне надо с ним поговорить.

Но прежде чем она его обнаружила, зазвенел звонок, и им пришлось построиться перед классом. Бен появился, когда ребята как раз входили в класс, и Элейн не успела сказать ему ни слова. От этого она разволновалась еще больше. Она вновь и вновь пыталась себе внушить, что к ней это все не имеет отношения, что если мальчишки допрыгались до какой-то беды, то сами в этом и виноваты.

«Не знаю, кто из них хуже,— думала она,— может, и Эндрю. По крайней мере, Марио и не притворяется хорошим. Паршивая парочка. Ничего удивительного, что они снюхались. Хоть бы они оба провалились навсегда! И поделом бы им было!»

Черные существа позади нее поплотнели. Элейн крутилась и вертелась, сидя за партой. Минуты до перемены не шли, а тащились медленно-медленно. Как только прозвенел звонок, она вскочила и помча-

лась вон из класса. К ней тут же подошла Линда Шульц:

— Привет, Элли!

Элейн взглянула на нее с удивлением. Что за дружеский тон?

— Чего тебе? — буркнула она.

— Я придумала про тебя стишок, хочешь, прочту?

— Не хочу, — сказала Элейн решительно, но Линда все равно начала читать:

— Элли — огонь,
И ты ее не тронь,
Она — дочка подметалы,
Вот откуда эта вонь.

Кое-кто из ребят, стоявших поблизости, засмеялся, захихикала и сама Линда, но смех ее быстро оборвался. Элейн налетела на нее, ударила в плечо, пихнула ногой и лупила ее, пока на визг Линды не прибежал мистер Рассел.

— Линда! Элейн! Бога ради, что происходит?

Обе молчали.

— Линда, объясни, что случилось? — потребовал мистер Рассел.

— Элейн меня ударила, — сказала Линда, размазывая слезы по щекам.

— Она меня довела, — заявила Элейн с яростью, — она сказала про меня ужас что. Она все время пристаёт ко мне. Я сыта по горло. Ненавижу! Ненавижу эту школу!

Она была вне себя. Ей было все равно что говорить.

— Линда, пойдй умойся и сиди на скамейке до конца перемены, — приказал мистер Рассел. — Элейн, ступай и посиди в классе одна.

— Но мне срочно нужно найти Бена!

77

THEY WERE BOTH
VERY NERVOUS AND
WAS A GOOD EXPLANATION
OF THE SITUATION.

— Подождешь до большой перемены,— сказал мистер Рассел сухо.— А если ты не возьмешь себя в руки, и большую перемену всю просидишь. Ступай.

Элейн сидела одна в классе, и это никак не помогало ей прийти в себя. От этого становилось только хуже. Если бы ей сделать пару упражнений на брусьях, ей стало бы легче. А так ее ярость только возрастала.

Перед большой переменой, когда ребята стали выходить из класса, мистер Рассел подождал ее.

— Задержись на минутку, Элейн.

— Но мне нужно поговорить с Беном.

— Не исчезнет твой Бен. Ты мне нужна всего на несколько слов.

Мистер Рассел присел на краешек стола, так что их лица были более или менее на одном уровне.

— Я стараюсь тебе помочь,— стал объяснять он.— Я стараюсь открыть перед тобой какие-то возможности, чтобы ты реализовала свои таланты, которых у тебя немало. Но ты не идешь мне навстречу, и самой себе ты тоже не хочешь помочь. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Она промолчала, а он добавил твердо, но подобру:

— Я жду от тебя ответа, Элейн. Посмотри на меня и выскажись.

Она посмотрела на него, в глазах ее светился гнев.

— Бесполезно мне помогать! — воскликнула она.— Все бесполезно! И не беспокойтесь о гимнастическом классе. В следующей четверти меня здесь не будет. Отец увозит меня в Дарвин.

— И ты не хочешь ехать? — сказал он спокойно.— В этом все дело?

— В этом. И во многом другом.

Необъяснимое беспокойство стало овладевать ею. Она тревожно оглянулась.

Мистер Рассел проследил за ее взглядом.

— На что ты смотришь?

— Так просто! — сказала она, с трудом отводя взгляд. — Да что обо всем этом говорить, — заметила она тоскливо. — Вы ничем не можете помочь. Никто не может.

Он посмотрел на нее участливо, брови его приподнялись, на губах появилась сочувственная улыбка.

— Я могу помочь гораздо больше, чем ты думаешь. Я сегодня поговорю с твоим отцом.

«Вряд ли это что изменит, — подумала Элейн. — Вы не знаете моего отца. Он даже и слушать не станет». Ей хотелось вырваться.

— Можно, я пойду? — спросила она.

Из-за внутреннего беспокойства вопрос ее прозвучал грубо.

Мистер Рассел вздохнул и поднялся.

— Да. Иди и поешь. Может, это приведет тебя в лучшее настроение.

И только тогда она вспомнила, что не взяла с собой завтрака. И дома не поела.

«Неудивительно, что я чувствую себя так странно, — подумала она. — Мне чудится, будто я исчезаю. Может, Бен поделится со мной завтраком?»

Когда она вышла, то увидела Бена в дальнем конце лужайки. Он смотрел прямо на нее, но так, точно не узнавал. Что случилось? Он уже больше не друг ей, что ли? Из-за того, что она подралась с Линдой?

Но худшее было еще впереди. Он глядел на нее в упор, и во взгляде его мелькнул ужас. Он вскочил; бутерброд, который он держал в руке, упал на землю. Он отшатнулся от нее.

— Нет! — проговорил он глухо. — Нет!

— Бен! — окликнула она его, останавливаясь.

Ясно, она ему больше не нравится, он даже не узнает ее. И она почувствовала, что больше ни на кого не сердится. Внутри была какая-то пустота, все стало ей безразлично.

Лицо Бена стало приобретать нормальное выражение, но в глазах еще прятался страх.

— Элли! — позвал он громко.

Он подошел к ней и схватил ее за руку. Это прикосновение придало ей бодрости. Она даже попыталась улыбнуться.

— Что происходит? — спросил Бен.

— О чем ты? Что случилось?

— Элли, я не узнал тебя. Пока ты не заговорила. Я думал, что это космический демон.

Они уставились друг на друга. Элейн била дрожь.

— Но я же не демон! — выпалила она в страхе. — Как я выгляжу сейчас?

— Сейчас ты обычная... только...

— Только — что?

— Кажется, что ты можешь исчезнуть в любую минуту!

— Это все Эндрю, — сказала она жалобно. — Он выпустил их из игры, и теперь они за нами гонятся. Как я его ненавижу!

— Брось! — крикнул Бен. — Ты опять становишься демоном. — Он схватил ее за руку крепче. — Злость помогает им!

С большим усилием она заставила себя не думать об Эндрю. Она постаралась сконцентрировать мысли на своем друге. Взглянула ему в лицо и подумала, какое оно доброе. Бен тоже пристально поглядел на нее. Через минуту он вздохнул и отпустил ее руку.

— Так-то лучше. Как ты себя чувствуешь?

— Я жутко хочу есть.

— У тебя нет с собой завтрака? — Бен нагнулся и поднял с земли бутерброд. — Вот, — сказал он, страхи-вая с него пыль и разламывая его пополам, — поешь. Фирменное блюдо семьи Челлиз — сыр, маринованный огурчик, листок салата и помидор, и все — под майонезом.

После бутерброда они съели еще по половинке булочки и по пол-яблока. Элейн подумала: какая же она счастливая, что есть человек, который охотно разделит с ней свой завтрак. Она почувствовала себя лучше. От еды? Или от этой мысли?

— Как я теперь? — спросила она.

— Лучше, уже не такая прозрачная.— Он осторожно повернул голову.— Проверяю этих,— пояснил он.— Скольких ты видишь?

Элейн тоже посмотрела. Что-то черное метнулось в уголке глаза.

— Они еще тут,— заметила она озабоченно.

— Они увеличиваются,— сказал Бен.— Они хотят нас сцапать.

Он посмотрел на свою коробочку для завтраков, которая валялась на траве, и вдруг поддел ее ногой.

— Я думал, что уже от них отделался,— воскликнул он в сердцах.— Я не хотел во все это ввязываться. Но все становится слишком серьезно, надо что-то делать. После уроков я пойду к Эндрю, погляжу, что там происходит.

— А... где Эндрю?

— Да с ним все в порядке,— ответил Бен.— Я спросил у мистера Рассела — он отправился к врачу. Меня больше беспокоит Марио Ферроне.

Он взглянул на Элейн.

— Джон говорил тебе, что Марио не ночевал дома?

Элейн кивнула.

— Если он там, где я думаю,— продолжал Бен,— ему очень нужна помощь. И мы тоже в опасности.

Он снова посмотрел на нее и спросил, вроде бы стесняясь:

— Элейн, у тебя какая-нибудь беда?

— Почему ты спрашиваешь?

— Ты пришла в школу такая несчастная, а потом это — с Линдой...

— Она — гадина, — стала объяснять Элейн с жаром. — Ты слышал, какую мерзость она про меня сочинила?

Мысль о Линде разогрела ее гнев.

— Берегись! — крикнул Бен. — Не злись. Ты от этого начинаешь исчезать. Вот как все это работает — так запрограммирована эта игра. Она реагирует на ненависть.

— Ну как же мне не злиться? — горячилась Элейн в отчаянии. — Так плохо мне еще не было никогда. Линда надо мной издевается, мистер Рассел плохо ко мне относится, отец хочет увезти в Дарвин, и демоны гоняются за мной по пятам. Что же мне делать? Улыбаться и говорить: «О'кей, друзья, топчите меня, я вас все равно люблю»?! Но у меня это не получается. Ну просто никак!

Бен испугал ее, неожиданно вскочив на ноги.

— Пошли! — сказал он. — Надо что-то сделать. Научи меня делать двойное сальто на брусках. И поговорим о представлении, которое мистер Рассел велел нам подготовить.

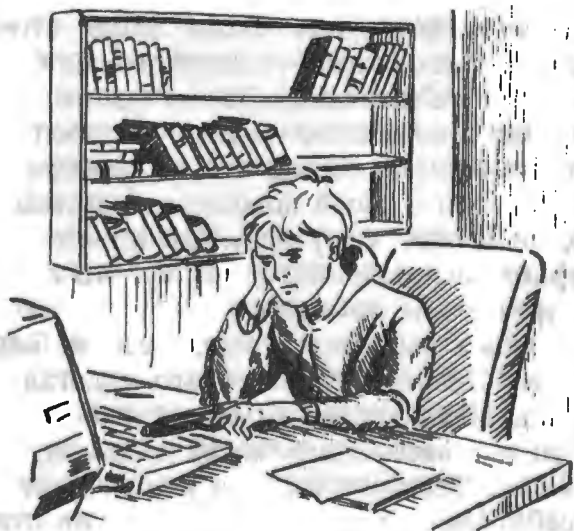
Он поступил так бессознательно, но импульс оказался правильным. К тому времени, когда раздался звонок, Элейн уже немного пришла в себя.

Глядя на нее, Бен подумал, что теперь она продержится до конца уроков.

«А после, — думал он, — после я пойду к Эндрю и сделаю все, что необходимо...»

Когда они подходили к дверям класса, Элейн попросила:

— Ты подожди меня после уроков. Я тоже с тобой пойду.

ГЛАВА 18

Эндрю сидел перед компьютером. Воронка кружилась перед его глазами, а рука сжимала черный предмет. Он добился своего! Он снова прошел все стадии игры, попал туда и вышел оттуда, добыв пистолет! На этот раз это было отчаянно трудно, но странно — он не испытывал гордости, а только нечто вроде мрачного удовлетворения, что сумел перехитрить программу.

«Поздравляю,— сказала программа саркастически, на этот раз без всякой лести в голосе.— Только не думай, что сможешь победить меня. Я никогда не отдаю того, что принадлежит мне».

Он не обратил на это внимания.

«Может, все это враки,— успокаивал он себя.— Я достиг многого, а смогу достичь и большего. Это всего лишь игра. Я доиграю ее до конца. И добьюсь победы!»

Он встал и потянулся. Надо было что-нибудь съесть или выпить, чтобы подкрепиться. Он отпер дверь и вышел на площадку. До него донесся мамин голос, которая говорила по телефону в своей спальне. Она говорила громко, только что не кричала:

— ...Он заперся в своей комнате и не отзывается... Я думаю, он играет в эту игру. Он просто одержим ею, он играет беспрестанно. Я слышу, что компьютер работает, но он мне не отвечает...

«Видно, мама пыталась войти, когда я был в игре,— подумал Эндрю.— Хорошо, что я догадался запереть дверь. Надо пойти сказать ей, что я здесь».

Когда он уже взялся за ручку ее двери, он услышал:

— ...У Кейта Фримена сегодня утром. Кейт думает, он не в себе. Он не сумел вызвать его на откровенность. Нет, я еще ему не говорила, но он, должно быть, догадался... Почему ты не приедешь и сам не скажешь ему?

Последние слова она сказала с такой злостью, что он удивился. Потом он подумал, что нехорошо слушать за дверью, и тихонько отошел.

«Наверно, она говорит с папой,— подумал он.— Она ему позвонила рассказать про меня. Думает, у меня крыша поехала. И доктор Фримен тоже решил, что я не в себе».

Эти мысли проносились в голове, как картинки на экране, точно не имели к нему никакого отношения. Эндрю подумал, что, если их все соединить, может, что-нибудь нарисуеться. Но ему не хотелось.

«Не все сразу,— думал он.— Сначала надо покончить с игрой. Надо вызволить Марио, а потом я займусь всем этим. А пока надо что-нибудь съесть и успокоить маму».

Марджори вошла в кухню, когда он готовил себе горячий сэндвич.

— О, Эндрю,— сказала она с облегчением.— Как ты себя чувствуешь?

— Много лучше,— ответил он бодро, улыбаясь ей.— Эти таблетки — великая вещь.

Эндрю не очень был доволен собой. Но подумал: «Может, они и в самом деле замечательные, они не стали хуже оттого, что я их не проглотил».

— Ты поспал?

— Кажется,— сказал он, осторожно подбирая слова. Он вынул сэндвич из электрической духовки и положил на тарелку. Чайник вскипел. Он налил кипятку в кофейную чашку.

— Сделать тебе кофейку, мам? Горячий кофе мам очень полезен. Он их успокаивает.

— Да, чудесно! — ответила она.

Они пили кофе в молчании. Эндрю думал, что бы сказать такое нормальное, чтобы успокоить ее и на будущее, но ничего стоящего на ум не приходило. Мать смотрела на него, точно хотела что-то сказать. Чтобы опередить ее намерение, он спросил:

— Что сегодня по телевизору?

Но Марджори решила не упускать случая.

— Мы потом посмотрим по программе. Сначала мне надо кое-что тебе сказать.

У Эндрю забилося сердце.

Зазвенел дверной звонок.

— Я открою,— сказал Эндрю, с облегчением вскакивая. Его облегчение возросло, когда он увидел, кто пришел.

— Привет, Бен! Здравствуй, Элейн. Это фантастика... Как вы узнали, что вы мне очень нужны?

— Телепатия,— буркнул Бен.— Что, наконец, происходит?

— Где Марио? — спросила Элейн.

Эндрю опасливо оглянулся.

— Не говорите о нем здесь,— попросил он,— пошли ко мне. Я вам все расскажу. И еще мне будет нужна ваша помощь. Мам! — крикнул он.— Бен и Элейн пришли. Мы поднимемся наверх, ко мне.

— Хорошо,— согласилась Марджори, подходя к кухонной двери. Она оперлась о косяк и вздохнула. Ребята побежали наверх. Она крикнула вслед:

— Тебе надо бы проглотить еще пару таблеток, Эндрю. Их надо принимать каждые четыре часа.

— Ладно! — откликнулся он. Эндрю вытряс две таблетки из пузырька и сунул их под подушку. Он посмотрел на Бена и усмехнулся.— Грандиозные таблетки,— объяснил он.— Оказывают огромное влияние на мое поведение.

— А что с тобой? — спросил Бен с интересом.

— Я очень не в себе. Так говорит доктор Кейт Фримен, психиатр, который живет с тобой по соседству.

— Ты был у психиатра?

— Ага. Мама думает, что я схожу с ума.— Тут он посерьезнел и добавил:— Как на нее обижаться! Она ничего не знает о космических демонах. А со мной происходят всякие чудеса. Это на меня действует.

— Все то же самое можно сказать и обо мне. На меня тоже действует,— заметила Элейн.

Эндрю поглядел на нее вопросительно, а Бен сказал спокойным голосом:

— Элейн чуть не превратилась в космического демона сегодня утром. Они увеличиваются. Становятся все более и более реальными. Чем ты злее, чем больше ненавидишь людей — тем они становятся плотнее.

— Я знаю. Не надо ненавидеть. Тогда они отвязываются. Я сегодня все утро в этом упражнялся.

Как раз это давалось Элейн с большим трудом. Она все время отгоняла их усилием воли и теперь чувствовала себя очень уставшей. Эндрю ее невероятно раздражал. Он выглядел таким самодовольным здесь, в своем шикарном доме, и он так себя вел, точно все произошло не по его вине. Но ведь это он, он был виноват во всем!

— Что ты сделал с Марио? — спросила она с укором.

— Осторожно, Элейн,— предупредил Бен.

Эндрю спокойно объяснил:

— Его застрелил демон на скале. Он думал, что я его прикрываю, а я не стал этого делать.

— По ошибке, что ли? — спросил Бен.

Эндрю покачал головой.

— Нет, нарочно. Он ужасно со мной обошелся, и мне захотелось ему отплатить.

— Ты, крыса! — взорвалась Элейн. — От тебя только такого и жди!

— Возможно, — согласился Эндрю. Голос его был спокоен. Он продолжал говорить с Беном. — Теперь я пытаюсь попасть в игру, чтобы узнать, что с ним. Я проиграл все стадии и достал еще один пистолет. Посмотри.

Он вытащил пистолет из кармана и показал его Бену.

Элейн не нравилось, что на нее не обращают внимания.

— Ну, гений! Уже пора аплодировать или подождать?

— Элли, — Бен почти умолял. — Остынь. Ты этим не поможешь.

Он чувствовал: чье-то присутствие в комнате становится все более ощутимым. Но Элейн не замечала. А может, и замечала, только была настолько сердита, что ей было все равно.

— Ты самый большой задавала из всех, кого я встречала в жизни, — задирала она Эндрю.

Она понимала, что от ее слов может получиться большой вред, но почти радовалась этому. Она надеялась, что ее слова заденут его, дадут урок. Ей хотелось сказать ему что-нибудь действительно ужасное. И тут она вспомнила, что он сказал ей в этой самой комнате. Ужасные, ненавистные слова, которые он швырнул ей в лицо, за которые она хотела его убить. Теперь она с ним рассчитается.

— Я не удивляюсь, что твой отец сбежал, кому захочется жить с таким испорченным, зазнавшимся ублюдком!

Бен заметил несколько вещей, произошедших сразу с баснословной быстротой. Он увидел, как демон материализовался прямо за спиной у Элейн. Он увидел, как она стала как бы перетекать в него. В тот же самый момент он услышал, как Эндрю просто задохнулся от злости и потрясения. Пистолет выстрелил, и воронка, взвизгнув, завертелась. Элейн была втянута в экран. Лицо ее побелело и ис-

казилось яростью. Она открыла рот, чтобы что-нибудь произнести, но тут же исчезла в воронке.

Комната наполнилась черными созданиями. Бен издал приглушенный, полный ужаса крик и стал пятиться к двери.

— Не бойся,— поторопился сказать Эндрю.— Они подчиняются правилам игры. Не теряй присутствия духа. Они сейчас исчезнут.

Демоны исчезли. Бен осторожно повернул голову. Черные существа качались где-то позади Бена. Они все еще были тут, но уже не были настолько реальны, чтобы перейти в его измерение. Он сделал глубокий выдох. Эндрю открыл глаза. Они оба уставились на экран. Несколько минут Элейн была отчетливо видна. Они увидели, как она прикоснулась к поверхности скалы и скрылась в одном из туннелей.

— Ты выстрелил в нее,— прошептал Бен.— Ты снова послал ее в игру.

— Я знаю! — зашипел Эндрю в ответ. — Она взбесила меня. Я пытался ей этого не позволить, но она меня довела. На какой-то миг я не сдержался. — Он положил голову на руки и пристально смотрел на экран.

— Хорошо хоть, что она опять похожа на саму себя, — заметил Эндрю. — Она не превратилась в космического демона, а казалось, что вот-вот превратится.

Звуки «ви-и-и» и «тк-тк-тк-тк» эхом носились по комнате.

— А вот и первый демон, — сказал Эндрю.

Бен уставился на экран.

— Это не демон, — произнес он. — Постой, это же Марио!

Маленькая фигурка была вполне узнаваема. Это был именно Марио, с пистолетом в руках пробирающийся по скале. Некоторое время спустя, к крайнему удивлению мальчиков, такой же Марио стал пересекать скалу горизонтально. «Ви-и-и... тк-тк-тк» — звенел компьютер, и на экране появлялись все новые и новые фигурки, в точности повторяя первую.

Эндрю наклонился вперед и с размаху стукнул головой о край клавиатуры.

— О Господи, Господи, — простонал он. — Теперь я понимаю, что случилось. Когда Марио был застрелен демонами, он сам превратился в демона. Теперь игра использует его как образец для создания демонов, употребляя для этого его же энергию. Какой ужас!

— Но должен же быть какой-то способ, чтобы вытащить его оттуда! — воскликнул Бен.

— Даже если я попаду обратно в игру, единственный способ вернуться, — это уничтожать демонов. И это будет значить, что я должен убивать Марио, снова и снова убивать его! Всё! Эта игра загнала нас в угол. Мы проиграли.

Он шагнул назад и вперед по комнате, стараясь хоть что-то сообразить. Пистолет в руке казался тяжелым, голова раскалывалась, ноги подгибались от слабости. Он подумал с воодушевлением о таблетках, которые лежали под подушкой. Если бы только он мог проглотить их все разом, погрузиться во тьму, а эта кошмарная ситуация, которую он сам же и создал, пусть развязывается, как хочет.

— Я говорил тебе, что это опасно, — упрекал его Бен. — Почему же ты не прекратил, когда я тебя просил? Ты во всем виноват, Эндрю!

— Я знаю, что виноват, и кончай талдычить одно и то же.

Он заставлял себя снова и снова вспоминать все ступени игры, пытаясь найти какие-то слабые места, где он мог бы эту игру перехитрить. Но он все время возвращался к одному и тому же выводу: единственное, что можно было сделать, — это доиграть до конца. И единственный способ доиграть был...

Он поглядел на пистолет, на лице его появилось решительное выражение, он приставил пистолет к животу.

— Ты что делаешь? — спросил Бен.

— Я должен попасть в игру, — спокойно сказал Эндрю. — Думаю, теперь это мне удастся. Надо по-настоящему ненавидеть себя, чтобы попасть туда самому. Раньше это мне не удавалось. Но сейчас я, кажется, узнал самого себя немного лучше.

— А что же делать мне? — спросил Бен тревожно. — Если вы все там останетесь? Что я скажу?

Эндрю повернулся к Бену с одной из его так хорошо известных самоуверенных улыбок:

— Не беспокойся! Мы выберемся. Я должен победить! Так запрограммировано!

Потом его лицо сделалось угрюмым, и он занялся трудным делом — попытками ясно и открыто посмотреть на самого себя.

Игра поймала его в ловушку первым, потому что он был пустым человеком и зазнайкой. Она льстила ему, и он попадался на лесть, считая ее чистой правдой. А потом он использовал сначала Бена, потом Элейн, потом Марио. Заставил помимо их воли, только лишь для того, чтобы самому продвигаться в игре. Он ужасно с ними обошелся и позволял себе говорить им гадости. Каждый из них называл его зазнайкой, самоуверенным, баловнем, и они были правы. Он даже застонал, когда понял с необыкновенной ясностью, как правы они были. И наступил такой момент, когда ему даже думать о себе сделалось противно.

Этого было достаточно. Пистолет выстрелил. Бен, который пристально смотрел на него, заметил, как выражение горечи на его лице сменилось выражением торжества. Звук, издаваемый воронкой, казался громче обычного. Бен закрыл уши ладонями, но глаз от Эндрю отвести не мог. Почти мгновенно, как только Марио-демоны осознали присутствие Эндрю, началась стрельба. Бен наблюдал с ужасом. Эндрю не стрелял в ответ. Маленькая фигурка Эндрю дождалась, пока скала затвердела и образовались туннели. Он рванулся к одному из них. Но прежде чем окончательно скрыться из виду, он обернулся и показал два больших пальца.

Бен подумал: «Типично для Эндрю!»

Ему хотелось бы разделить его уверенность.

ГЛАВА 19

Но это была просто бравада, а вовсе не уверенность. Нырнув в безопасность туннеля, Эндрю совершенно не представлял себе, что ему делать. Правда, он сумел вернуться в игру. Но в общем-то он был тут беспомощен. Он не хотел пользоваться пистолетом, но какой у него был выбор?

«Должен же быть какой-нибудь выход,— думал он.— Игры на то и существуют, чтобы доигрывать их до конца. Они же так спланированы, чтобы можно было выигрывать. Никто не выдумывает игр, которых нельзя было бы выиграть вообще. Я просто обязан понять, как надо действовать дальше».

Он прислушался, не даст ли программа какой-нибудь подсказки. Но она молчала. Он слышал только электронный пульс — «бум-бум-бум» — и угрожающие звуки пронесившихся по поверхности скалы демонов-Марио. Он оглянулся на свет у входа в туннель и двинулся вглубь.

Ему пришлось стиснуть зубы и сжать кулаки, чтобы заставить себя снова окунуться в эту непроницаемую темноту, где он в тот раз в страхе ждал Марио. Все было уже совсем не так, как в первый раз: не интересно, не волнующе, не увлекательно. Не так, как тогда, когда его туда впервые отправила Элейн. Элейн! Он было забыл о ней. Где она? Он вспомнил слова, которые она сказала ему, слова, за которые ему захотелось убить ее. Почему она это сказала? Это неправда, неправда! Папа не ушел из дома. Он просто поехал в Сидней работать... Не так ли? И вдруг... он понял все. Точно кто-то зажег тысячесвечовую лампу. Недосказанные фразы, странные вещи, которые люди говорили ему — и мама, и доктор Фримен, и мистер Рассел, — все вдруг встало на свои места.

Это так. Отец ушел из дома. Родители разошлись.

У него вырвался крик гнева и боли. Как они могли? Каким идиотом он теперь выглядит? Тем, что они пришли к этому, ни слова ему не сказав, не предупредив, они обратили его в ничто, в нуль. Он вдруг почувствовал силу пистолета, который был у него в руке. Он хотел мстить — сам не зная кому.

«К дьяволу все! — кипело внутри. — Я выйду на скалу и смету с нее всех — Марио они или не Марио. Пусть я не выиграю, пусть я вообще погибну, но пусть все погибает вместе со мной!»

«Отлично! — сказал вкрадчивый голос. — Тогда ты выберешься из игры. Когда ты уничтожишь достаточное количество, ты окажешься на вершине скалы. Удачи! — добавил голос, подбадривая: — Одно удовольствие иметь дело с чемпионом!»

«Это опять лезть, — подумал Эндрю. — Я не верю».

Голос программы, который хвалил его и подбадривал, заставил его остановиться и задуматься.

«Я не должен злиться. Чем больше я злюсь, тем скорее совершу какую-нибудь ошибку, тем большую

власть программа возымеет надо мной. И тогда я уже не буду принадлежать себе».

Он сделал несколько медленных и глубоких вздохов, чтобы успокоиться. Что-то поднималось у него в груди и душило. Он был рад темноте, потому что это что-то щипало ему глаза, и они наполнялись влагой. Странные звуки, которые он издавал, напоминали всхлипывание.

Голос проговорил с презрением:

«Ну что, сдаешься? Ты не выиграешь. Тебе меня никогда не победить».

— Нет,— сказал он вслух.— Я не желаю сдаваться. Игра должна быть доиграна, это я как раз и собираюсь сделать.

Он услышал, как эхо его голоса пронеслось по туннелю и растаяло в глубине.

«Конец-то горек!» — произнес какой-то глумливый голос, перекрывая эхо.

Эндрю не считал нужным отвечать. В нем созревала решимость. Он как бы отложил в сторону свою боль и свою печаль, перестал думать об их причине.

«Займусь этим потом»,— сказал он самому себе.

Он продвигался сквозь темноту.

«Мне бы найти Элейн, может, она уже узнала что-то такое, чего не знаю я. И по крайней мере я буду не один».

Элейн сидела в темноте, чувствуя себя полной душой.

«Почему я не послушалась Бена? — вопрошала она саму себя уже в который раз.— Я же знала, что может случиться, и это едва не случилось!»

Она поежилась, вспоминая тот ужасный момент, когда ощутила черноту набросившегося на нее демона. Вспышка ненависти со стороны Эндрю была поч-

ти спасением. Она хотя бы уберегла ее от этой черной силы.

«Я, во всяком случае, надеюсь. Хотя ничего нельзя сказать наверное, тут такая темнотища. А что, если я превратилась в одно из этих чудовищ и даже не догадываюсь об этом?»

Она попробовала посмотреть на свою руку, но рука оставалась невидимой в этой абсолютной черноте.

«А может, я ослепла? — подумала она с ужасом. — Может быть, вообще все пришло к концу и я навсегда останусь в этой темноте?! А может, я уже умерла?»

Потом она подумала:

«Может, так и есть. Ох, в какую же кашу я угодила! Я думала, пойду с Беном, чтобы помочь, а сама только все испортила! Интересно, что они сейчас делают? И придет ли кто-нибудь за мной?»

Элейн сомневалась, что это им удастся. Она не знала точно, как эта игра устроена, но ей казалось, что Эндрю вряд ли сможет в нее попасть. А что до Бена, то он терпеть не может этой игры и уж точно не захочет в нее снова.

«Что со мной случилось? Как это все началось?»

Она стала вспоминать последние две недели, стараясь осмыслить события. Но все так перепуталось, что было трудно во всем разобраться. Она ухватилась за кончик веревочки и попыталась следовать за ним.

«Почему я пришла с Беном?»

Чтобы разобраться с космическими демонами.

Почему они нас преследуют?

Эндрю выпустил их из компьютера.

Как я туда попала?

Эндрю меня заставил.

Как?

Он попросил меня прийти к нему.

Зачем я пошла?

Я хотела помочь Бену.

И еще?

Я хотела напустить одного из них на Линду.

Ага!

А что такого в Линде?

Она избалованная. Гадко со мной обращается. Я ее не люблю.

А, собственно, за что?

У нее есть мама, которая о ней заботится, а у меня — нет».

«Ну вот, кое-что проясняется», — подумала Элейн. И начала с другого конца:

«Почему я так обошлась с Эндрю?

Потому что была зла на него.

А почему?

Потому что он задается...

И еще?

Потому что у него такой хороший дом.

Почему у меня нет такого дома?

Потому что мой папа просто верзила, а моя мама...»

«О черт! Опять я прихожу к тому же самому! Мама, — подумала она в отчаянии, — это ты виновата. Ты сбежала от меня, и я никогда этого не переживу! Я могу просидеть тут весь остаток жизни, но все равно ничего не добьюсь. Все против меня. Я могла бы уже и сдаться!»

Вдруг она услышала голос, похожий на эхо:

«Нет... нельзя сдаваться... игра должна быть доиграна до конца».

Голос звучал приглушенно, но она его узнала.

«Это Эндрю! — подумала она с удивлением. — Он здесь, в игре. Я больше не одна».

Эта мысль очень ее поддержала. Она ощупала свое лицо.

— Нет, я не космический демон, — сказала она себе твердо. — Я — это я, Элейн Дженнифер Тейлор. Может, все еще обойдется.

Она начала потихоньку двигаться в том направлении, откуда доносился голос.

Вскоре они прямо налетели друг на друга. Он вытянул руку, в темноте что-то пушистое и легкое мазнуло его по руке. Он не видел, но мог себе представить ее рыжие волосы.

Элейн взвизгнула и замахала руками.

— Ой!

— Это ты, Эндрю?

— Это мой глаз. Эй, я пришел тебя спасать...

— И чего ты пришел? — вырвалось у нее. — Может, это мне придется тебя спасать.

Она тут же пожалела о сказанном.

«Не годится, — подумала она. — Я должна поладить с Эндрю. Если б только он так ужасно не раздражал меня!»

— Не сердись и не спорь, — предостерег Эндрю. — Здесь это опасно.

— Ну так давай выберемся отсюда, — сказала Элейн. — Что нужно? Перестрелять всех демонов? Дай мне пистолет.

— Все не так просто,— растолковывал Эндрю.— Демоны уже теперь не демоны. Они теперь — Марио, и я не знаю, поднимется ли у меня рука стрелять.

— Так что же нам делать?

Эндрю пожал плечами. Элейн не видела этого в темноте, но почувствовала, потому что держала его за руку. Она даже не поняла, как она на это решилась. Она отдернула руку.

— Все в порядке,— попытался успокоить он.— Держись за руку. Может, тебе будет не так страшно.

— Мне не страшно! — возразила она колоче.— И я не буду держать тебя за руку.

Эндрю не хотел ее сердить. Она должна была сохранять спокойствие, так, чтобы они могли сотрудничать. Поэтому он сказал мягко:

— Прости меня.

— Что?

— Я сказал: прости меня. Прости, что я загнал тебя в игру. Прости, что я взбесился на тебя. Прости за то, что наговорил тебе.

Он был благодарен темноте. В темноте было легче все это произнести.

Элейн просто онемела.

— Почему ты все это говоришь?

— Потому что если мы будем по-прежнему беситься от злости, мы отсюда никогда не выберемся. Поэтому давай думать вместе.

Он нащупал в темноте ее руку и слегка пожал ее.

— Поняла?

Она нахмурилась, не очень-то убежденная его словами.

— Ты правда сожалеешь или просто говоришь так, потому что хочешь выбраться отсюда?

Но руки не отняла.

— Честно, сожалею.

Его слова звучали искренне. Но его слова всегда звучали искренне.

— Давай держаться за руки, — предложил Эндрю, когда они стали продвигаться по туннелю. — Я не хочу, чтобы ты исчезла. Давай исследуем туннели. Нам нельзя вылезать на скалу, это слишком рискованно.

Он знал, как смоделированы атаки, а Элейн не знала. Он уже многократно играл с Марио, а она была в игре всего однажды. Она не смогла бы увернуться от демонов на поверхности скалы.

Чувство страха и отчаяния овладевало временами Эндрю. Он понимал, что это программа старается отнять у него решимость и заставить сдаться. Ему было очень трудно сопротивляться.

— Элейн, говори что-нибудь, — попросил он. — Так будет легче.

Элейн сказала то, что отягощало ее душу:

— И ты меня прости. Мне жаль, что я наговорила про твоего папу.

— Но это правда. Они разошлись.

Он сам удивился, как спокойно это произнес.

— А как ты узнала?

Элейн смутилась.

— Мне сказали в школе.

Им овладело чувство жгучего стыда.

— Ты хочешь сказать, что все уже знают?

— Нет. Только учителя. Ну, вообще-то миссис Филдс сказала мне. Она зря это сделала.

И поскольку он молчал, она продолжала:

— Мне жаль, что я тебе сказала. И мне жаль, что так у тебя получилось. Тебе, наверно, тяжело.

— Да ладно, — ответил Эндрю беззаботно, — такова жизнь. Со многими это случается. И что тут можно поделать?

— Тебе разве все равно? — удивилась она.

— Конечно нет. Меня это просто приводит в ярость. Но я не позволю испортить себе жизнь. Вообще-то я думал, что я из-за этого просто рехнусь. Но я этого не допущу.

— Как же ты это сделаешь?

— Ну, для начала я не буду себя ни в чем обвинять. Это не моя вина, ко мне это не имеет отношения. Они сами так решили, пусть сами и разбираются.

— У меня вчера вышел с папой скандал,— поделилась Элейн.— Он не очень-то любит говорить про маму, но вчера он много чего сказал. В том числе, что она меня никогда не любила.— Элейн тоже подвилась своему спокойствию.

— Ну, это она зря,— заявил Эндрю.— Матери должны заботиться о своих детях. Ты-то уж тут ни в чем не виновата. Это ее проблемы. И я ни в чем не виноват. И оттого, что наши родители не могут поладить друг с другом, нечего сходить с ума. И незачем нам превращаться в уцененный товар. Мы будем в порядке. Мы выживем.

— Если мы когда-нибудь выберемся отсюда,— напомнила Элейн.

— Никогда,— произнес некий голос с издевкой.

Элейн крепче сжала руку Эндрю.

— Боже, что это?

— Не обращай внимания,— успокоил ее Эндрю.— Это в программе игры. Она пытается заставить нас сдаться. Она не хочет, чтобы мы играли дальше. Она знает, что мы победим. Она знает, что проиграет.

— Вы уже проиграли,— раздался спокойный голос.— Вы уже никоим образом не сможете победить.

— Это правда? — спросила Элейн в тревоге.

— Нет, она врет,— сказал Эндрю с уверенностью в голосе, далекой от истинных мыслей.— Не слушай!

— А если мы сдадимся, что с нами будет?

— Мы не будем сдаваться! — твердо отвечал Эндрю.— Мы доиграем до конца.

— Если вы признаете свое поражение, то спокойно вернетесь к себе,— заверил их голос программы.

— Хорошее известие,— сказала Элейн.— Почему бы нам не признать, а, Эндрю?

— Ты не должна верить ни одному слову,— твердил он упрямо.— А потом, как же с Марио? Его-то ведь, наверно, не вернут?

— Мы сожалеем,— сказал голос холодно.— Нам нужна энергия. Он не может быть возвращен.

Эндрю поймал себя на том, что подумал:

«А кто будет о нем жалеть? Спишут его, как еще одного парня, удравшего из дому».

Элейн думала почти так же.

«Мы могли бы легко выбраться из этой каши. Нам надо только признать свое поражение. Марио в конце концов такая крыса! Мы бы только оказали услугу его родным. Никто бы и не расстроился».

Но одна упорная мысль все пробивалась и пробивалась на поверхность сознания: «Джон расстроился бы». Она постаралась эту мысль подавить. Голос программы настаивал:

— Сдавайтесь!

Искушение становилось все более и более сильным.

«Если бы я не так устал...— размышлял Эндрю.— Если бы только не было так темно... если бы только... Право, у меня нет сил дальше бороться. И к тому же надо подумать об Элейн...»

Но глубоко внутри его существа что-то сопротивлялось и не позволяло сдаться.

— Сдавайтесь,— повторил голос.

— Заткнись! — кинул ему Эндрю.— Пошли, Элейн.

Они двигались в темноте. Элейн стало легче на душе.

— Я думала, ты сдашься,— сказала она.— Я чуть было не сдалась сама. Я как-то вдруг забыла, что Марио — живой человек. Я решила, что он один из этих, которых мы столько в тот раз постреляли. Стереть с пленки — и нет его. Но я вдруг поняла. Ведь

он живой! У него есть семья. Они там все тревожатся о нем. Джон с ума сходит.

— Я и сам не знаю, как это я удержался и не признал себя побежденным,— поделился с ней Эндрю.— Я думал обо всем этом тоже. Это игра так влияет на человека. Она заставляет думать, что люди не имеют значения — они нужны просто как составная часть игры. Я не от благородства не сдался,— признался он честно.— Для меня просто невыносимо проигрывать. Но как только сказал, что не сдамся, я тут же вспомнил о Марио и понял, что он мне небезразличен. Знаешь, мне действительно в нем многое нравится.

Элейн поглядела в том направлении, откуда шел голос Эндрю. С удивлением она поняла, что черты его лица стали различимы.

— Гляди! — воскликнула она.— Становится светлее!

— Осторожнее,— сказал Эндрю,— мы приближаемся к поверхности скалы.

Туннель повернул и повел их к кружку ослепительного света. Свет устремлялся в туннель, освещая рыжую голову Элейн и белокурую — Эндрю. За кружком света слышались — «тк-тк-тк-тк» — пистолетные выстрелы. Затем силуэт скользнул мимо входа в туннель. Они ясно рассмотрели черные волосы торчком, бледное, искаженное мукой лицо.

— Ой, какой кошмар! — воскликнула Элейн.

И Эндрю не мог не согласиться. Действительно, ничего не может быть кошмарнее, чем оказаться залученным в эту злую игру и невольно служить ее цели — устрашать и разрушать. Но прежде чем Эндрю успел что-нибудь сказать или сделать, черная фигура повернулась к ним лицом. К их совершеннейшему ужасу, из пистолета по направлению к ним брызнули красные и оранжевые лучи выстрелов. Руки их расцепились, и они отпрянули к противоположным стенкам туннеля. Несколько выстрелов просвистело между ними. Потом черная фигура исчезла. Но все

THE NEW YORK TIMES, SATURDAY, JANUARY 10, 1903
P. 1

THE NEW YORK TIMES, SATURDAY, JANUARY 10, 1903
P. 1

еще слышались звуки выстрелов. Затем и они замерли вдаль. Но тут же послышались новые выстрелы, становясь все громче, все ближе...

— Что происходит? — воскликнула Элейн. — Что же, мы теперь и в туннеле не защищены?

— Марио может передвигаться в трех измерениях, как и мы, — догадался Эндрю. — Ему не обязательно сохранять двухмерность космических демонов. И теперь, когда игра питается его энергией, она может посылать демонов, которые получают из Марио, в глубь туннелей. Теперь нам негде от них спрятаться. — Он поднял пистолет. — Мне придется стрелять. Я не вижу никакого другого выхода. Я вовсе не хочу принести вред Марио, но не могу же я стоять тут мишенью и дать ему застрелить меня!

Элейн посмотрела в темноту туннеля. То, что она там увидела, заставило ее крепко схватить Эндрю за руку.

— Смотри! — сказала она, затаив дыхание. — Смотри, смотри, смотри!

Эндрю быстро обернулся, но все, что он мог увидеть, — это слабое дрожание в темноте, точно кто-то быстро стер что-то ластиком.

— Ты не успел, — сказала Элейн. — Но мне удалось прочесть. Я и в прошлый раз видела. Там были написаны слова: «Чтобы закончить игру, положи пистолет сюда». Вот оно! Это наш выход. Мы можем прекратить игру, вернув пистолет!

Снаружи звук выстрелов становился отчетливее.

Эндрю сжал пистолет.

— Я не отдам его. Без него нам не выбраться. И, может, это опять ловушка. Я не верю ни одному слову этой программы.

Элейн хотела выхватить пистолет у него из рук, но вместо этого дубликат оказался у нее в руке. Она поглядела на него в отчаянии. Эндрю мрачно улыбнулся.

— Вот и хорошо. Наши шансы возрастают. Теперь мы оба вооружены.

— Не надо, не надо! — воскликнула Элейн. — Это неправильно. Я знаю, что неправильно. Эта игра как раз на это и рассчитывает. Если мы уничтожим Марио, она уничтожит нас. Пока пистолеты у нас в руках, мы не удержимся, чтобы их не пустить в ход! Мне он не нужен! Я положу его на место.

Она отошла от Эндрю, положила пистолет, куда было велено.

— Скорей! — сказала она. — Клади же! Скорей!

Возле входа в туннель появилась черная фигура. Эндрю инстинктивно прицелился.

— Не стреляй, Эндрю! — взвизгнула Элейн. — Клади пистолет! Сейчас же!

Темная фигура выстрелила. Эндрю увернулся от выстрела и оказался рядом с Элейн. Либо он должен был ей довериться, либо стрелять в Марио. Он принял решение в долю секунды. Он положил пистолет. И тьма его тут же поглотила.

Ничего не случилось. Демон-Марио проплыл вдоль входа. Но шум продолжался. Ничего не изменилось.

Эндрю решил, что совершил ошибку. Игра поймала его в ловушку.

«Ну что ж, — подумал он спокойно, — пусть будет так».

— Это я виновата, — сказала Элейн.

— Ну, ничего, — улыбнулся Эндрю. Он чувствовал прилив бодрости. В голове почти не пульсировало. Он засмеялся. На него нашло какое-то беззаботное, легкое чувство. Худшее уже случилось. Нечего было бояться и не о чем беспокоиться.

«Ты победила, — мысленно обратился он к программе. Потом подумал: — Интересно, а почему она молчит? Я думал, что она заявит: «Я же говорила» или что-нибудь в этом роде. Наверно, она это скажет, когда начнет превращать нас в демонов. — По-

том подумал еще: — Ничего у нее не получится. В данную минуту ничего демонического я в себе не ощущаю».

— Пойдем, — сказал он Элейн. — Пойдем поглядим на них. Давай выйдем на свет.

Она взяла Эндрю за руку. С тех пор как она избавилась от пистолета, у нее было такое ощущение, что она избавилась от чего-то еще, что лежало на ней тяжестью долгое время. А тут она почувствовала себя свободной.

На скале появилась еще одна черная фигурка с пистолетом в руке и с искаженным ненавистью лицом.

«Бедный Марио», — подумал Эндрю и неожиданно для самого себя крикнул:

— Марс, ты ни в чем не виноват! Это все моя вина. Прости меня.

Пистолет не выстрелил. Свет вокруг черной фигурки становился все интенсивнее, как при затмении солнца, когда оно выходит из-за тени луны. Сама фигурка делалась все менее и менее плотной. Она становилась прозрачной. Теперь свет был виден прямо сквозь нее. Пока они удивленно на нее смотрели, она исчезла совсем. Эндрю скользнул ко входу в туннель. Множество маленьких Марио двигалось по поверхности скалы.

Он высунулся из туннеля и крикнул, обращаясь к той фигурке, которая была к нему ближе всего:

— Марс! Ты молодец! Ты настоящий победитель демонов!

И эта фигурка тоже растворилась в светлом пятне. Эндрю рассмеялся счастливым смехом.

— Что это? — спросила Элейн. — Как это получается? Эндрю наклонился к ней.

— Ты знаешь, какой Марио отличный парень? — сказал он. — Все к нему очень хорошо относятся.

— А? — сказала она, ничего не понимая.

— Ты знаешь, он такой отважный и хладнокровный, и... и... Ну, помоги же мне!

— Он умеет за себя постоять и никому не позволяет помыкать собой,— подхватила Элейн.

— Ну да, ну да, так и есть! Давай, давай еще, нам надо много!

— О чем ты говоришь, Эндрю?

Ей показалось, что он сошел с ума.

— О чем я говорю? Мы справимся, вот о чем я говорю! Все хорошее, что мы вспомним про Марио, губительно для этих маленьких демонов. Мы с тобой открыли универсальный уничтожитель демонов. Ты права. Программа на этот раз не врала. Мы победили, Элейн, мы победили!

ГЛАВА 20

Бен перевел взгляд с экрана компьютера на окно. Темнело. Ему уже давно было пора домой, но как уйдешь, не выяснив, что же стало с Эндрю и Элейн. Их не было на экране; единственное, что представало его взору, это бесчисленные маленькие копии Марио Ферроне, которые все время пересекали скалу, ведя из миниатюрных пистолетов непрерывный огонь.

«Они никогда не выберутся из туннелей,— думал Бен.— Они ничего не могут предпринять».

Он глядел с тоской на экран, так и не решив, что будет хуже — стать свидетелем битвы между Эндрю и Марио-демонами, или пусть уж лучше ничего не происходит. Эту вторую возможность он просто гнал от себя, потому что не мог себе представить, что ему говорить, если кто-нибудь его спросит. Среди его бесчисленных опасений самое большое было то, как бы мать Эндрю не зашла в комнату. Она обычно как раз в это время приходила, чтобы напомнить ему,

что пора идти домой. И что, скажите на милость, он тогда будет делать?

«Я бы мог и в самом деле уйти домой,— думал он.— Если бы я сейчас ушел, я бы крикнул ей «до свидания», и она подумала бы, что Элейн тоже идет со мной, и тогда бы она не знала, что Эндрю наверху нет».

Но что-то не отпускало его.

К тому же в комнате были космические демоны. Они болтались у него где-то за спиной. Они явно выжидали. Что будет с ним, с Беном, если Эндрю проиграет? Его тоже, что ли, утащат в компьютер? И они все четверо навсегда исчезнут?

«Ох, Эндрю, и зачем ты втянул нас в эту историю?» — подумал он сердито.

Демоны увеличились в размерах, стали агрессивнее. Да, именно — вот что происходит: они питаются злостью, и крепнут, и заставляют тебя ненавидеть еще больше. Он попытался сосредоточиться. Так. Надо отказаться от злости, только так он может помочь тем, в компьютере. Бен стал понемногу успокаиваться.

Но сердце его снова забилося и дыхание прервалось — кто-то поднимался по лестнице! Он оглядел комнату в поисках укрытия, но было уже поздно. Дверь уже открывалась. Когда мать Эндрю вошла в комнату, он рухнул на стул перед компьютером и притворился, что захвачен игрой.

Марджори остановилась на пороге, пораженная тем, что застала тут только одного Бена.

— Здравствуйте, миссис Хейфорд,— сказал он, не оборачиваясь, пристально глядя на экран.

— Что, Эндрю ушел и оставил тебя одного? — спросила она.

— Ага,— сказал он.

— Да? — удивилась она. Возникла пауза.— Куда же он пошел?

— Он — это... они с Элейн ушли куда-то.

Марджори нахмурилась.

— Странно. Я не слышала, как они спустились. Ты уверен, что они ушли из дома?

Бен не ответил, потому что не мог придумать, что сказать. Марджори вздохнула.

— Ну вы, мальчишки, все одинаковые! Как воткнетесь в компьютер, так с вами говорить, все равно что с кирпичной стеной.

Она быстро направилась к компьютеру и уже протянула руку к клавише «выкл.».

Бен только что не лег на клавиатуру.

— Пожалуйста, пожалуйста, не выключайте! Я... я скоро закончу, но это очень... очень важная игра.

— Хорошо, заканчивай игру и собирайся домой. Уже седьмой час, Бен. Дома тебя ждут к ужину.— Марджори пощелкала языком с некоторым раздражением.

Она подошла к окну, чтобы опустить шторы.

— Ты точно знаешь, что они не полезли на крышу?

— Угу,— сказал Бен, покивав головой и стараясь не смотреть на нее. Он не представлял себе, чем может закончиться этот разговор, и как ему выбраться из этой комнаты, и удастся ли ему выбраться вообще. Ведь если он уйдет, скорее всего, мама Эндрю тут же выключит компьютер. Обязательно выключит. У взрослых вообще мания все выключать — свет, радио, телевизор. Страшно подумать, что тогда с ними со всеми случится. Он не должен этого допустить. Он должен оставаться здесь и стеречь, пока Эндрю, Марио и Элейн не окажутся в комнате.

Из-за его спины Марджори спросила:

— Что за игра у тебя?

— Называется «Космические демоны»,— ответил Бен.— Очень увлекательная,— добавил и подумал: «Слабо сказано!»

— Отец Эндрю привез ее из Японии. Он сказал, она довольно необычная.

— Совсем необычная, — согласился Бен.

На короткое время воцарилось молчание. Бен ждал, чтобы она ушла и оставила его одного. Ему становилось все более и более неудобно. Он уставился на экран, и то, что он там увидел, заставило его окаменеть от тревоги. Он слышал выстрелы, которые производили фигурки Марио, но отблеск выстрелов не был виден на экране. Он мгновенно понял почему. Фигурки стреляли внутрь туннеля! Туда, где прятались Элейн и Эндрю. Значит, они и там не были защищены. Опасность подстерегала их везде!

Он ничего не мог поделать. Клавиатура не откликалась на команды игрока, находящегося снаружи. Он мог только беспомощно наблюдать и ждать. Это было ужасно. У него вырвался невольный стон.

— Что? — спросила Марджори. — Тебя «убили» в игре?

— Нет, нет, — сказал Бен, думая, что лучше бы уж так. — Просто игра становится сложной, вот и все.

— Эндрю без конца в нее играет, — сказала Марджори. — Игра ему очень нравится. — Она помолчала, потом продолжила: — Бен, как ты думаешь, с Эндрю все в порядке?

— С кем? С Эндрю? Конечно, все в порядке, — рассеянно отозвался Бен.

Она стояла близко от него, и его охватывал ужас от того, что она пристально глядит на экран. Она может узнать Марио, ведь она знает, как он выглядит.

— Мы с мужем решили жить врозь, — говорила Марджори. — Боюсь, Эндрю тяжело это переживает.

Бен слышал ее слова, но был совершенно не в состоянии ей ответить. Именно в этот момент он осознал, что Марио-демоны в правом нижнем углу экрана исчезают как раз перед входом в туннель. Их точно втягивает в себя пятно яркого света. Он смотрел не отрываясь и вдруг увидел, как из туннеля появился Эндрю. Марджори, конечно, его узнает, хоть он был крошечным на экране! И в этот момент Эндрю ныр-

нул обратно в туннель, а фигурку Марио снова поглотило светлое пятно.

— Что происходит? — воскликнул он, и тут же понял, что это не совсем подходящий ответ на то, что Марджори ему только что сказала. Одна его половина была полна сочувствия и обиды за Эндрю, но другую всю трясло от возбуждения по поводу новых и неожиданных событий на экране.

— Это печально, — сказал он, но слова прозвучали бодро, как будто ему было просто наплевать.

Марджори холодно посмотрела на него.

— Сколько ты еще пробудешь здесь?

«Она, вероятно, думает: «Вот еще один пример, как современная техника отупляет детей», — решил Бен.

Он пытался придумать, что бы сказать такое уместное, когда сквозь шум игры донесся посторонний звук. Кто-то настойчиво звонил в дверь.

— Это, наверно, Эндрю, — сказала Марджори с облегчением и вышла из комнаты.

Бен тоже вздохнул с облегчением. Он повернул голову и вдруг заметил, что черные тени за спиной превратились всего лишь в тонюсенькие трещины.

— Скоро вы появитесь, — сказал он, обращаясь к экрану. — Игра подходит к концу. Я не знаю, что Эндрю сделал, но что-то он все-таки сумел. Он побеждает!

На экране еще одну фигурку поглотил свет.

ГЛАВА 21

Демоны исчезли, и шум начал стихать. Потом все вообще смолкло.

В полусвете входа в туннель Эндрю и Элейн взглянули друг на друга.

— С ними все! — сказал Эндрю. Он рассмеялся счастливым смехом.

— Тогда чего же мы все еще здесь? — спросила Элейн. — Разве мы не должны были уже оказаться на вершине скалы?

Несколько смущенные, они выглянули из туннеля. Фигура демона двигалась по поверхности скалы. В руке у него был пистолет. Пистолет не стрелял.

— Остался еще один, — сказал Эндрю. — Эй, Марс, ты действительно великий боец!

Выстрела не последовало. Демон не исчезал. Он просто двигался по направлению к ним. Все ближе и ближе.

Элейн сказала громко:

— Марио, я тобой восхищаюсь! И прическа твоя — прелесть, честно, Марио!

— Спасибо,— ответил он с издевкой.— Из вас составилась неплохой клуб болельщиков. А теперь, черт подери, расскажите мне, что происходит!

Эндрю протянул руку и дотронулся до него. Марио был плотным на ощупь, трехмерным, вполне реальным.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

— Какой тут порядок! Меня растащили на кусочки, а теперь опять соединили. Я чувствую себя совсем паршиво!

Он угрожающе поднял пистолет.

— И мне сдается, что этим я обязан тебе, насекомое! Ты меня подставил тогда, ты сделал это нарочно! Ты дал меня застрелить. Теперь сам узнаешь, что это такое. Теперь твой черед.

— Стой! — сказал Эндрю торопливо.— Я виноват, да.

Он не чувствовал никакой ненависти, никакого гнева.

— Я прошу у тебя прощения. Можешь со мной рассчитаться, если хочешь. Только давай сначала выберемся отсюда. Мы почти уже победили программу. Мы можем выиграть. Но если ты в меня выстрелишь — все, мы проиграли.

Элейн сказала спокойно:

— Ты должен положить пистолет на место, Марио. Марио сжал пистолет еще крепче.

— Ничего подобного. Не положу,— сказал он,— он мне нравится. Он придает мне силы. Наконец-то я почувствовал себя человеком, раз в жизни.

— И почувствуешь еще не раз! — сказал голос программы.

«Ничего, кроме тупика, тут почувствовать нельзя»,— подумал Эндрю.

Настроение у него падало. Он никак не мог поверить, что у них вырвут из рук победу, когда они при-

близились к ней. Он лихорадочно соображал, что же делать. Он мог выхватить дубликат из рук Марио, выстрелить первым, тогда Марио считался бы последним демоном, и они с Элейн выбрались бы из игры. Но ведь был и риск, что первым выстрелит Марио, и потом так бы не было полной победы: Марио остался бы в игре.

Он сказал:

— Мы можем продолжать ненавидеть друг друга и навсегда застрять здесь. Или нам надо объединиться, победить и выйти отсюда. Все, что я тебе говорил про тебя,— правда, я так на самом деле думаю. Если бы не думал, то оно не сработало бы. Мне многое в тебе нравится. И уж точно я не встречал никого, кто бы так хорошо умел играть в компьютерные игры.

Пистолет в руке чуть дрогнул. Марио спросил чуть менее воинственно:

— Правда, что ли?

Элейн подумала: «Он как дикий зверь. Надо не спугнуть его. Его надо убеждать очень-очень постепенно».

Она протянула руку, провела ладонью по гребешку черных волос. Они были густые и мягкие, как шерсть какого-то зверька.

— Симпатично,— произнесла она.— Ты где стригся? Я хочу пойти остричь косу.

— Я тебя отведу,— поддался Марио,— если мы выберемся отсюда.

Эндрю почувствовал, что напряжение потихоньку спадает.

— Спасибо,— сказала Элейн. Решившись, она взяла Марио за руку. Он резко ее отдернул.

— Не могу,— признал он,— не могу перестать вас ненавидеть и не могу отдать пистолет. Без него оставаться опасно. С ним я имею возможность защититься.

— Возможность! — воскликнула Элейн.— Какую возможность? Засесть тут в темноте навсегда и кормить собой эту проклятую игру? Брось, Марс. Иначе ты тут останешься на веки веков.

— Именно этого программа и хочет от тебя,— подхватил Эндрю.— Ты же хочешь победить, правда? Но чтобы выиграть, есть только один путь — положить пистолет на место. Если ты будешь за него держаться, ты проиграл. Проиграл, понимаешь?

Марио ничего не ответил. Он смотрел то на Эндрю, то на Элейн. Она опять взяла его за руку, и на этот раз он не сопротивлялся. Он позволил ей повести его за руку в туннель. Эндрю шел следом.

Было темно и абсолютно тихо. Все теперь зависело от Марио. Он должен был решать, и никто другой за него решить не мог. Он должен был вернуть пистолет или всем троим предстояло признать свое поражение и, кто знает, может быть, остаться в этой темноте навсегда.

Они подошли к тому самому месту. Перед ними появились слова: **«ЧТОБЫ ЗАКОНЧИТЬ ИГРУ, ПОЛОЖИТЕ ПИСТОЛЕТ СЮДА. ЧТОБЫ ЗАКОНЧИТЬ ИГРУ, ПОЛОЖИТЕ ПИСТОЛЕТ СЮДА».**

— Как я узнаю, что это не вранье? — спросил Марио.

— Тебе придется нам поверить,— спокойно заметила Элейн.— Мы тебя не обманываем. И ты нам нравишься. Ты мог бы уже и понять это.

— Ага,— не поверил Марио.— И каждый раз, когда вы говорили, почему-то мне было так больно, точно меня сваривали электросваркой из кусочков.

— Знаю,— сказал Эндрю. Он вспомнил чувство боли, когда он принял решение отказаться от ненависти.— С нами было то же самое, не совсем так, но похоже. Это трудно. Но только это и срабатывает.

— Поторопись,— попросила Элейн,— положи пистолет, тогда все быстро кончится.

Марио засмеялся.

— А ты молодец! — похвалил он. — Ты с мозгами. Ты мне нравишься!

В темноте было легче говорить такие вещи. Эндрю обнаружил это чуть раньше, и теперь он понимал, что чувствует Марио.

— Ты тоже неплохой, — поддержала Элейн, — в общем, ты вовсе не такой скверный, как ты думаешь. — И про себя добавила: «Вот как это получается. То, что мы о себе думаем, делает нас такими, как мы думаем. Очень трудно начинать думать по-другому».

Марио дернулся. Он принял решение. Он вытянул руку и разжал пальцы. Пистолет канул в темноту. Марио издал вопль, как будто его живьем распиливали пополам. Элейн вцепилась в него, и его дрожь отдалась у нее в спине. Эндрю сжал его руку с другой стороны. Крик Марио наполнил темноту, которая еще более сгустилась. Звук напоминал визг воронки. И все тут же начало вращаться. Ребята потеряли ощущение времени и пространства в этом страшном кружении. Игра раскручивалась до основания. Темнота уплотнялась и разрасталась, пока ничего на свете не осталось, кроме этой плотной черноты. Звездное небо то возникало, то исчезало, пока наконец не наступили абсолютная чернота и бесконечное падение.

...И один за другим, все еще держась друг за друга, они вывалились через экран, сбив Бена со стула, и упали на толстый белый ковер в комнате Эндрю.

ГЛАВА 22

Экран опустел. Неожиданно на нем появились слова: «ПОЗДРАВЛЯЕМ! ВЫ УСПЕШНО ЗАВЕРШИЛИ СУПЕРИГРУ «КОСМИЧЕСКИЕ ДЕМОНЫ». ПРОГРАММА АВТОМАТИЧЕСКИ СТИРАЕТСЯ, КОГДА ПОБЕЖДЕНА. ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ СЛЕДУЮЩУЮ ИГРУ ЭТОЙ СЕРИИ, ВЕРНИТЕ ПУСТУЮ КАСSETУ ОТ «КОСМИЧЕСКИХ ДЕМОНОВ» ПО АДРЕСУ: ИТО, П/Я 4321, ОСАКА, ЯПОНИЯ».

Все еще сидя на полу, ребята вытаращились на это послание.

Экран мигнул, текст исчез, затем возник вновь.

— Скорей, — крикнул Марио, вскакивая на ноги.

Эндрю уже подполз к своей школьной сумке и достал карандаш и бумагу. Он записывал адрес.

— Ты обалдел, что ли? — спросил его Бен. — Ты что, собираешься это посылать?

— А как же! — сказал Марио, поблескивая глазами.

— Может, и не пошло,— вслух рассуждал Эндрю.— Запишу на всякий случай.

Буквы постепенно исчезали. Ничего не осталось от «Космических демонов», кроме чистой пленки и пустой коробки.

— Ты совсем чокнутый,— крикнул Бен.— А что, если бы все получилось иначе? Если бы ты проиграл?

— А все так было запрограммировано,— ответил Эндрю беззаботно.— Не было настоящей опасности.

— Я не знаю,— заметила Элейн,— нам пришлось кое на что решаться самим. Например, отказаться от пистолета.

— Ты только думаешь, что сама решила, но твой выбор был также заложен в программу.

Элейн открыла рот, чтобы возразить, но никак не могла подобрать подходящих слов. Она пыталась сосредоточиться на нужной мысли, но та прыгала и не давалась. Ускользала. Они были вынуждены сделать выбор, который тогда казался болезненным и трудным. Разве у них в конце концов не было выбора? А что, если бы они решили поступить совсем иначе? Разве то, что произошло, должно было произойти и не могло быть по-другому? Ей не верилось.

Ей хотелось это обсудить, но она не находила слов. И никто не находил. Они молча озирались, стараясь не глядеть друг на друга. Внутри игры им пришлось так глубоко заглянуть друг в друга, что они теперь растерялись и не понимали, как приспособить свое новое знание к обычной жизни. Элейн ощутила какую-то влагу на своей руке. И она испугалась, что это слезы Марио.

«Если кто-нибудь что-нибудь сейчас не скажет,— подумала она,— тогда мы уже больше никогда друг с другом не заговорим».

В этот момент они слышали шаги, и дверь распахнулась. Мама Эндрю оглядела всех с удивлением и неудовольствием. Молчание стало еще более не-

ловким, каждый старался придумать, что бы такое сказать естественное и обычное. Наконец Бен произнес с идиотской улыбкой:

— Эндрю вернулся. А я закончил игру.

— Вижу, что Эндрю вернулся,— сказала Марджори сухо.— Может, он еще и объяснит мне, где он был?

Эндрю смотрел на свою мать, как будто видел ее в первый раз. Он заметил, какое у нее бледное и усталое лицо и как она похудела.

«Бедная мама,— подумал он,— как она плохо выглядит».

Он почувствовал острую жалость к ней. Что-то произошло с ним за последние несколько часов, он уже больше не был ребенком. Он с некоторой грустью подумал о «Космических демонах». Жаль, конечно, что все кончилось. Это было ужасно, но все-таки интересно.

«И я победил!— сказал он самому себе.— И теперь, что бы ни случилось, я должен побеждать! Забавно, я не знал, что происходит с мамой и папой, а они не знали, что происходит со мной. И никогда не узнают».

Он улыбнулся матери одной из своих очаровательных и вселяющих бодрость улыбок.

— Знаешь, как было интересно, мам!

— Там внизу мальчик, который уверяет, что он твой брат,— сказала Марджори, подозрительно глядя на Марио.— Не пойму, как он проведаль, что ты здесь, когда я и сама об этом не знала. Но он говорит, у тебя будут большие неприятности с родителями, если ты сейчас же не пойдешь домой.

— Тогда я пойду,— согласился Марио послушно.— Пока, Эндрю! Скажи мне, если появится новая игра.

— Обязательно! — пообещал Эндрю.— Пока, Марс!

— До свидания,— сказал Марио, вежливо обращаясь к Марджори.— Спасибо, что позволили мне прийти к вам.

Когда он сбежал вниз по лестнице, то увидел, как осветилось лицо его братишки. Он крепко на секунду его обнял, на такую краткую секунду, что Джон этого почти не заметил. Потом дал ему щелчка для равновесия.

— Пошли,— позвал он,— что мы тут с тобой толчемся?

И они вместе вышли из дома.

— Мне тоже надо идти,— сказала Элейн, хотя она просто не представляла себе, как она доберется до дому. Она чувствовала себя ужасно слабой, хотя и наступило облегчение, а вид вежливого Марио очень порадовал ее. Она сдерживала хихиканье, но хихиканье было какое-то странное и грозило обернуться чем-то совсем другим.

— Эндрю! — сказала она и остановилась. После всего, что они вместе пережили, ей хотелось его обнять, но она думала, что это вряд ли поймет его мама.

— Да? — откликнулся Эндрю.

— Так, ничего. Увидимся в школе.

Эндрю улыбнулся ей, не той неотразимой улыбкой, но очень хорошей, и когда они с Беном стали спускаться по лестнице, он пошел их проводить.

— О'кей,— сказал он.— Спасибо, Элли.

— За что спасибо? Все же было заложено в программу,— поддразнила она.

— Ну тогда спасибо, что ты была частью программы.

Внизу Элейн осенило:

— У меня гениальная идея! Ты знаешь о представлении, которое велел поставить мистер Рассел? Как насчет того, чтобы разыграть «Единственное в мире живое представление «Космических демонов» с участием мировых звезд»?

— Как будто это все происходит на экране? — ото-звался Бен.

— Точно! — энтузиазм уже овладевал Элейн. — Мы могли бы показать некоторые гимнастические упражнения и танцы и попытаться, чтобы это выглядело как электронная игра, но представленная живыми людьми.

— А что, звучит! — поддержал Бен.

— Ты будешь участвовать, Энди?

— Без меня вы не обойдетесь, — заметил он, — из всех мировых звезд я — самый звездный.

— Ты не звезда, а злодей, — сказала Элейн. — Все из-за тебя и получилось.

— Ну, если я злодей, кто же тогда герой?

— Мы все герои, — сказала она. — Мы победили все вместе.

— И даже Марио? — спросил Бен.

— Марио-то как раз герой больше всех, потому что ему было всего труднее.

Они молча постояли перед открытой дверью. На улице было свежо, но не холодно, пахло весной и близким цветением.

— Ну, ступайте, — Эндрю был рад, что все они теперь друзья, но настало самое время расстаться.

— Пока, — сказал он. — Мне предстоит серьезный разговор с мамой.

Эндрю услышал, как она спускается вниз. Он захлопнул входную дверь и обернулся:

— Мам, я знаю насчет папы. Он что, не вернется домой, да?

Когда они вышли на улицу, Бен спросил у Элейн:

— Они в самом деле ушли?

— Да нет, они недалеко, если мы поспешим, мы их догоним.

— Да не братья Ферроне, а эти, черные.

Он все проверял действительность, чтобы убедиться, что она теперь, как была раньше, — вернулась к норме.

— Да, черные исчезли.— Она помотала головой из стороны в сторону. Ничего не было, чего не должно было быть. Когда она еще раз мотнула головой, она в конце улицы увидела того, кого там тоже не должно было быть. Но это ее вовсе не напугало. Наоборот, она очень обрадовалась.

— Это мой папа! — сказала она.

В конце улицы машина поравнялась с Марио и Джоном. Марио обернулся и махнул рукой в сторону Элейн. Отец выпрыгнул из «юты», бросил машину почти на середине улицы и побежал к ней. Странное чувство охватывало ее все сильнее и сильнее. Добежав до нее, он заключил ее в свои медвежьи объятия.

— Господи, Элли! — тормозил он ее.— Где ты была? Я так о тебе тревожился!

«Тревожился обо мне? — подумала она.— Он в самом деле тревожился обо мне?»

Потом она вспомнила, что они поссорились и что с тех пор она с ним почти не разговаривала. Она почувствовала громадное облегчение, и промелькнула мысль, как было бы ужасно, если бы он не тревожился и совсем не думал о ней.

— Ой, помогите! — воскликнула она.— Кажется, я сейчас заплачу!

Под передним сиденьем в машине валялась коробочка с бумажными носовыми платками. Кто-то наступил на нее, сломал крышку и даже оставил на ней след от ботинка. Верхний платок был грязный, но остальные были в порядке. Элейн вытерла глаза и нос.

Когда они немного пришли в себя, Дэвид сказал:

— Я думал, ты сбежала из дому!

— Как это? — ответила она колко.— У меня нет дома, из которого можно сбежать. Я умираю с голоду,— добавила она.— Поехали, поедем где-нибудь.

Он включил зажигание, завел двигатель.

— Возьмем с собой этих парней? — спросил он, когда они поравнялись с Марио и Джоном, которые

ехали на велосипедах, да еще Бен сидел на багажнике у Марио.

— Никаких мальчишек,— сказала Элейн.— Хватит мальчишек на сегодня!

Дэвид посигналил и помахал им рукой.

— Ты ни с кем из девочек не подружилась в школе? — спросил он.

— Что-то я не обнаруживаю способностей дружить с девочками. Но я могу попробовать еще разок. У меня есть одна на примете.

Ее великодушие распространилось и на Линду.

«Я завтра поговорю с Линдой,— обещала она самой себе.— Приглашу ее участвовать в нашем представлении. Я правда постараюсь с ней помириться».

— Было бы совсем неплохо найти приятельницу среди девочек. А то ты все с мальчишками да с мальчишками.

Они помолчали, потом он заговорил снова:

— Я беседовал сегодня после уроков с твоим учителем.

Элейн насторожилась. Что происходит? Обычно он не задает ей вопросов насчет друзей, и к тому же что-то уж чересчур тщательно подбирает слова.

— О чем? — спросила она.

Дэвид несколько сменил направление разговора.

— Я временами беспокоюсь о тебе, Элли. Боюсь, это не жизнь для тебя: все время болтаться со мной с места на место.

Она и сама об этом думала последнее время, поэтому не ответила ничего.

Они остановились у светофора. Она украдкой взглянула на него. В оранжевых лучах фонаря его лицо было какого-то странного цвета. Лоб наморщен, глаза печальны. Непривычное чувство жалости пронзило ее, а глаза опять наполнились слезами. Она отвернулась и стала глядеть в окно; свет сменился на зеленый, и они тронулись.

— Не беспокойся обо мне,— сказала она.— Со мной, наверно, все будет в порядке.

Дэвид взял ее за руку. Потом он быстро заговорил, как будто хотел поскорее покончить с разговором:

— Питер Рассел думает, что ты не должна менять школу в этом учебном году. Он говорит, что миссис Филдс хочет взять кого-нибудь к себе, а то им с мужем очень тоскливо после отъезда дочери. Ты не возражаешь пожить у нее до конца года?

— А где будешь ты? — спросила Элейн. Сердце ее застучало, но она не поняла, от страха или от чего-то еще.

— Ну, я поеду на некоторое время на север и заработаю немного денег, к Рождеству вернусь.

Два противоположных чувства бушевали в Элейн: радость, что она останется в школе, и ужас от мысли, что отец просто надумал от нее отделаться.

— Разве ты не хочешь, чтобы я поехала с тобой? — спросила она.

— Очень хочу! — сказал он с таким жаром, что она поняла, что это правда.— Я-то, конечно, предпочел бы, чтобы ты поехала со мной. Но мне хотелось бы, чтобы тебе было лучше. Это не очень-то подходит девочке — все время находиться в разъездах, особенно теперь. Ты уже подрастаешь. Надо, чтобы кто-то позаботился о тебе как должно.

— А миссис Филдс хочет, чтобы я у нее жила?

— Мне показалось, что Питер в этом уверен. Но я решил сначала поговорить с тобой.

— Я и сама не знаю,— сказала она.— Мне нужно подумать.

— Надо, чтобы ты решила сама. Я приму любое твое решение.

«Да,— подумала Элейн.— Я сама решу. Я еще не знаю, на чем остановлюсь, но этот выбор будет правильным. И если уеду, то только потому, что захочу сама, а не потому, что меня кто-то заставит».

Элейн улыбнулась отцу. Она с полным оптимизмом смотрела в будущее.

«Милая мамочка... Это мое последнее письмо. На этом — все. Я подумала, может, стоит известить тебя об этом,— я со всем справлюсь сама, без тебя.

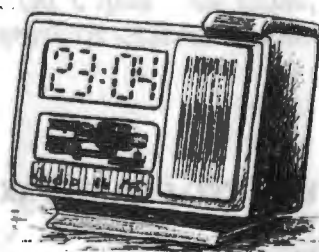
Привет и поцелуй от Элейн Тейлор».

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

ДЖИЛИАН РУБИНСТАЙН родилась в Англии, там же закончила школу и университет. Она много путешествовала, а затем стала писать публицистические статьи, печаталась как кинокритик в Австралии, в Сиднее, и в Лондоне. Поселившись в Сиднее, она позже переехала в Аделаиду, где и живет со своим мужем, сыном, двумя дочерьми, собакой, кошкой и еще десятком мелких зверюшек.

«Космические демоны» — ее первая повесть для подростков, за которую она получила в 1987 году национальную премию «Премия мира за детскую литературу». Хорошо известны ее книги «Поверх лабиринта», «Мелани и ночной зверь» и многие другие. Национальная премия за детские книги на Фестивале искусств была также присуждена ей в 1988 году.

ИРИНА ТОКМАКОВА родилась и живет в Москве. Окончила филологический факультет МГУ и аспирантуру. Но ученым не стала, вместо этого она сделалась детской писательницей и написала множество книг для детей — стихов, повестей, сказок. Многие ее пьесы идут на сценах детских и драматических театров. Юные читатели полюбили переведенные И. Токмаковой детские книги, например знаменитого «Питера Пенна» Джеймса Барри или «Удивительное путешествие Нильса с дикими гусями» шведской писательницы Сельмы Лягерлёф. Многие книги И. Токмаковой проиллюстрированы ее мужем, известным художником Львом Токмаковым.

Содержание

Космические демоны 5

Коротко об авторах 235

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Замок чудес»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский б-р, 376
Издательство АРМАДА*

Рубинстайн Дж.

Р 82 Космические демоны: Фантастическая повесть / Пер. с
англ. И. П. Токмаковой; Худож. А. М. Еремин, С. В. Мерку-
лов.— М.: АРМАДА, 1995.— 236 с.: ил.— (Замок чудес).

ISBN 5-87994-119-1

Книга Дж. Рубинстайн рассказывает о том, как удивительная компью-
терная игра увлекла нескольких австралийских подростков во враждебный
космический мир. Но оказывается, что добрые человеческие качества спо-
собны преодолеть любые трудности и любые испытания.

Р 4703050100-15 Без объявл.
903(03)-95

ББК 84.8

Литературно-художественное издание

Замок чудес

ДЖИЛИАН РУБИНСТАЙН
КОСМИЧЕСКИЕ ДЕМОНЫ

Фантастическая повесть

Составитель серии
В. Н. Маршавин

Зав. редакцией
И. Б. Щеглова

Ответственный редактор
Л. В. Гостева

Редактор
Е. М. Устинова

Художественный редактор
Л. П. Копачева

Технический редактор
Л. А. Глубокова

Корректоры
Л. В. Лобанова, И. И. Морозова

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Сдано в набор 02.01.95.
Подписано в печать 17.03.95. Формат 60х90^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л.
11,21. Усл. кр.-отг. 16,0. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2962.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, Тверь, просп. Ленина, 5

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

Как хорошо стать
маленьким-маленьким, чтобы
удивительный мир растений и насекомых
чудесным образом стал для тебя
близким и понятным!

Но для отважной девочки
Алисы и ее друзей
такое превращение
вовсе не чудо. Это просто
обыкновенное школьное
задание на каникулы.

А вот чудеса начались позже, когда на Землю
вторглись космические пришельцы-
лилипуты и захватили Алису
с друзьями в плен. Ужасная
угроза нависла над всеми
землянами, и ради победы
над злобными пришельцами
наши герои готовы пойти
даже на союз с бывшими
недрузьями с планеты Крокис...

Прочитайте очередную книгу

КИРА БУЛЫЧЕВА

"ВОЙНА С ЛИЛИПУТАМИ",

и, может быть, в вашей душе
найдется место для замечательной
девочки Алисы Селезневой.

Александр Больных

"ЗОЛОТЫЕ КРЫЛЬЯ ДРАКОНА"

В сказочной стране в городе Акантон жили-были два брата - Хани и Чани. Они любили приключения и ненавидели всякое зло и несправедливость. А в волшебном королевстве Хан Торез расцветала прекрасная и юная принцесса Ториль. И сплотила их всех беда: ужасный Морской Король решил завоевать и покорить Хан Торез. Он слыл жестоким и опасным. Долгой и трудной была борьба. Но если ты честно и самоотверженно защищаешь то, что тебе дорого, любые опасности и невзгоды тебе по плечу.

www.kitpon.ru
00569928

ЗАМОН
МУДРОСТИ

ДЖИЛИАН РУБИНСТАЙН

АРМАДА